

Санкт-Петербургское городское отделение
Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество
охраны памятников истории и культуры»

При поддержке
Фонда содействия восстановлению объектов истории и культуры
в Санкт-Петербурге и Всемирного клуба петербуржцев

20-е КОНСТАНТИНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«Великий князь Константин Николаевич.
К 195-летию со дня рождения и 130-летию со дня кончины»

Сборник материалов научной конференции 21 октября 2022 года

Санкт-Петербург
2023

Константиновские чтения — 2022. Великий князь Константин Николаевич. К 195-летию со дня рождения и 130-летию со дня кончины. Сборник материалов научной конференции 21 октября 2022 г. — СПб.: Каро, 2023. — 266 с.

Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич (1827–1892), родоначальник ветви Константиновичей в императорском Доме Романовых, во второй половине XIX века являлся значительной государственной и политической фигурой. Будучи управляющим Российским флотом, председателем Государственного Совета, председателем Комитета по отмене крепостного права, он внес значительный вклад в поступательное развитие экономики, политики и культуры Российского государства. Заметный след в истории и культуре нашей страны оставили члены его семьи и потомки.

В 2022 году исполняется 195 лет со дня рождения Константина Николаевича и 130 лет со дня его кончины. В сборнике материалов научной конференции «20-е Константиновские чтения» собраны статьи исследователей, историков о жизни и деятельности генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, а также материалы, касающиеся его семьи и окружения.

Содержание

ЧАСТЬ I

Голенко И. Г., Гореликов Н. И.

Голенко и Сарычев. История двух «константиновцев» 5

Казанина Н. В.

Художественные произведения из собрания великого князя
Константина Николаевича в Мраморном дворце 26

Мантуров М. В.

Судьба личных апартаментов великого князя
Константина Николаевича в Мраморном дворце 37

Моисеев Г. А.

«Ужасно люблю это заведение!..» Великий князь Константин
Николаевич и Санкт-Петербургская консерватория 47

Новикова О. В.

Участие великого князя Константина Николаевича
в Политехнической выставке 1872 года в Москве 58

Смирнов В. Г.

Избрание великого князя Константина Николаевича
почетным членом Американского Географического
и Статистического общества 75

Стафёрова Е. Л., Шевырёв А. П.

Великий князь Константин Николаевич в 1856 г.:
от морского министра к государственному деятелю 85

Трубинов Ю. В.

Опыт реконструкции метода архитектора
А. А. Авдеева по проектированию церкви в Крымском
имении великого князя Константина Николаевича 99

ЧАСТЬ II

Аксенова Г. В.

Поэтическое наследие К. Р.

в нотной-музыкальных изданиях.116

Андреев В. Е.

Несостоявшийся моряк

(по материалам документов рода Константиновичей)144

Букштынович Н. М.

Великий князь Константин Константинович —

генерал-инспектор военно-учебных заведений (1910–1915).157

Журавская А. Н.

Благотворительность в семье Константиновичей.187

Запорина М. В.

«Итак, я стал московским дворянином»205

Обухова М. А.

Земские врачи с. Осташёво — Дора Семеновна Таубер

и Абрам Павлович Штерн219

Саламатова Е. А.

«...с теплою надеждою, что труд мой будет принят благосклонно».

Художники Императорской Академии художеств и великая

княгиня Александра Иосифовна233

Шевцова Г. И.

Отражение личности княгини Елены Петровны

в ее мемуарах «Я была в Екатеринбурге»243

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ганф Т. И.

Необходимость прославления Алапаевских мучеников —

князей императорской крови Иоанна, Игоря, Константина

Константиновичей, а также убиенного великого князя

Дмитрия Константиновича254

Часть I

И. Г. Голенко

*Директор КРАНО «Центр Культурного
наследия и исторических личностей»*

Н. И. Гореликов

Независимый исследователь

Е. Н. Гореликова-Голенко

Историк

Голенко и Сарычев. История двух «константиновцев»

К 60-м гг. XIX в. вокруг великого князя Константина Николаевича сложилась особая команда из прогрессивных и деятельных людей: членов Государственного Совета графа К. И. Палена и сенатора Д. Н. Замятина, генерала от инфантерии Я. И. Ростовцева, Министра Народного просвещения А. В. Головнина; немного позднее — Н. А. Милютина, Ю. Ф. Самарина, К. Д. Кавелина, Н. Х. Бунге, — чьи взгляды на реформы, их своевременность, необходимость и методы проведения совпадали. Это был круг политических единомышленников, он хорошо представлен в литературе и изучен. Данное исследование посвящено ближнему кругу помощников великого князя.

Для управления собственным хозяйством в России и делопроизводством в Польше, где содержался обширный двор с канцелярией, Константину Николаевичу, при его занятости в выполнении государственных функций, требовались надежные помощники, обладавшие нужными качествами: грамотностью, инициативностью, умением планировать работу; при этом исполнительные и, конечно,

беззаветно преданные престолу. Естественно, отбирал он их из той среды, которую хорошо знал сам. Поэтому в основном это были морские офицеры. Так сложился ближний круг «константиновцев». Яркими представителями этого круга были Александр Иванович Грехов, Фёдор Васильевич Сарычев, Константин Петрович Голенко, Николай Павлович Повало-Швейковский, Порфирий Алексеевич Зеленой.

Биографии двух ближайших помощников великого князя, Голенко и Сарычева, удивительно схожи. Их жизненные пути развивались параллельно, иногда причудливо переплетаясь. Из послужных списков Голенко и Сарычева известно, что с раннего детства оба мальчика родителями были отправлены на обучение в военно-морские корпуса. Несмотря на то, что Голенко был почти на два года старше Сарычева, последний начал обучение на пять лет раньше, а значит, успел ко времени их предполагаемого знакомства лучше адаптироваться к казенному заведению и порядкам, которые там были установлены предшественниками и администрацией.

Константин Голенко родился 5 мая 1822 г. В феврале 1836 г. поступил в Морской корпус кадетом, в начале 1838 г. произведен в гардемарины. Фёдор Сарычев родился 3 января 1824 г. В возрасте семи лет, в 1831 г., был зачислен в морскую роту Александровского корпуса кадетом¹. В 1835 г. Фёдора Сарычева переводят в Морской корпус, а в январе 1840 г. он произведен в гардемарины. По-видимому, знакомство Голенко и Сарычева состоялось в Санкт-Петербургском Морском кадетском корпусе в феврале 1836 г. Именно здесь и именно в это время директор И. Ф. Крузенштерн начал свои реформы. В мае 1836 г. он утвердил «Правила для гардемаринов и кадет», обязательные для выполнения будущими офицерами российского флота.

¹ Александровский кадетский корпус располагался в Царском Селе в Благородном пансионе при Лицее, состоял под личным покровительством императрицы Александры Фёдоровны.

В документе объявлялось: «Никто из кадетов в гардемарин или из гардемарин в офицеры не будет произведен, если на предварительном испытании не окажет достойных по фронтовой службе сведений»². И, перво-наперво, необходимо «вести себя так, как принято в благородном обществе... <...> [Главная] обязанность воспитанникам есть послушание и почтительность к высшим себя, и не только офицерам, но и к тем, кто избран и поставлен для надзора за ними из среды товарищей (фельдфебели, унтер-офицеры и прочие). В ротах не кричать, песен не петь, не свистеть, мебели с места не трогать, на кровати днем не садиться и не ложиться»³.

Среда, в которую попали наши герои, была специфической. С одной стороны, образование кадетам давали по тем временам прекрасное. Даже простой перечень изучаемых предметов дает представление об обширности приобретаемых знаний. Кадетам преподавали, прежде всего, словесность: русский язык и языки по выбору (немецкий, французский и прочие). При этом учителя, как правило, являлись носителями языка. Далее следовали общеобразовательные предметы. Арифметику штудировали по учебнику Магницкого, преподавались дифференциальное и интегральное исчисления, навигация, кораблевождение и кораблестроение. Обучались фехтованию — владению холодным оружием (кортиком, палашом — в качестве подготовки к абордажному бою, и ружьем — на случай боя на суше). А еще кадеты учились рисованию, гимнастике и танцам (посему морские офицеры считались завидными кавалерами на светских раутах и балах). Что касается К. П. Голенко и Ф. В. Сарычева, известно, что в их программу входили: русская грамматика и словесность, французский язык, география российская, всеобщая история и эволюция, начертательная геометрия, тригонометрия на плоскости и сфере, теоретическая механика, геодезия,

² Цит. по: Зуев Г. И. Историческая хроника Морского корпуса. 1701–1925 гг. М., 2005. С. 161.

³ Там же. С. 161.

практика, артиллерия, фортификация, астрономия и навигация⁴. Еще с 1826 г. Морской кадетский корпус находился под непосредственным патронажем Императора. С марта Николай I стал его официальным опекуном и покровителем и ввел личные регулярные (плановые и внеплановые) посещения корпуса. Родители наших мальчиков не могли об этом не знать, и именно поэтому, отдавая их сюда, рассчитывали на лучшее образование и успешную будущую карьеру для своих детей. П. И. Голенко, отец Константина, получил информацию о Морском корпусе от друга и сослуживца П. Н. Беклешова, выпускника 1812 г. А славная история династии Сарычевых, насчитывавшей нескольких адмиралов, предначертала жизненный путь Фёдора еще до его рождения. После ранней смерти отца ребенка определили, естественно, в моряки.

С другой стороны, в период занятий дисциплина была жесткой. Естественно, накапливался адреналин, ищущий выхода. Поэтому в свободное от занятий время по поводу и без повода возникали драки. В корпусе действовали неписанные законы, которые передавались от старших к младшим. В наше время эти «законы» называются «дедовщина», а в то время именовались «цук» — от термина, характеризующего щелчок или затрещину. Несмотря на достижения И. Ф. Крузенштерна в оживлении учебного процесса, в особенности практических занятий с замечательной организацией тренировок кадет, с превосходным обеспечением материальной части, включая обширную библиотеку, обновленные учебники, совершенные макеты и прочее, все его «нововведения... в сфере воспитания оказались лишь полумерами и не смогли радикально преобразовать сути системы. Порядки в стенах корпуса оставались суровыми. Старший и сильный стремился проявить свою власть над младшим и слабым»⁵. Воспитанник тех лет А. С. Зеленой свидетельствует: «Нравы самих кадет и их обращение друг с другом в мое время были

⁴ Там же. С. 161–162.

⁵ Там же. С. 161–162.

поистине варварскими. И чем старше рота, тем грубее были [наши] нравы и обычаи... <...> Мы беспрестанно дрались. Вставали — дрались, за сбитнем — дрались, перед обедом, после обеда, в классном коридоре, вечером, ложась спать — дрались; в умывальниках — сильнейшие драки. Мы дрались за все и про все, просто так, ни за что, и не то чтобы шутками — до крови и синяков»⁶. По его словам, рукоприкладством постоянно занимались низшие начальники: «Офицеры нас не били, но свои братья фельдфебели, унтер-офицеры, ефрейторы... дрались отлично»⁷.

Мальчики, Сарычев и Голенко, один младше и «опытнее», второй старше и задиристее, до учебы воспитывались в одинаковых условиях, в спокойной и комфортной атмосфере имений своих родителей. Но это было давно, они в слишком юном возрасте попали в корпус, и другая жизнь — за пределами казармы, за стенами корпуса — обоим была почти неизвестна. Нравы, царившие в корпусе, и то, что они оба страдали от «тычков» старших, заставляло их держаться друг друга. В обстановке, когда приходилось драться утром, в обед и вечером, формировались группы по 7-8 человек, которые назывались «кубрики». Члены этих групп защищали друг друга, так жить было легче. Есть еще одна немаловажная деталь, которая способствовала их дружбе: оба они — уроженцы Псковской губернии, земляки, что ценилось во все времена. К примеру, вместе с ними учились братья-псковичи Николай и Михаил Повало-Швейковские. Их жизнь и служба в дальнейшем тоже были тесно связаны с флотом, а у Николая Павловича — и с великим князем, и с «константиновцами». Взаимная поддержка и дружба, зародившаяся в «кубрике», прошли через годы. Вспоминались однокашниками и приятные моменты: интересные уроки в кадетской обсерватории; занятия по постройке разборной модели фрегата «Президент»; добрые воспитатели и хорошие учителя, среди которых были историк

⁶ Там же. С. 162.

⁷ Там же. С. 162.

И. П. Шульгин, словесник В. Т. Плаксин, преподаватель астрономии С. И. Зеленой; конечно, друзья детства⁸. Или праздники, особенно 19 декабря — День св. Николая, покровителя русских моряков (и покровителя Морского корпуса), когда устраивались детские пиршества со сладостями.

Юный великий князь также приобщался к морю и морскому делу с раннего детства. На всю жизнь Константин Николаевич запомнил майский смотр 1832 г., на котором он присутствовал, будучи еще пятилетним ребенком, и, когда перед членами царской семьи парадным маршем проходил Морской корпус, Николай I обратился к сыну: «Смотри, это твои товарищи!»⁹ Первый морской поход на военном корабле, девятилетний Константин Николаевич совершил в 1836 г. в составе отряда контр-адмирала Литке, своего воспитателя. Эскадра из двадцати шести судов Балтийского флота 4 июля отошла из Кронштадта в Ревель и Свеаборг. Великий князь был на фрегате «Беллона», который вернулся в Кронштадт спустя две недели. За это путешествие Николай I пожаловал сыну якорь на погоны¹⁰. А мальчик навсегда влюбился в море. Его плавания по Балтике продолжались. В 1841 г. великий князь совершил поход на фрегате «Ольга». Несмотря на юный возраст, Константин Николаевич успел снискать любовь сослуживцев. В нравственно-политическом отчете 3 отд. Собственной Е. И. В. канцелярии сообщалось: «Молодые офицеры обожают великого князя Константина Николаевича и только ожидают, чтобы он вырос для славы Российского флота»¹¹.

⁸ См. *Веселаго Ф. Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса за 100 лет. М., 2013, С. 194–195.

⁹ Там же. С. 192.

¹⁰ *Завьялова Л. В., Орлов К. В.* Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009. С. 31.

¹¹ Россия под надзором: Отчеты 3-го Отд. 1827–1869. М., 2006. С. 267.

Морская практика, связанная с хождением на учебных кораблях Кадетского корпуса, а позднее и на кораблях Балтийского флота, начиналась с поступлением в гардемаринский класс. Гардемарин — это уже не кадет, но еще и не офицер. Это как бы переходная ступень, состояние молодых людей, когда они уже не дети, но еще и не взрослые. Гардемаринов называли «ни рыба, ни мясо»¹².

Производство в первый офицерский чин — мичмана — у наших героев произошло почти одновременно, в 1841 г. Правда, выпуск у Голенко состоялся 8 января, а у Сарычева — 22 декабря. По совокупности успеваемости, поведения и результатов экзаменов оба были в своих выпусках в числе лучших: Голенко окончил курс 13-м из 64 человек, Сарычев — 23-м из 63. Десять перспективных учеников, и среди них Голенко, были отобраны для продолжения обучения в офицерском классе Морского корпуса. Предполагалось, что оно продлится до трех лет. По окончании класса выпускникам обычно присваивалось очередное воинское звание — лейтенант. Однако ершистый характер и обостренное чувство собственного достоинства, помноженные на юношеский максимализм, чуть не уничтожили будущую карьеру Константина Голенко. В архиве сохранилось дело, раскрывающее суть происшедшего. Во время занятий лейтенант Максимович в присутствии

¹² Этот возрастной этап наиболее, по мнению великого князя, способствовал обучению морской специальности. Пока курсанты были еще детьми, им давали классическое образование, а на старших курсах переходили исключительно к морским специальностям и навыкам, приближая гардемарин к реальной морской службе. Учебный процесс в таком виде существовал на флоте начиная с реформы 1860 г. до 1882 г., когда его отменил Алексей Александрович, брат Александра III, занимавший после отстранения Константина Николаевича должность Главного Начальника Флота. Непонимание приемниками тонкостей организации учебного процесса и, по сути, подготовки будущих моряков сильно расстраивало великого князя. // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 113. Л. 55–55 об.

слушателей офицерского класса и некоторых педагогов сделал мичману Голенко замечание по поводу расстегнутого воротничка. Для правильной оценки ситуации следует отметить, что офицер, сделавший выговор офицеру, был едва старше, и еще недавно сам являлся воспитанником. Посчитав себя публично оскорбленным, Голенко предпринял попытку «объяснить» обидчику неправильность его поступка, а тот «нажаловался» начальству¹³. Была проведена тщательная проверка, в результате которой Голенко получил запись в формулярный список, исключавшую в дальнейшем возможность награждения его знаками беспорочной службы. Точку в этом деле поставил куратор Морского корпуса вице-директор инспекторского департамента Главного морского штаба М. Н. Лермонтов, который посчитал, что юношеская горячность — явление временное; а хорошо выученный морской офицер нужен флоту. Однако из офицерского класса Голенко отчислили¹⁴.

Итак, на протяжении всего 1841 г. Константин Голенко оставался в Морском кадетском корпусе, где как раз заканчивал основное обучение его приятель, Фёдор Сарычев. При производстве в мичманы оба были определены для прохождения службы в 37 флотский экипаж Черноморского флота, и это оказалось судьбоносным.

Первые шаги на флоте у только что получивших погоны офицеров оказались соответствующими их характерам. Поступки 18-летних юношей во многом определяла молодая горячая кровь. Голенко не изменяет себе и почти сразу попадает на «губу» «за нанесение удара по лицу лекарю Мошнину»¹⁵. По конфирмации Глав-

¹³ ЦГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3135.

¹⁴ Дальнейшая служба лейтенанта Максимовича не сложились. Через несколько лет он ушел с флота.

¹⁵ Общий Морской Список: Царствование Н[иколая] I. Часть IX: А–Г. СПб., 1897. С. 604.

ного командира Черноморского флота и портов (эту должность занимал Адмирал М. П. Лазарев) Голенко два месяца провел в крепости. Не по годам серьезный Сарычев, спокойно влился в разношерстный коллектив флотского экипажа.

Пути молодых мичманов вновь сходятся в 1843 г. Они оба служат на корвете «Орест» под командованием капитан-лейтенанта К. С. Кутрова, увлечены морем и, наконец, окунаются в реальную взрослую жизнь морских офицеров. Совместная служба еще более сближает их. Они офицеры одного экипажа, ходят на одних и тех же судах, иногда вместе. Понятие «кубрик» теперь имеет для них совершенно иное значение.

Голенко в 1844–45 гг. — на пароходофрегате «Бессарабия» под командованием капитан-лейтенанта Н. М. Соковнина, затем его переводят на другие корабли. Морская служба на той же «Бессарабии» у Сарычева продолжается уже под командованием флигель-адъютанта В. И. Истомина¹⁶. Во время плавания из Николаева в Одессу, Константинополь, Греческий архипелаг и обратно судьба сводит его с юным великим князем Константином Николаевичем¹⁷. Несколькоими годами позднее Голенко тоже знакомится с членами императорской семьи, проходя службу на бриге «Неарк». В 1849–1850 гг. он более пятнадцати месяцев находился в распоряжении Российской императорской миссии у Константинополя. Дипломатический и военный характер миссии в Турции предполагал периодическое присутствие здесь высокопоставленных членов царской фамилии.

¹⁶ Владимир Иванович Истомин, капитан 1 ранга, являясь командиром 35 флотского экипажа, в 1853 г. перевел к себе Голенко и назначил командиром транспорта «Буг», а Сарычев уже служит под его командой, начиная с «Бессарабии».

¹⁷ Общий Морской Список: Царствование Н[иколая] I. Часть XI: Н–С. СПб., 1900. С. 447.

Служба в парусном флоте трудна, не все ее выдерживают¹⁸. В 1841 г. вместе с К. П. Голенко мичманами выпущены 64 воспитанника Кадетского корпуса. Мы проследили судьбы шестидесяти из них (данных о четырех, к сожалению, найти не удалось). К началу Крымской войны на морской службе остались лишь 25 офицеров.

Звание лейтенанта Голенко получил в 1846 г., Сарычев — в 1848 г. Оба подошли к войне опытными военными моряками. Начало войны Сарычев встречает под командой капитана 2-го ранга А. П. Спицына на 88-пушечном линейном корабле «Гавриил» на рейде Севастополя. В октябре 1854 г. этот корабль, находясь внутри Севастопольской бухты, ежедневно обстреливал батареи неприятеля, нанося серьезный урон. 5 ноября 1854 г. «Гавриил» был затоплен на месте разрушенного штормом корабля «Силистрия» (кстати, по образцу которого он был в свое время построен). В декабре 1854 г. за отличия по службе Сарычев произведен в капитан-лейтенанты. В это время Голенко назначен командиром транспорта «Кинбурн», где служит с 11 марта по 12 сентября 1854 г. Этот транспорт, водоизмещением 176 тонн и длиной 69 футов, имел на вооружении 2 пушки и являлся брандером (торпедой, бомбой, начиненной порохом), предназначенным для поджога вражеских судов. Сохранились свидетельства В. А. Сте-

¹⁸ Через 30 лет, в 1879 г., сын К. П. Голенко, гардемарин Константин, точно так же вдыхал морской воздух в своих первых походах и делился с родными переживаниями. Из письма К. К. Голенко сестре Адelaide: «Сегодня имею удовольствие стоять на вахте при труднейшей обязанности с 12 до 4 часов ночи. Спать хочется смертельно. Обязанность моя состоит в том, чтобы записывать в особенную книгу, называемую шканечным журналом, все случаи, замеченные в мою вахту, кроме этого, записывать направление ветра и силу его, курс и плавание в милях и многое еще другое. Моя обязанность заставляет меня стоять в маленькой каморке, построенной на палубе; и я, воспользовавшись этим, пишу тебе. Но я чувствую, что сила у меня на это все уменьшается и уменьшается, ибо спать хочется невыносимо». // РГИА. Ф. 493. Оп. 8. Д. 47. Л. 4.

ценко, офицера, состоявшего при Адмирале Корнилове «для разных военных поручений», о предложении Голенко начальству выйти на своем транспорте в море и, не дожидаясь высадки неприятеля на сушу, сжечь и потопить корабли противника. Руководством предложение было отклонено¹⁹. С 12 сентября Голенко перевели командовать более современным кораблем «Буг» (тоже брандером, длиной 94 фута, водоизмещение которого составляло уже 220 тонн). Он снова пытается выйти в море, «броситься на неприятельский флот, дабы нанести ему наивозможный вред»²⁰, и снова не получает на эту акцию разрешения командования. В дальнейшем, весной 1855 г., оба транспорта, которыми командовал Голенко, вместе с другими судами были затоплены на Севастопольском рейде для укрепления первоначальной защитной линии, поврежденной зимними штормами 1854–55 гг.²¹ Правда, «Бугу» повезло, и по окончании Крымской войны он был поднят со дна.

¹⁹ Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству о Севастопольской обороне Севастопольцами. Том 1. СПб., 1872. С. 163.

²⁰ *Семевский М. И.* Константин Петрович Голенко // *Русская Старина*. СПб., 1884. С. 660.

²¹ «В тот трагический для моряков-черноморцев день, 11 сентября 1854 г., на рассвете между Константиновской и Александровской батареями первыми были затоплены „Силистрия“, „Варна“, „Уриил“, „Селафаил“. В 8 утра ушли на дно фрегаты „Флора“ и „Сизополь“. 120-пушечный герой Синопа, линейный корабль „Три Святителя“ умирать не хотел, пусть и доблестно. Его пришлось добивать. Пароход „Громоносец“, сделав 27 орудийных выстрелов, прервал агонию синопского ветерана. Из вахтенного журнала линейного корабля „Три Святителя“: „Часы: 1 Ветры: SW. Ветер тихий, ясно. В 1 час корабль „Три святителя“ пошел ко дну с орудиями, рангоутом, порохом и морскою провизией“. Стоявшие на берегу матросы зарыдали. Нам не дано узнать, что творилось в их душах, но, наверное, смерть кораблей дала им те силы, которые позволили почти год держаться на бастионах». // *Ченнык С. В.* Противостояние. Севастополь, 2012. С. 122.

С затопления кораблей начинается «сухопутная страда» морских офицеров Сарычева и Голенко в героической обороне Севастополя. С началом обороны оба направляются на два самых опасных участка. Сарычева переводят в гарнизон Севастополя и назначают помощниками к командиру 4-го бастиона В-В. Г. Реймерсу. Этот бастион представлял собой один из важнейших пунктов оборонительной линии и был предметом решительной атаки со стороны союзников. (Противниками Бастиона № 4 почти всю компанию были французы. Его называли Мачтовым, и именно с него началась знаменитая подземно-минная война, которую выиграли русские саперы.) С 13 сентября Сарычев заведует артиллерией на 4 Бастионе²². В то же самое время и Голенко переведен в гарнизон Севастополя, с 13 сентября 1854 г. по 18 июня 1855 г. он на легендарном 3 Бастионе, названном неприятелем Большой Редан. (Защитники же говорили о нем «Честной» Бастион. Против него всю оборону стояли английские войска.)

Оба бастиона оказались в эпицентре боев, справа и слева прикрывая Малахов курган; и до последнего дня оба не были взяты.

За мужество при отражении бомбардировки города в октябре 1854 г. Фёдора Васильевича Сарычева, командовавшего в этот момент 2-м флотским батальоном на 4 Бастионе, наградили орденом Св. Анны 3 ст. с бантом. Константин Петрович Голенко за отличие при отражении той же бомбардировки Севастополя в октябре 1854 г. получил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом.

С 22 октября Голенко назначается командиром 3-го бастиона на 3-м отделении Севастопольской оборонительной линии²³. 24 октября и 9 декабря 1854 г. он получил контузию камнем в руку и грудь и ранение пульей в ногу, но остался на посту. Сарычев пер-

²² Общий Морской Список: Царствование Николая I. Часть XI: Н-С. СПб., 1900. С. 446–448.

²³ Формулярный список: О службе и достоинстве 35 Флотского Экипажа Капитан-лейтенанта Константина Голенко. 1857 // ЦГА ВМФ.

вый раз был ранен в лицо и контужен в спину 12 апреля 1855 г., но, как и многие, не покинул свой пост. И только 22 апреля после серьезного ранения осколком бомбы в плечо, сильной контузии в голову, лопатку и грудь все же отправлен на излечение на пароходофрегат «Владимир», а затем в город Николаев. За отличие при отражении второй бомбардировки Севастополя с 18 марта по 8 апреля 1855 г. Ф. В. Сарычев награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом.

Голенко тоже продержался в строю до второй бомбардировки, когда ранение в обе ноги и сильная контузия головы от разорвавшейся неприятельской бомбы потребовали оставления бастиона²⁴. Его отправили лечиться на квартиру в Симферополь с 31 марта по 24 мая 1855 г.; после чего он возвратился на бастион, где через несколько дней, 1 июня 1855 г., был снова серьезно контужен в голову и правый глаз. До 17-го июня он находился на том же пароходофрегате «Владимир»²⁵, что и немногим ранее Сарычев. После им обоим пришлось оставить Севастополь. Фёдор Васильевич долечивался в Николаеве, где затем получил новое назначение, а Константин Петрович был уволен в отпуск на четыре месяца для продолжения лечения в Санкт-Петербурге и Москве²⁶.

Несколько тяжелых ранений и контузий... Всю жизнь Голенко густыми усами, бородой и длинными волосами маскировал следы от ожогов на лице и прятал травмированную руку, а Сарычев до

²⁴ См. *Семевский М. И.* Указ. соч. С. 660.

²⁵ Во время осады Севастополя пароходофрегат «Владимир», будучи флагманом отряда русских кораблей под командованием капитана 2-го ранга Г. И. Бутакова, выполнял функции не только командного пункта, но также являлся госпиталем, а еще тюрьмой для высокопоставленных пленников.

²⁶ Формулярный список: О службе и достоинстве 35 Флотского Экипажа Капитан-лейтенанта Константина Голенко. 1857 // ЦГА ВМФ.

конца дней хромал и мучился от болей в раненой спине. И все же и Голенко, и Сарычеву повезло: они выжили²⁷.

Походная Дума Георгиевских кавалеров при Главной квартире под председательством П. С. Нахимова на своем заседании 26 апреля 1855 г. признала К. П. Голенко достойным ордена Св. Георгия 4 ст. за следующие подвиги: «Находясь с 18 октября по 31 марта командиром бастиона № 3, в продолжение этого времени несколько раз подбивал неприятельские орудия и тем заставлял молчать батареи в продолжении суток»²⁸. 30 апреля главнокомандующий Южной армией и войсками в Крыму князь М. Д. Горчаков поддержал решения Думы Георгиевских кавалеров и подписал приказ о награждении Ф. В. Сарычева и К. П. Голенко орденами Св. Георгия 4-й ст. (№№ 9 597 и 9 602 по списку Григоровича-Степанова). Указ был утвержден Императором 11 мая: «за подвиги примерной храбрости, оказанные при обороне Севастополя и в особенности при последнем десятидневном усиленном бомбардировании неприятелем сего города»²⁹.

В короткие передышки своей фронтовой жизни друзья встречались. Им было что вспомнить. Большая ответственность и общее дело еще больше сблизили молодых командиров. Лишь тяжелые ранения развели друзей по разным городам. Осенью 1855 г. великий князь Константин Николаевич посещал госпиталь в Николаеве, где

²⁷ 5 декабря 1854 г. князь Меншиков вручил Александру Ивашкину, однокашнику Голенко по Морскому кадетскому корпусу, Георгиевский крест. Ивашкин пришел на 4-й Бастион «...просить адмирала Новосильского и всех нас к себе на пирог, — вспоминал впоследствии командир В. Реймерс, — но, выходя из адмиральского блиндажа, от штуцерной пули пал он мертвым около траншеи, и мы уже не на радость, а за упокой товарища доели пирог». См. *Ляшук П. М. Герои «Севастопольской страды»*. Симферополь, 2001. С. 53.

²⁸ *Ляшук П. М. Указ. соч. С. 73.*

²⁹ Г-685/47 // Фонды Музея героической обороны и освобождения Севастополя. МГО ОС. См. *Ляшук П. М. Указ. соч. С. 68, 73.*

лечился Сарычев, общался с ранеными офицерами и думал о том, «как лучше употребить их по службе»³⁰.

Из войны наши герои вышли зрелыми, сложившимися командирами. Георгиевские кавалеры, оба принимают решение остаться служить на флоте, оба вскоре заводят семьи. Константин Петрович Голенко женился в 1856 г. и 1 января 1857 г. родился первый из его десяти детей³¹. Сарычев вступает в брак двумя годами позже, через год у него рождается сын, затем две дочери и позднее еще один сын, Константин, крестник великого князя. Константин Николаевич всегда ко всем своим воспитанникам относился истинно по-отечески.

Друзья, продолжая числиться по флоту, параллельно назначаются на гражданские должности, и в этом чувствуется задушка великого князя и его государственное видение развития России. Еще в 1856 г., после излечения, Сарычева переводят на Балтийский флот и назначают командиром построенного в Архангельске клипера «Опричник». На нем он в конце года отправился из Белого моря в Копенгаген, а весной прибыл в Кронштадт. Уже с февраля 1858 г. он на службе у великого князя. Его назначают управляющим в родной город Гдов. Голенко еще 5 лет служит на Черном море на гражданских судах, так как по Парижскому мирному договору 1856 г. Россия лишалась права иметь военный флот. В декабре 1861 г. он возвращается в имение своего отца. Его избирают мировым посредником, с зачислением по флоту, позднее он служит почетным мировым судьей Островского уезда, а затем участковым мировым судьей³². Жизнь его теперь тоже протекает на родной для обоих псковской земле. Друзья переписываются. В 1862 г. Сарычев сообщает Голенко, что уезжает в Варшаву. Фёдор Васильевич был откомандирован

³⁰ Воронин В. Е. Великий князь Константин Николаевич: Становление государственного деятеля. М., 2002. С. 59.

³¹ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 197. Л. 29.

³² ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 197. Л. 52–53 об.

исправлять должность управляющего Придворной канторой Его Высочества в царстве Польском. Новая должность требовала глубокого знания юридических и дипломатических тонкостей в подготовке документов, учета местных обычаев, понимания истории взаимоотношений России и Польши. С этой задачей Сарычев блестяще справился. В конце 1863 г. он вместе с великим князем вернулся в Россию, и вскоре его назначают советником Павловского городского правления. В 1866 г. Сарычев произведен в капитаны 1 ранга, Голенко отстал от него на полгода. Карьера Фёдора Васильевича неуклонно движется вверх: в 1867 г. он становится заведующим Придворной канторой великого князя; в 1873 г. ему поручено управлять Двором Его Императорского Высочества, причем в 1875 г. за отличное исполнение обязанностей Сарычев произведен в контр-адмиралы.

Деятельность Константина Петровича Голенко в эти годы тоже вполне успешна, как на поприще ведения собственного хозяйства, так и на юридическом, что было отмечено серебряной медалью за введение Уложений реформы 1861 г. В Псковской губернии он активно участвовал в деятельности по освобождению крестьян, причем начал с собственного имения. По всей вероятности, два фактора послужили тому, что в 1871 г. К. П. Голенко был приближен к великому князю. Для осуществления реформ в аппарат требовались свежие силы и люди — проводники новых идей. Сарычев уже давно был среди них. Он рекомендует Константину Николаевичу старого друга, проверенного и в военное, и мирное время, указывая на его блестящее образование, морскую дисциплину, навыки хозяйствования. С деловой стороны Голенко был хорошо известен в Псковской губернии. Его глубокие практические знания в области юриспруденции ценил К. И. Пален, бывший Псковский губернатор, а в описываемое время входивший в ближнее окружение великого князя. Вероятно, его мнение сыграло свою роль в назначении Голенко на должность управляющего городом Павловском. Но и сам Константин Петрович старался двигаться вверх по карьерной лестнице.

В его большой семье к этому моменту уже подрастали восемь детей, нужно было думать об их образовании и будущем устройстве.

Сарычеву как управляющему двором были хорошо известны проблемы в хозяйственном состоянии Павловска. Необходимость приглашения нового инициативного распорядителя назрела давно. Кого он еще мог порекомендовать, как не своего близкого друга? Семья Голенко переезжает из родового имения в Павловск, где вскоре (11 сентября 1872 г.) рождается сын Георгий. Стать крестным отцом моему прадеду Георгию Константиновичу был приглашен лучший друг Ф. В. Сарычев³³.

Служба Сарычева и Голенко у великого князя охватывает два периода. Первый — это активная государственная деятельность. Второй — годы отставки и частная жизнь после 1881 г. Голенко постепенно становится Управляющим всеми имениями великого князя, а Сарычев до конца жизни остается управляющим двором Его Высочества. Они много сотрудничают, постоянно находясь при Константине Николаевиче, который часто перемещается из Павловского дворца в Мраморный и обратно. Как когда-то они командовали сотнями солдат на соседних бастионах, прикрывавших Малахов курган, так и теперь они взаимодействуют с сотнями людей, руководя двумя главными службами в аппарате великого князя. Так судьба новым узлом соединила друзей детства. Центром их вселенной на долгие годы стал виднейший политический деятель второй половины XIX в., брат и ближайший помощник в проведении великих реформ Александра II, Константин Николаевич Романов.

Управляющий двором и главноуправляющий имениями великого князя — это, по сути, две ключевые должности в беспокойное время реформ. От них зависели взаимоотношения с аппаратом Императора, Сенатом, министерствами, особенно Адмиралтейством, а также непосредственно с членами царской семьи. Представляется, что в распределении должностей, которые занимали Сарычев

³³ ГАПО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 197. Л. 30.

и Голенко, решающим оказался фактор личностных характеристик наших героев. Спокойный и рассудительный Сарычев возглавлял сугубо бюрократическую структуру, где должен быть неукоснительно соблюден этикет, где необходимо четко следовать мельчайшим пунктам протокола и утвержденной иерархии в отношениях. В сферу его ответственности, помимо хозяйственных обязанностей, кадровых вопросов и прочее, входила организация полного документооборота великокняжеской канцелярии и контроль его прохождения. Живой характер Голенко оказался более полезен в сфере, открытой для нововведений и хозяйственной деятельности, где он меньше зависел от традиционных правил, а больше — от желаний самого Константина Николаевича. Он фактически отвечал за управление личным имуществом великого князя, и в результате сделал его хозяйство безубыточным, а позднее даже приносящим прибыль. Интересный эпизод дошел до нас, благодаря записи, оставленной Константином Николаевичем в своем дневнике от 12 января 1877 г.: «Дома работал с Сарычевым и Голенкой. [Он] мне принес отчет по Павловску и Стрельне с остатком 18 тысяч. Каждому из них дал по 3 тысячи»³⁴. Из этого фрагмента можно сделать несколько выводов. Во-первых, великий князь равно ценил обоих своих помощников. Во-вторых, Константин Петрович, понимая сложное финансовое положение своего друга, сообщил новость об экономии средств не лично Его Высочеству, а в присутствии Сарычева. Тем самым, способствуя награждению и его тоже.

Одновременно с государственными делами у великого князя шла его частная жизнь. С 1871 г., с образованием второй семьи и рождением в этой новой семье пятерых детей, все сильно усложнилось. Константин Николаевич не разорвал отношений с Александрой Иосифовной, они продолжали вежливо общаться. Он посвятил всю свою жизнь воспитанию детей и от первого, и от второго неофициального брака. Подчас ситуация становилась очень тяжелой,

³⁴ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 112. Л. 47 об.

проблемы казались неразрешимыми. В условиях непонимания и неодобрения племянником, Александром III, великий князь мог рассчитывать только на помощь своих близких друзей и доверенных лиц. Такими за годы для него сделались Константин Петрович и Фёдор Васильевич. Два друга стали крестными детей Константина Николаевича и Анны Васильевны Кузнецовой: Голенко — Марины и Измаила, Сарычев — Анны и Льва. А затем на протяжении многих лет Голенко занимался процедурой определения и утверждения дворянского статуса детей великого князя. К концу 1880 г. Александр II одобрил проект и приказал подготовить указ о даровании им прав потомственного дворянства. Из-за гибели императора решение вопроса было отложено. Друзья неустанно отслеживали на разных уровнях продвижение дела. 6 мая 1883 г. К. П. Голенко вновь обратился к императору Александру III с личным прошением об определении статуса воспитанников. И лишь 17 мая 1883 г. многолетние усилия наконец увенчались успехом: детям были пожалованы права личного дворянства, отчество Константиновичи и фамилия Князевы³⁵. В последние годы Голенко и Сарычев всячески поддерживали великого князя в делах, порой очень деликатных. Они вместе служили нейтральным связующим звеном между обеими семьями Константина Николаевича и всеми его детьми. Только очень близким возможно доверить выполнение подобных поручений.

1884 г. стал для великого князя годом потерь. В марте заболел и 27 числа скоротечно скончался Фёдор Сарычев. Константин Николаевич сильно сетовал, что «не успел проститься со старым слугой и другом... <...> Порешили, что Голенко примет на себя долг по [его] капиталам и по содержанию [семьи]»³⁶. Но ровно через

³⁵ Антонова Н. В. Хозяйка особняка на Английском проспекте 18 // Citywalls.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://www.citywalls.ru/journal/article14.html?s=vs1rkhp1jt8rp8aknpbd7av4ce>.

³⁶ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 116. Л. 9–9 об.

месяц, 27 апреля новая утрата — на руках великого князя умирает К. П. Голенко. «Я лишился незаменимого друга, этого золотого сердца, этой редкой головы, этого кудесника»³⁷. Все затраты на похороны, изготовление памятников, помощь и пенсии детям «старых друзей» взял на себя великий князь. Он приказал простить долги семьи Сарычева и назначил выплаты в 3 000 руб. в год. Такая же «казенная нераздельная пенсия была назначена всем сестрам Голенко»³⁸. Кроме этого, Константин Николаевич более пяти лет опекал младшую дочь Голенко, Аллу, вплоть до ее замужества³⁹. Уделял внимание и мальчикам, особенно беспокоился о карьере старшего сына Петра, приискивая ему достойное место. Оставшись без родителей, дети в разных жизненных ситуациях в переписке обращались к великому князю и советовались с ним.

Почти всю жизнь — и в мире, и в боях провели друзья рядом, бок о бок. Только смерть разлучила их. Ф. В. Сарычев был похоронен на родине, в Псковской губернии, в селе Хтины, Гдовского уезда, а К. П. Голенко упокоился в Крыму на Ливадийском дворцовом кладбище, близ Ялты.

Но спустя время они вновь встретились, когда, согласно пожеланию великого князя, имена наших героев были увековечены. Они набраны золотыми буквами на памятных досках и размещены на стенах Владимирского собора в Севастополе. Как в годы обороны защищали они с двух сторон Малахов курган, как в годы служения великому князю Константину Николаевичу, прикрывали его на двух ключевых постах, так и теперь их имена смотрят друг на друга с обеих сторон от алтаря. По большому счету, и контр-адмирал Ф. В. Сарычев, и действительный статский советник К. П. Голенко служили не великому князю. Вместе с ним, одной командой они посвятили себя бесконечно любимой ими России. «Константиновцы»

³⁷ Там же. Лл. 32 об.-33 об.

³⁸ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 754. Л. 1-1 об.

³⁹ Там же. Л. 1-1 об.

играли серьезную роль в проведении реформ Александра II, искренне заботясь о благополучии страны, служа за совесть, а не за жалование и награды. Их преданная работа была малой каплей тех усилий, благодаря которым к началу XX в. Россия превратилась в великое, экономически независимое и всеми уважаемое государство.

Александр Васильевич Суворов когда-то сказал, что служба и дружба — две параллельные прямые, которые не пересекаются. Исключения только подтверждают правила. В нашем случае, в опровержение слов великого полководца, дружба и служба шли параллельно и пересекались на протяжении более 45 лет.

На мемориальном кладбище, близ Ливадийского дворца, у могил К. П. Голенко, его дочери Натальи и сына, гардемарина Константина, стоят потомки. И, как прежде, сквозь высокие кипарисы просматривается далеко внизу морская синева, сливающаяся с лазурным ярким крымским небом на размытом, едва видимом в мареве майского дня, горизонте. Здесь 140 лет тому назад великий князь прощался со своим верным другом — «Тезкой». Природа замерла, тишина над крестами могил. И только неугомонные чайки изредка оглушают нас своими криками, да над горами, широко раскрыв крылья, застыв в воздухе, парит орел.

Н. В. Казанина
*Государственный Русский музей,
Мраморный дворец*

Художественные произведения из собрания великого князя Константина Николаевича В Мраморном дворце

Художественные собрания членов семьи Романовых были неотъемлемой частью достопримечательностей принадлежавших им дворцов и резиденций, а также демонстрировали вкусы самих владельцев.

Коллекция великого князя Константина Николаевича полностью отражала его профессиональную деятельность Управляющего морским министерством и государственного деятеля.

В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН сохранились исторические фотографии интерьеров Мраморного дворца конца XIX — начала XX в., где можно видеть живописные полотна и скульптуру из собрания великого князя Константина Николаевича, украшавшие когда-то парадную анфиладу дворца. Описи художественных произведений в помещениях Мраморного дворца начала XX в. помогают уточнить названия и авторство полотен¹.

¹ Архив (ГАИМК) ИИМК РАН / СПб. Ф. 35. Оп. 7. № 350. Материалы о передаче Мраморного дворца в ведение ГАИМК картотеки на предметы искусства, скульптуру, фарфоровые изделия, картины, фото и др. находящиеся в Мраморном дворце. Предметы, расположенные по комнатам. Фотоархив (ГАИМК) ИИМК РАН / Петербург. «Мраморный дворец Ее Императорского Высочества Великой княгини Александры Иосифовны» Альбом составлен фотографом-любителем Н. Бываловым Интерьеры дворца сн. 1890-х гг. Q.153.1–15 Инв. № 58445–58459.

С раннего возраста Константина Николаевича готовили к государственной службе и военно-морской карьере. Все обучение и воспитание было направлено на освоение наук и навыков, которые должны помочь ему достойно служить Отечеству. На десятилетие великого князя, его отец, Император Николай I писал: «Поздравляю тебя мой дорогой, мой морской с твоими 10-ю годами. Да благословит тебя милосердный Бог, и да будешь ты верным слугой брата твоего и Отечества»².

Великий князь был человеком разносторонних интересов. В Мрамором дворце располагались множество коллекций, собранных Константином Николаевичем в различных путешествиях, но большая часть собраний была связана с его профессиональной деятельностью. В кабинете и комнатах находились макеты орудий и кораблей, оружие, карты и гравюры с изображением морских сражений, представительские подарки, фотографии, манускрипты, древнейшие рукописи, монеты и произведения искусства давно ушедших цивилизаций³.

Живописные полотна также имели отношение к государственной деятельности великого князя. Большей частью живопись была представлена различными полотнами на морскую тематику. Еще в юном возрасте, совершая учебные морские путешествия, он познакомился со многими художниками маринистами, служившими в морском ведомстве.

В 1845 г. восемнадцатилетний Константин совершал свое первое дипломатическое морское путешествие по Черному морю в Константинополь. Художником, сопровождавшим этот вояж, был И. К. Айвазовский, который сделал множество рисунков, отображая

² РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Письма Николая I. Письмо великому князю Константину Николаевичу. Одесса. Письмо от 8.09.1837 г.

³ Новикова О. В. «Музеум» великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце / Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2021. Вып. XXXVIII. С. 161–168.

события путешествия. Несколько из них были подарены великому князю и находились в его личном альбоме, который находится в фонде Константина Николаевича в Государственном архиве литературы и искусства в Москве⁴. Известно, что И. К. Айвазовский неоднократно использовал свои рисунки для написания картин.

Несколько полотен И. К. Айвазовского из собрания великого князя хранятся в Государственном Русском музее: одно из них — «Берег моря, штиль»⁵ — можно увидеть на историческом фото интерьеров Мраморного дворца (рис.1, 2).

Позже этот мотив неоднократно варьировался художником, схожие композиции мы видим на холстах «Морской берег. Прощание» (1868 г., Государственная Третьяковская галерея) и «Прощание» (1869 г., Челябинская областная картинная галерея).

На фотографии Царской комнаты Мраморного дворца можно видеть картину И. К. Айвазовского «Бриг „Меркурий“ после победы над двумя турецкими судами встречается с русской эскадрой»⁶. На полотне изображен подвиг команды корабля, вступившего в неравный бой с турецкими линейными кораблями «Селимие» и «Реал-бей». Благодаря храбрости и умелости моряков, «Меркурий» нанес ощутимый урон турецким кораблям и ушел от преследования. Художник изобразил момент, когда «Меркурий» идет на всех парусах на встречу с русской эскадрой, показавшейся на горизонте.

В Военно-морском архиве сохранились сведения о пожертвовании этой картины художником академиком И. Айвазовским 1-ому штурманскому полуэкипажу 10 февраля 1851 г. Но как она попала

⁴ РГАЛИ. Ф. 1949, Оп. 2. Ед. хр. 3.

⁵ ГРМ. И. К. Айвазовского «Берег моря, штиль» 1844. Х., м. 114х187 см. Поступило в 1929 г. из ГАИМК (собр. Мраморного дворца). Инв. Ж. 2207.

⁶ ГРМ. И. К. Айвазовского «Бриг „Меркурий“ после победы над двумя турецкими судами встречается с русской эскадрой». 1848. Х., м. 123,5х190 см. Поступила из ГАИМК в 1936 г., ранее — в собрании великого князя Константина Николаевича. Инв. Ж. 2209.

Рис. 1. «Берег моря, штиль».
И. К. Айвазовский. 1844. Инв. Ж. 2207. ГРМ

Рис. 2. Интерьер Малой столовой. Фото конца XIX — начала XX в.
Фотоархив (ГАИМК) ИИМК РАН / Петербург. На стене полотно
«Берег моря, штиль» И. К. Айвазовского

в коллекцию великого князя неизвестно⁷. После смерти матери, императрицы Марии Фёдоровны, часть картин, связанная с морем, была завещана Константину Николаевичу⁸.

Среди полотен И. К. Айвазовского находящихся в собрании Константина Николаевича были: «Вид Константинополя при лунном освещении»⁹ и «Пётр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала гибнущим судам своим»¹⁰. Последнее полотно можно разглядеть на фотографии гостиной великой княгини Александры Иосифовны.

На картине изображен исторический эпизод, произошедший 31 августа 1714 г., когда во время бури в Финском заливе ветер вынес корабли русской эскадры на мель. Пётр I с группой матросов, рискуя жизнью, на шлюпке добрались до берега у форта Красная Горка и развели костер, который, как маяк, указывал путь кораблям в безопасную бухту.

На одной из фотографий с изображением интерьера Малиновой гостиной запечатлено еще одно полотно: И. К. Айвазовский «Восход солнца на Черном море». В настоящее время оно экспонируется в Приморской государственной картинной галерее. Известно, что полотно попало на Дальний Восток из Русского музея в 1930 г. (рис. 3, 4).

⁷ РГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1532.

⁸ РГИА. Ф. 537 Оп. 1. Д. 284. 1860–1861 гг. Опись картин, мебели, посуды и других вещей, перешедших великому князю по наследству от императрицы Александры Фёдоровны. Л. 2–2 об.

⁹ ГРМ. И. К. Айвазовский «Вид Константинополя при лунном освещении». 1846. Х., м. 124х192,5 см. Поступила в 1935 году из ГМР (Ленинград) ранее — в Мраморном дворце, в собр. в. к. Константина Николаевича, ранее приобретена у автора Николаем I. Инв. Ж. 1787.

¹⁰ ГРМ. И. К. Айвазовский «Петр I при Красной Горке, зажигающий костер на берегу для подачи сигнала гибнущим судам своим». 1846. Х., м. Инв. Ж. 5879.

Рис. 3. «Восход солнца на Черном море». И. К. Айвазовский.
1850–1860-е гг. Приморская государственная картинная галерея.
Холст дублированный, масло. 164 x 260. Инв. Ж-29

Рис. 4. Интерьер Малиновой комнаты Мраморного дворца
из альбома «Мраморный дворец Ее Императорского высочества
великой княгини Александры Иосифовны». Альбом составлен
фотографом-любителем Н. Бываловым. Интерьеры дворца сн. 1890-х гг.
На фото в глубине комнаты видна картина «Восход солнца на
Черном море» И. К. Айвазовского

Сюжет картины имеет героико-романтический характер. Справа от центра композиции изображен парусник русского сторожевого флота, с которого спущена шлюпка, а слева, на переднем плане турецкая лодка, в которой помимо гребцов находятся русские девушки, украденные турками с целью продажи в рабство. На фоне чудесного восхода солнца разыгрывается драматическая сцена: русские пограничники устремляются на помощь своим соотечественникам. Один из турок поднял ружье, чтобы стрелять в них, а девушка с развевающимися на ветру волосами бросается к нему, чтобы помешать прицельному выстрелу турка. Сохранилась резная рама, специально выполненная для полотна. Недавно картина прошла реставрацию и теперь украшает залы музея¹¹.

В коллекции Мраморного дворца находилась также картина А. М. Дорогова «Вид Константинополя»¹², за которую автор получил золотую медаль второго достоинства в 1847 г.¹³ (рис. 5).

Картина находилась в Царской комнате Мраморного дворца, напоминая великому князю его поездки в Константинополь и знакомство с Султаном Абдул-Меджидом в 1845 г. На сохранившейся фотографии с интерьером Царской комнаты хорошо видно это полотно (рис. 6).

В 30-е гг. XX в. Мраморный дворец со всем содержимым, нуждающимся в обновлении имущества необходимого для работы, перешел

¹¹ Приморская государственная картинная галерея. И. К. Айвазовский «Восход солнца на Черном море» 1850–1860-е. Х., м. 164х260 см. Инв. Ж. 29. Провенанс: до 1930 — ГРМ; 1930–1939 Владивостокский государственный областной музей; 1939–1945. Приморский краевой краеведческий музей; 1945–1966 — Приморский краевой краеведческий музей им. В. К. Арсеньева Поступление: в 1966 г. из Приморского краевого краеведческого музея им. В. К. Арсеньева. Инв. Ж. 29.

¹² ГРМ. А. М. Дорогов. «Вид Константинополя» 1847. Х., м. 153х214 см. На обороте «Лен. Зак. Комис. Инв. №. 1831 р. 2 500». Пост. в 1930 г. из ГАИМКа, ранее — в собрании Мраморного дворца. Инв. Ж. 6082.

¹³ ГРМ. Живопись. Первая половина XIX в. Каталог. СПб., 2002. Т. 2. С. 171.

Рис. 5. «Вид Константинополя».
А. М. Дорогов. 1847. Холст, масло. Инв. Ж. 6082, ГРМ

Рис. 6. Интерьер Царской комнаты. Фото конца XIX — начала XX в.
Фотоархив (ГАИМК) ИИМК РАН/ Петербург. На фотографии можно
видеть полотно «Вид Константинополя» А. М. Дорогова

в ведение Института истории материальной культуры, вследствие чего получил разрешение распродать художественные произведения, не принятые Государственным музейным фондом¹⁴. В архиве института сохранились документы и опись с указанием назначенных цен на произведения искусства, продававшихся через контору «Антиквариат» всем желающим. На оборотной стороне полотна работы А. М. Дорогова имеется отметка Ленинградской закупочной комиссии и цена — 2 500 рублей.

Скульптурная коллекция, приобретенная Константином Николаевичем, в большей степени была подарками для супруги, великой княгини Александры Иосифовны, любившей мраморную скульптуру. Путешествуя по Европе, супруги посещали выставки и мастерские скульпторов, выбирая художественные произведения для украшения своих апартаментов. На фотографии Зимнего сада Мраморного дворца среди пышной растительности хорошо видна статуя Элеоноры д'Эсте работы Энрико Бутти, выполненная им в 1874 г. Статуя поражала тщательной проработкой прически и костюма, особенно кружевного воротника. За время своего бытования произведение упоминалось в документах и описях дворца под разными наименованиями: «Статуя женщины с большими кружевным воротником «Медичи», «Мария Стюарт». Великая княгиня Александра Иосифовна являлась прямым потомком шотландской королевы Марии Стюарт, и очень гордилась этим. Возможно, поэтому скульптура привлекла ее внимание.

На фотографии Малиновой гостиной в глубине комнаты видно произведение Ж. Камбоса «Стрекоза». Мраморная статуя изображает молодую женщину в легком платье с лютней, дрожащую от холо-

¹⁴ Революционные события 1917 г. создали особую структуру, хорошо известную музейным сотрудникам, — Государственный музейный фонд. Во многих музеях России хранятся экспонаты, поступившие в 20-е — 30-е гг. XX в. из этого фонда, в котором после революции сосредоточивались изъятые из частных собраний художественные и исторические ценности.

да. Это персонаж из басни Жана де Лафонтена «Кузнечик и муравей». Во французском языке и муравей, и кузнечик — женского рода, поэтому, у Лафонтена в басне речь идет о двух женщинах, в отличие от сюжетов басни Эзопа, где герои мужского рода. Свое название статуя получила от русского аналога басни «Стрекоза и муравей» И. А. Крылова. Под названием «Стрекоза» она упоминается в документах и описях дворца.

На фотоснимке гостиней великой княгини Александры Иосифовны можно заметить также скульптуру Т. Солари «Эсмеральда». Роман В. Гюго был очень популярен в XIX в. Существует несколько композиций на сюжет романа разных авторов.

Осенью 1858 г. великий князь Константин Николаевич вместе с супругой совершал очередное путешествие по Европе. В Неаполе 4 апреля 1859 г. Константин Николаевич посещал мастерские скульпторов, о чем оставил запись в дневнике: «Заказал маленькую Мадонну, чтобы поставить на колонну, и Эсмеральду»¹⁵. Эсмеральда изображена сидящей рядом с козочкой Джали, рядом с которой разложены шесть карт с латинскими буквами, составляющими надпись «Fhebus»; в руках у девушки бубен и роза.

Также подарком для супруги были бюсты работы скульптора американского происхождения Хирама Пауэрса «Диана», приобретенная за 950 рублей, и «Прозерпина», купленная за 850 рублей¹⁶. Исключение составляет работа Джулио Монтеверде «Юность Колумба», которая понравилась самому князю. На ней Христофор Колумб изображен в юном возрасте, в костюме XV в., сидящим на

¹⁵ Карчёва Е. И. Произведения Антонио Россетти и Томмазо Солари на сюжет романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» в собрании Эрмитажа // Новое искусствознание 02.2020. [Электронный ресурс] URL: <http://ojs.newartstudies.ru/index.php/journal/article/download/129/124/> (дата обращения: 1.06.23).

¹⁶ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 544. Л. 41–42. 1865–1866. Об уплате денежных сумм за статуи, заказанные скульпторам Дюпре и Пауерсу.

портовой тумбе. Существует несколько вариантов этой скульптуры: в Генуе, в Венеции, в Гетеборге и в Бостоне. Известно, что оригинальный гипс хранится в галерее современного искусства в Парме. Скульптура из Мраморного дворца специально заказана великим князем Константином Николаевичем в Италии в 1874 г. Сохранилась переписка о намерении приобретения ее и счет на оплату в 12 000 франков. Очевидно, Константин Николаевич увидел работу Монтеверде в Парме на выставке 1870 г., где она экспонировалась и получила премию. Специалисты отмечают: «удачно придуманный сюжет, тщательная проработка исторических аксессуаров, наконец, некая сентиментально-романтическая среда, в которую вместе со зрителем погружен юный гений». Статую «Юность Колумба» можно видеть на исторической фотографии Белого зала Мраморного дворца, где была устроена библиотека¹⁷.

Великий князь Константин Николаевич не был собирателем и коллекционером в привычном смысле этого слова. В его апартаментах находилось больше предметов, связанных с его профессиональной деятельностью. Являясь вторым человеком в государстве, он многое сделал для России: возродил Российский флот после поражения в Крымской войне, был реформатором, сподвижником и советником императора Александра II, а также искусным дипломатом.

Изучение коллекций помогает проследить бытование произведений искусства и историю коллекционирования в России. А особенности и состав художественных собраний характеризуют как самого владельца, так и вкусы прошедших веков.

¹⁷ Государственный Эрмитаж. «Монтеверди Д. Колумб в юности 1874». Статуя. Мрамор. Выс. 182 см. Инв. Н. 1731.

М. В. Мантуров
*Государственный Русский музей,
Мраморный дворец*

Судьба личных апартаментов великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892) — второй сын императора Николая I — владел несколькими дворцами в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Из всех дворцов, когда-то принадлежавших великому князю Константину Николаевичу, Мраморный дворец в наибольшей степени сохранил до настоящего времени в своем составе планировку и частично элементы художественной отделки. Дворец был назначен Константину Николаевичу императором Николаем I в 1832 г.¹ Позднее, в 1844–1849 гг., дворец был реконструирован к предстоящему бракосочетанию великого князя Константина Николаевича. Автором проекта реконструкции был архитектор А. П. Брюллов². После завершения основных строительных работ последовал Указ императора Николая I от 20 декабря 1849 г., Мраморный дворец был пожалован великому князю Константину Николаевичу «в вечное и потомственное

¹ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1124. 1832. «О Высочайшем назначении Мраморного дворца и Служебного дома Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Николаевичу...»

² Мантуров М. В. Архитектурная графика А. П. Брюллова по реконструкции Мраморного дворца // Страницы истории отечественного искусства XII–XX вв. СПб., 2004. Вып. X. С. 243–250.

владение». Этим же указом дворец переименовывался в Константиновский³.

По сложившейся традиции пространственная структура каждого из дворцов включала различные по назначению помещения, среди которых были и так называемые личные апартаменты владельца. Их художественное решение отражало прежде всего личные пристрастия и вкусы владельца. По назначению их можно подразделить на две категории: интерьеры, в которых осуществлялась официальная деятельность их владельца, и так называемая зона отдыха, или приватного времяпрепровождения. Необходимо отметить, что до настоящего времени художественное убранство интерьеров дворца, созданное в середине XIX в., не сохранилось.

В нашем распоряжении имеются следующие материалы, благодаря которым мы можем получить исторически достоверное представление об интерьерах дворца, созданных архитектором А. П. Брюлловым. Это проектные чертежи, описи, составленные после окончания реконструкции дворца, и фотофиксация интерьеров, относящаяся к концу XIX — началу XX в., а также мемуары современников.

Парадные и жилые апартаменты располагались на втором этаже Мраморного дворца. Так, жилые апартаменты семьи владельца находились в южной анфиладе с окнами на Миллионную улицу. Эти помещения традиционно подразделялись на мужскую и женскую половины. К личным апартаментам великого князя можно отнести его кабинет и примыкавшее к нему помещение, именовавшееся в письменных источниках как «Уборная Его Высочества». Эти интерьеры объединяла идентичность художественной отделки: стены и перекрытия были обшиты сосновым тесом, имитирующим рубленые стены русских теремов. В них были установлены так называемые каминные печи (термин середины XIX в.), облицованные глазу-

³ РГИА. Ф. 515, Оп. 8. Д. 495. Л. 21. «О пожаловании Мраморного дворца в дар В. кн. Константину Николаевичу и о наименовании его Константиновским».

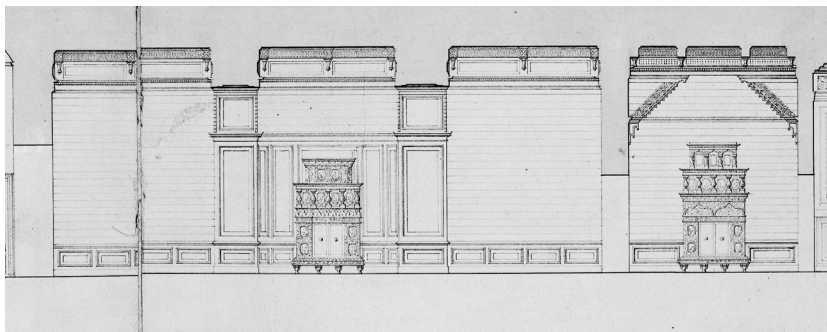

Рис. 1. Проект отделки кабинета и уборной великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце. Арх. А. Брюллов, 1848. РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 76. Л. 6 (фрагмент)

рованными изразцами и декоративными элементами. Эти печи были стилизованы в духе русских майоликовых печей XVII в. В описи, составленной в 1849 г. о камине, установленном в кабинете, сказано: «Камин изразцов с видами балясинами на ножках обделанный внутри клинкером, дверцы медные створчатые на петлях с ручками в раме обделанной медью»⁴. Камин, установленный в уборной, характеризуется так: «камин изразцов с видами балясинами на ножках обделанный внутри клинкером»⁵.

В фонде архитектурных деталей ГМИ СПб автором данной публикации были обнаружены детали керамической облицовки печей, находившихся в кабинете и уборной. Это печной изразец с лепным орнаментом и живописным изображением в центре, и угловая часть карниза⁶.

Отделка кабинета и уборной представляли собой один из первых примеров художественного убранства интерьера, выполненного

⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 460. «Описи Константиновскому дворцу». 1849. Л. 97–98 об.

⁵ Там же. Л. 98–99 об.

⁶ ГМИ СПб. Фонд архитектурных деталей. Инв. 11062/1 и 110621/2.

в только нарождавшемся «русском стиле» в отечественной архитектуре. Современник, неоднократно бывавший в кабинете великого князя Константина Николаевича, в своих мемуарах характеризует его так: «Кабинет имеет претензию походить на русскую избу, окнами на Павловские казармы»⁷ Необходимо отметить, что другого подобного примера решения интерьеров в истории русской архитектуры середины XIX в. в Санкт-Петербурге мы не встречаем.

Парадные апартаменты располагались в северной анфиладе дворца с окнами на Дворцовую набережную Невы. Эта анфилада начиналась от Мраморного зала и заканчивалась дворцовой библиотекой, за которой следовал еще один интерьер, относящийся к личным апартаментам великого князя. Это так называемый Турецкий кабинет, находившийся в северо-западном углу здания. Кабинет представлял собой почти квадратное в плане угловое помещение с тремя окнами — два окна на набережную Невы и одно — в Мраморный переулок⁸. Главным художественным элементом данного интерьера являлся терракотовый с росписью и позолотой камин, стилизованный в турецком вкусе, установленный в юго-восточном углу кабинета. В описи дворца, составленной в 1849 г., сказано: «Камин в турецком вкусе из сженной глины раскрашенный с позолотой»⁹. В центре кабинета в междуэтажном перекрытии был установлен фонтан, который разбирался в то время, когда им не пользовались, и его закрывали деревянным щитом. Паркет был выполнен из ценных пород дерева и украшен вставками из черного дерева. Кабинет наполняли подлинные произведения турецкого декоративно-прикладного искусства: мебель, оружие, ткани, посуда и т. д. Ка-

⁷ *Половцев А. А.* Дневник Государственного секретаря. М., 2005. Т. I, С. 91.

⁸ *Трубинов Ю. В.* Турецкий кабинет Мраморного дворца — образец стилизации середины XIX века // XV Царскосельская научная конференция. Сборник научных статей. СПб., 2009. С.200–214.

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 460. «Описи Константиновскому дворцу». 1849. Л. 87–88.

бинет представлял собой характерную для середины XIX в. стилизацию так называемых турецких или восточных интерьеров.

Возникновение подобного интерьера в составе Мраморного дворца, вероятно, отражало, с одной стороны, юношеские воспоминания о путешествии великого князя в Константинополь, а с другой — было данью модному тогда увлечению востоком¹⁰. Внук Константина Николаевича —

князь крови императорской Гавриил Константинович (1887–1955)¹¹ — в своих мемуарах пишет: «...в угловой комнате, так называемой Турецкой, в которой мой дед любил обедать в светлые весенние вечера, когда Петербург и Нева бывают особенно хороши. В ней стоял большой диван, обтянутый турецкой материей, а на козлах помещалось турецкое седло, украшенное разноцветными камнями, и висели турецкие материи...»¹²

К личным апартаментам великого князя Константина Николаевича необходимо отнести располагавшуюся в цокольном этаже дворца баню. Она состояла из трех помещений: Передняя, мыльня

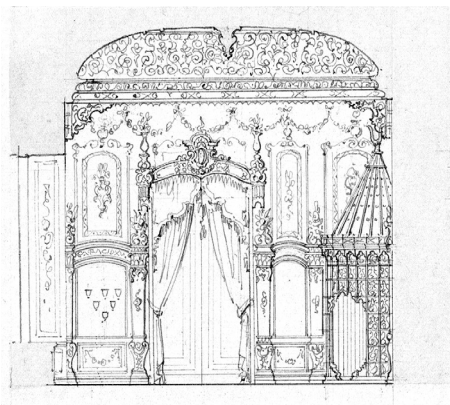

Рис. 2. Проект отделки восточной стены Турецкого кабинета в Мраморном дворце.
Арх. А. Брюллов, 1848. РГИА. Ф. 485.
Оп. 2. Д. 76. Л. 5 (фрагмент)

¹⁰ Сидорова А. Н. Путешествие в Царьград, Константинополь и Стамбул Великого князя Константина Николаевича в 1845 году // XV Царскосельская научная конференция. Сборник научных статей. СПб., 2009. С. 106–138.

¹¹ Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. СПб., 2005. С. 130–132.

¹² Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2001. С. 157.

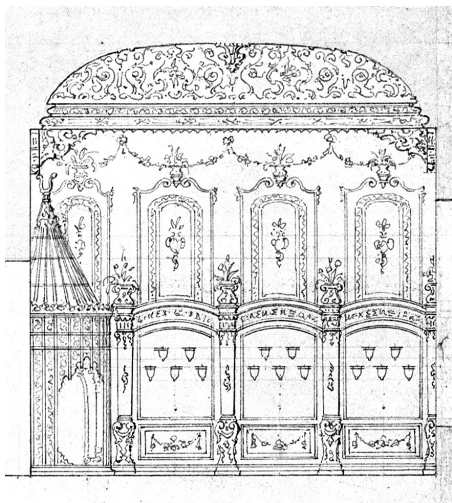

Рис. 3. Проект отделки южной стены
Турецкого кабинета в Мраморном дворце.

Арх. А. Брюллов, 1848. РГИА. Ф. 485.

Оп. 2. Д. 76. Л. 3 (фрагмент)

и баня. В описи 1849 г. дано подробное описание этих помещений. Так, передняя представляла собой комнату отдыха, в мыльне находилась ванна и новинка того времени — душ, а баня представляла собой русскую парилку с полоком. Потолок и стены мыльни и бани были обшиты липовым деревом.

Необходимо отметить, что в 1844–1849 гг. Мраморный дворец оснастили системой центрального воздушного отопления. Следовательно, все каминные и печные установки, установленные в интерьерах

второго этажа по проектам А. Брюллова, являлись прежде всего элементами декоративного убранства интерьеров и не были частью системы отопления здания. И в этом они отличаются от печей и каминов, установленных во дворце в XVIII в. Тогда они являлись отопительной системой дворца, и одновременно были важными элементами художественного убранства парадных и жилых интерьеров.

Судьба личных апартаментов великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце была определена не трагическими событиями начала XX в. в России, как принято думать, а жизненными обстоятельствами многочисленного потомства семьи великого князя.

После смерти в 1892 г. великого князя Константина Николаевича дворец наследует его второй сын — великий князь Константин Константинович (1858–1915), у которого было шестеро сыновей. Но они уже не наследовали титул великого князя, а являлись

только князьями крови императорской и, следовательно, получали из Министерства уделов соответствующее этому титулу денежное содержание, которое было много меньше того, что получал их отец, носивший титул великого князя.

Для обустройства личных апартаментов по достижении совершеннолетия (20 лет), сыновья Константина Константиновича получали отдельные помещения в Мраморном дворце. Так, Гавриил Константинович, вероятно, уже в 1909 г. получил для устройства личных апартаментов Турецкий кабинет, две комнаты дворцовой библиотеки и прилегающие к ним помещения с окнами во двор. В своих мемуарах он так описывает это событие: «Я со своей стороны занялся устройством своей квартиры в Мраморном дворце. <...> Теперь я получил три парадные комнаты во втором этаже, выходившие на Дворцовую набережную: так называемую Турецкую, угловую и соседние две. Раньше в них была библиотека». И далее «...Мой кабинет я устроил в угловой комнате, так называемой Турецкой... <...> Разумеется, когда я устроился в Турецкой комнате, все турецкие вещи были из нее вынесены...»¹³ Во время ремонта этих помещений Турецкий камин заменили на обычную кафельную печь, фонтан разобрали и полностью заделали отверстие в полу. Так завершилось существование в стенах Мраморного дворца интерьера, оформленного в традициях восточных стилизаций, характерных для середины XIX в.

Помещения южной анфилады с окнами на Миллионную улицу до своей кончины в 1911 г. занимала вдова великого князя Константин Николаевича — великая княгиня Александра Иосифовна (1830–1911). Старший сын великого князя Константина Константиновича — князь крови императорской Иоанн Константинович (1886–1918)¹⁴ — женился на урожденной княжне Сербской — Елене Петровне. Для молодой супружеской четы были проведены работы

¹³ Там же. С. 156.

¹⁴ Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия. СПб., 2005. С. 154–155.

по реконструкции и частичной перепланировке интерьеров второго этажа с окнами на Миллионную улицу. В своем дневнике 1 января 1912 г. великий князь Константин Константинович отметил: «Юанчик и Елена 30 или 31 декабря перебрались во вновь отделанные в Мраморном дворце бывшие помещения моих родителей¹⁵».

Работы по ремонту и новой отделке этих интерьеров проводились под руководством архитектора А. К. Джиоргули. Они продолжались вплоть до 1914 г. и были прерваны в связи с началом Первой мировой войны. Таким образом, Мраморный дворец под влиянием жизненных обстоятельств, связанных с многочисленным потомством великого князя Константина Николаевича, к началу XX в. превращается в густонаселенный жилой дом великокняжеского рода Константиновичей.

Заключительный этап в истории бытования Мраморного дворца как резиденции великокняжеского рода Константиновичей наступил в 1915 г., после кончины последнего владельца дворца, носившего титул великого князя, — Константина Константиновича Романова. Его наследники не имели средств на содержание такого затратного здания, как Мраморный дворец¹⁶. Уже весной 1917 г. в здании Мраморного дворца разместилось Министерство труда Временного правительства и начались переговоры о продаже дворца в национальную собственность, которые успешно завершились осенью¹⁷. После Октябрьского переворота во дворце разместился Народный комиссариат труда РСФСР, который покинул дворец в марте 1918 г. Зимой 1918–1919 гг. дворец пустовал и, следовательно

¹⁵ Цит. по: Хрусталеv В. М. Дневник Великого князя Константина Константиновича (К. Р.) 1911–1915. М., 2013. С. 157.

¹⁶ РГИА. Ф. 515. Оп. 60. Д. 237. Ведомости сумм отпускаемых на личное содержание членов императорской Фамилии.

¹⁷ Мантуров М. В. История Мраморного дворца и его владельцев в 1917 году // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2013. Вып. XX. С. 218–229.

но, не отапливался полностью, что пагубно повлияло на состояние его внутренней отделки.

Следующий этап в истории бытования Мраморного дворца начался в 1919 г., когда дворец передали в распоряжение Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК)¹⁸. Началось стихийное приспособление жилого здания для нужд крупного научного учреждения. В парадных и жилых интерьерах дворца разместились научные кабинеты, лаборатории, библиотека и общежитие для сотрудников академии. В начале 30-х гг. воздушное отопление дворца было заменено на центральное водяное отопление с котельной, оборудованной в подвале здания. Прокладка труб водяного отопления повлекла частичную утрату элементов художественной отделки.

Архитектурное убранство парадных и жилых интерьеров дворца, созданных архитектором А. Брюлловым, сохранялось до середины 30-х гг. XX в., когда в 1936 г. было принято решение о размещении в Мраморном дворце Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Для создания нейтральной среды, необходимой для размещения историко-монографической экспозиции музея В. И. Ленина, была проведена реконструкция залов второго этажа. Архитектурно-художественное убранство этих интерьеров было полностью демонтировано. Исключение составили дверные полотна наборного дерева, которые были отреставрированы и оставлены на своих местах. Эта реконструкция проводилась в 1936–1937 гг. Автором проекта создания музейной экспозиции в стенах дворца был архитектор Н. Е. Лансере.

Так завершилась история бытования в Мраморном дворце созданных в середине XIX в. личных апартаментов великого князя Константина Николаевича. В их убранстве зримо отразилась широта художественных пристрастий Константина Николаевича — от

¹⁸ ИИМК РАН. Научный архив. Ф. 2. Оп. 1. Д. 55. 1924. Постановление Коллегии Наркомпроса о передаче Мраморного дворца в ведение ГАИМК.

выполненного в восточном стиле так называемого Турецкого кабинета — интерьера предназначенного для частного времяпрепровождения владельца, — до неперемного в составе дворцовых интерьеров помещения личного кабинета великого князя, выполненного в «русском стиле» — художественном приеме, только нарождавшемся в русской архитектуре середины XIX в.

После упразднения в 1991 г. музея В. И. Ленина было принято решение о передаче Мраморного дворца Государственному Русскому музею. Начались работы по демонтажу существовавшей экспозиции и выяснения состояния инженерного оборудования здания. Была разработана концепция использования Мраморного дворца в качестве филиала Русского музея, сформулированная как «Русское искусство в контексте искусства мирового». После проведения комплекса работ по ремонту и реставрации залов южной анфилады второго этажа в 1995 г. здесь открылись постоянные экспозиции «Музей Людвига в Русском музее».

В настоящее время ведутся работы по реставрации и воссозданию парадных интерьеров Мраморного дворца, созданных по проекту А. Брюллова в середине XIX в. и располагавшихся в северной анфиладе второго этажа с окнами на Дворцовую набережную.

Собранные и изученные графические и архивные источники позволяют создать исторически достоверную реконструкцию личных апартаментов великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце. Эти материалы могут быть использованы как для практической деятельности по воссозданию интерьеров, так и для создания виртуальной реконструкции убранства Мраморного дворца на период относящийся к середине XIX в.

Г. А. Моисеев
*Московская государственная консерватория
имени П. И. Чайковского*

**«Ужасно люблю это заведение!..»
Великий князь Константин Николаевич
и Санкт-Петербургская консерватория**

Среди научных, образовательных и художественных организаций, находившихся под покровительством великого князя Константина Николаевича¹, особое место занимала Санкт-Петербургская консерватория, основанная в 1862 г. в лоне Русского музыкального общества (РМО/ИРМО)². Особое отношение было обусловлено, с одной стороны, пониманием необходимости развития в России

¹ Среди них: Императорское Русское географическое общество, Императорское Русское археологическое общество, Императорское Русское музыкальное общество (ИРМО), Морской кадетский корпус, московские Комиссаровское техническое училище и Музей прикладных знаний (ныне Политехнический музей), Московская консерватория. Покровительство великого князя перечисленным «обществам» кратко охарактеризовано в статье: *Чечулин Н.* Константин Николаевич // *Русский биографический словарь*: в 25 т. / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 9. СПб., 1903. С. 154–155. О покровительстве ИРМО подр. см.: *Моисеев Г. А.* Первый председатель Императорского Русского Музыкального Общества великий князь Константин Николаевич // *Константиновские чтения — 2009. К 150-летию со дня основания Русского Музыкального Общества: Сб. материалов науч. конф. 21–22 октября 2009 г.* / Сост. и ред. И. Ф. Безуглова. СПб., 2010. С. 30–46.

² В 2022 году она отмечает свое 160-летие.

профессионального музыкального образования и долговременными личными контактами великого князя с А. Г. Рубинштейном (основателем-вдохновителем и первым директором консерватории) и великой княгиней Еленой Павловной (первой августейшей покровительницей консерватории с 1862 по 1872 гг.). С другой стороны — глубоким интересом великого князя к проблемам музыкальной педагогики (методикам воспитания юных дарований), стремлением поощрять молодые таланты, отслеживая их становление на разных этапах. За этим стояла природная склонность великого князя к музыкальному искусству, тяга к систематическому изучению музыкальной литературы, к развитию собственных музыкальных способностей (при содействии ряда консерваторских преподавателей, в первую очередь, виолончелиста Ивана Зейферта).

Впервые великий князь посетил Петербургскую консерваторию 29 декабря 1865 г. вместе с членами правительственной комиссии, призванной оценить итоги обучения ее первых выпускников³. Об этом свидетельствует личный великокняжеский дневник: «Днем были во дворце [великой княгини] Елены П[авловны] на выпускном экзамене первого выпуска консерватории. Есть весьма замечательные таланты»⁴. Семь лет спустя он стал ее покровителем, получив на это согласие своего старшего брата, императора Александра II, и своей двоюродной сестры, великой княжны Екатерины Михайловны⁵. Его первый визит в учебное заведение в но-

³ Среди них был П. И. Чайковский.

⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1156.

⁵ Вел. кн. Екатерина Михайловна была дочерью вел. кн. Елены Павловны. После смерти матери (9 января 1873 года) полномочия покровительницы консерватории должны были перейти к ней, но она предпочла передать их вел. кн. Константину Николаевичу. При этом ежегодные «выпускные акты» Петербургской консерватории по традиции, установившейся со времен первой августейшей покровительницы, проходили в ее бывшей резиденции — Михайловском дворце.

вом качестве состоялся 30 января 1873 г. После панихиды по великой княгине Елене Павловне («со святыми упокой и вечную память пропела вся консерватория, и эффект был огромный»⁶), чтения «согласия Государя» на избрание Константина Николаевича покровителем, молебна о его здравии и официального представления ему «всего профессорского персонала» великий князь «обогнул все заведение, все классы. Во многих слушал учеников, на сцене в классе Эверарди дуэтик, несколько пианистов и духовых. У М^д Ниссен 4 великолепные голоса. Харитонова (дочь сенатора), пресимпатичный сопрано. Полька Решке, ужасно сильный и могучий и довольно приятный сопрано, и два альты, Вальтер и чешка Калаш, чрезвычайно густой, красивый металлический. Но в этой маленькой комнате трудно о голосах судить. Потом оркестр сыграл увертюру „Эгмонт“ [Бетховена]. Это было положительно слабо. Все заведение делает чрезвычайно милое и приятное впечатление. Дай Бог ему успехов»⁷.

Примечательно, что в этой первой записи доминирующее внимание уделено начинающим оперным артистам, их подготовке. Упомянуты крупнейшие вокальные педагоги того времени — Камилло Эверарди и Генриетта Ниссен-Саломан.

Сразу же возникшая симпатия к молодому учебному заведению (которому тогда исполнилось 10 лет) переросла в привязанность, которая подпитывалась и обогащалась новыми впечатлениями и не ослабевала с годами. Никто лучше самого великого князя не отразил этого увлечения — оно запечатлено в его личных дневниках. Хотя отдельные упоминания о его посещениях консерватории изредка встречаются в официальных отчетах ИРМО и газетных заметках, в них лишь пунктирно намечена внешняя канва, тогда как в личном дневнике нашлось место «для всего и для всех» — и для самых маленьких воспитанников (с их непосредственностью), и для

⁶ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 104.

⁷ Там же.

преподавателей (с их капризами и конфликтами), и для директоров (с их планами и фантазиями).

Цитата из дневника, вынесенная в заголовок настоящей статьи, — «ужасно люблю это заведение»⁸ — наиболее ярко, даже экспрессивно иллюстрирует увлечение Константина Николаевича и звучит как неизменный лейтмотив его отношения к консерватории.

Начинаясь в январе-феврале 1873 г., великокняжеские записи о Петербургской консерватории охватывают 17-летний период. Заключительная запись относится к 31 мая 1889 г.: «В Михайловский дворец на выпускной акт консерватории. Замечательно милые две кантаты на сюжет „Нери“ Букреева и Давыдова весьма музыкальны и мелодичны. Симпатичные певицы Завриева, Андреева и Павленко. Очень хорошая пианистка Фридланская и Риццони. Но совершенно выдающиеся из общего уровня пианист молодой Дубасов, скрипачка Гамовицкая и виолончелист Бзуль. <...> Во время антракта закусывали и курили, и затем пришлось мне оставаться до конца, до $\frac{3}{4}$ 6, что было очень тяжело и утомительно, особенно от жары и духоты. После конца пришлось мне еще выдавать (вместе с А. Г. Рубинштейном. — Г. М.) свидетельства на дипломы и аттестаты»⁹. Последнее обстоятельство весьма важно — без подписи августейшего покровителя аттестационные документы были недействительны.

В дневниковых записях выделяются тематические категории, связанные как с официальными мероприятиями (заседаниями, экзаменами, выпускными актами, открытыми ученическими вечерами и театральными спектаклями), так и с внутренней жизнью учебного заведения. В кругу внимания автора дневника — и классные занятия, и репетиции, и закрытые исполнения (в Мраморном дворце), и неформальное общение с преподавателями, со студентами, с руководителями (за указанное 17-летие в первой русской консер-

⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1158.

⁹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 124.

ватории сменили друг друга три директора — Михаил Азанчевский, Карл Давыдов, Антон Рубинштейн) и многое другое¹⁰.

Посещение консерватории отнюдь не было для великого князя досужим развлечением. Были периоды, когда он ходил туда «как на работу», изо дня в день, наблюдая за учебным процессом в самых разных классах — исполнительских, музыкально-теоретических, так называемых научных (то есть общеобразовательных), старших и младших (к последним он относился с особенною любовью).

Приведу характерные цитаты о посещениях в декабре 1883 г. 15 декабря, четверг: «Прямо в Консерваторию. Застал там оркестровый класс, при котором был сам Давидов, а дирижировал Рыб. Прослушал *andante* 5-ой симфонии Бетговена (*sic!*), которое они разучивали. Замечательно удовлетворительно, и даже духовые стройнее и нежнее, чем были. Потом с Давидовым обошел многие классы. Был у Лыткина в классе древней истории, у Иогансона в контрапункте, у Цабеля в арфе (Архангельская, дочь Священника у Пантелеймона), у Лютча в фортепиано (миленькая Гвоздецкая или Гвоздовская, не помню), у Габеля в пении (хорошенькая Макеева). Его манера преподавания мне очень нравится. Продолжалось это до ¼ 1, и Давидов просил меня повторять эти неожиданные посещения, говоря, что они очень полезны и придают охоту к делу (курсив мой. — Г. М.)»; 17 декабря, суббота: «Был в классах: пения у Цванцигер, виолончели у Маркуса, скрипки у Ауера, фортепиано у Штейна и Рейнхарта, гармонии у Лядова, и все сделало самое милое и приятное впечатление»; 19 декабря, понедельник: «В консерваторию. Сперва в оркестровом классе. Продолжение 5-й симфонии Бетговена, скерцо и первая часть финала. Потом сыграли скерцо сочинения ученика класса композиции Римского-Корсакова Антипова, который племянник Лядова. Весьма милая вещичка.

¹⁰ Из-за ограниченного объема статьи за ее рамками осталась, например, такая тема, как «Великий князь и его стипендиаты в Петербургской консерватории».

Потом был в разных классах, в пении у Ирецкой (дуэт из мессы Верди), в фортепиано у Черни, Рейнхарта, Фан-Арка, в элементарной теории у Маринича, что для меня было совершенно ново и преинтересно. Вообще все вместе составляет милейшее впечатление»; 20 декабря, вторник: «В 8 ч. в консерваторию на публичный ученический вечерок, где присутствовал и А. Рубинштейн. Программа была слишком велика, потому кончилось только после 11 ч. и было очень утомительно»¹¹.

Нередко Константин Николаевич — страстный меломан! — мог пожертвовать посещением какого-либо блестящего оперного спектакля ради ученического вечера младших учеников в переполненном душном зальчике на Театральной улице¹². Или заехать туда совсем во внеурочное время, как, например, 7 декабря 1877 г.: «В 8 ч. вечера в собрание Географического Общества. Выхал (оттуда) в начале 10-го часа и, увидев свет в окнах консерватории, остановился посмотреть, что там происходит. Оказалось, что под управлением Черни¹³ шла спевка хора Р. М. О. Послушал, как они разбирали в первый раз новый довольно замысловатый хор и просто удивился, как оно шло»¹⁴.

Возвращаясь к оперной теме, напомним, что Константин Николаевич был утонченным знатоком музыкально-драматического искусства. Он обладал глубоким пониманием оперной специфики и того, в каком направлении необходимо развиваться начи-

¹¹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 115.

¹² См., например, запись от 26 ноября 1885 года: «[А. В. Кузнецова] поехала по моему билету в „Кармен“, а я от 8 до ½ 11 на обыкновенном вечере младших классов в консерватории. Оттуда в „Кармен“, где застал только конец». ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 118.

¹³ Франц Черни (1830–1900) — хормейстер, пианист, профессор Петербургской консерватории.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1159.

нающим певцам¹⁵. Это видно с самых первых записей. В них регулярно встречаются пассажи следующего характера: «Сделал много замечаний» (20 марта 1875 г., о репетиции сцен из «Фауста» Гуно, «Трубадура» Верди, «Роберта-дьявола» Мейербера в Александринском театре); «Вообще весьма удовлетворительно, хотя пришлось делать много замечаний» (29 марта 1875 г., о репетиции сцен из «Русалки» Даргомыжского и первого акта «Дон Жуана» Моцарта)¹⁶; «Давал советы и насчет игры, и о темпах, и вообще много вмешивался, и меня слушали» (7 мая 1877 г., репетиция «Риголетто» Верди и «Севильского цирюльника» Россини в Большом театре)¹⁷; «Вмешивался и помогал моими советами» (7 марта 1885 г., первый и второй акты «Русалки»)¹⁸ и т. п. Таким образом, великий князь предстает в роли педагога-консультанта, опирающегося на богатый опыт (слуховой, слушательский и зрительский), полученный в России и за рубежом (в Италии, Германии, Франции и Англии).

При общей критической настроенности всегда сохраняется благожелательная интонация: «Молодо, неопытно, *но все-таки очень мило и стараются* (здесь и далее в этом абзаце курсив мой. — Г. М.)» (7 февраля 1873 г., репетиция оперетки Адана «Хижина» под руководством Эверарди)¹⁹; «Представление было весьма удовлетворительно, но были, разумеется, некоторые прорухи, как в пении, так и в оркестре. Но ведь это еще только ученики, а не настоящие артисты»

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Moiseev G. A. Reflection of Russian and European Opera Life in the Diaries of Grand Duke Konstantin Nikolayevich (1830s–1880s) // Opera v Muzykal'nom Teatre: Istoriya i Sovremennost', Tom 2 / ed. by I. Susidko. M., 2019. P. 173–180.*

¹⁶ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 108.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1158.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 117.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 104.

(11 марта 1884 г., о репетиции «Фауста»)²⁰; «На первый раз шло, разумеется, очень плохо, но много охоты и доброй воли» (5 марта 1885 г., первая репетиция «Русалки»)²¹.

Опера предстает как наиболее репрезентативная, резонансная сфера деятельности консерваторцев, имеющая и социально-общественное «звучание». По словам П. И. Чайковского, «только она одна дает средство сообщаться с массами публики. <...> Только опера, сближает вас с людьми, роднит вашу музыку с настоящей публикой, делает вас достоянием не только отдельных маленьких кружков, но при благоприятных условиях всего народа»²². В нашем случае речь идет о взаимодействии начинающих музыкантов-исполнителей с оперной публикой, состоявшей из разных социальных групп, где «верхушкой» являлась императорская фамилия, начиная с самого Государя. Его интерес, его одобрение (или неодобрение) служили камертоном для других.

Великий князь Константин Николаевич лучше других понимал эту конъюнктуру и прилагал максимум усилий к тому, чтобы его старший брат — император Александр II (который отнюдь не слыл меломаном), удостоил своим посещением тот или иной спектакль и остался удовлетворен всем происходящим на сцене и в зале. Для этого приходилось потакать его вкусам, учитывая нюансы, которые знали только самые близкие люди.

Весной 1877 г. во время Русско-турецкой войны консерваторцы выступали с благотворительными целями. 7 мая: «В Большой театр на репетицию завтрашнего консерваторского спектакля в пользу Красного креста... <...> Видел всего „Цирульника“. Забраковал в уроке музыки сцену из „Травиаты“ и предложил

²⁰ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 115.

²¹ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 117.

²² Письмо П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 27 сентября 1885 года // Чайковский П. И. Полное собрание сочинений. Т. XIII / Подгот. Н. А. Викторовой, И. С. Поляковой. М., 1971. С. 159–160.

„Любила я твои глаза”»²³. Здесь необходим комментарий. Речь идет о так называемой сцене урока музыки в начале II действия «Севильского цирюльника» Россини. По издавна заведенной традиции в этом месте исполнительница партии Розины поет какой-либо популярный вставной номер. Как видно из дневника великого князя Константина Николаевича, постановщики изначально предполагали использовать музыку из «Травиаты» Верди²⁴. Однако великий князь, готовя исполнителей к посещению монарха, предложил другой шлягер того времени — романс Михаила Виельгорского на слова Е. Ростопчиной «Любила я твои глаза». Почему именно его? Ответ прост: это был любимый романс Александра II.

Что же произошло на спектакле? 8 мая 1877 г.: «Театр битком набит. Начали с „Боже, Царя храни”, пропетого всей консерваторией... <...> Весь „Цирюльник”. Успех громадный и в самом деле шло превосходно, и все чрезвычайно старались. Государь приехал во время первого акта и позволил во время антракта снова спеть Гимн, который повторили три раза с большим „ура”. Во время урока музыки Голенищева-Кутузова премило спела „Любила я твои глаза”, что Государя видимо обрадовало. Ее заставили повторить»²⁵.

С воцарением в 1881 г. Александра III в театрах упрочились другие традиции. Но в отношении оперных спектаклей консерватории мало что изменилось. Приведу одну из дневниковых записей. 22 марта 1884 г.: «К 8 ч. в большой театр на повторение консерваторского „Фауста” собственно для Их Вел[ичеств] (императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны. — Г. М.). Остались вполне довольными и благодарили Давидова. После второго акта

²³ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 1158.

²⁴ Под «сценой из „Травиаты”», вероятно, имелась в виду одна из арий Виолетты. Партию Розины в консерваторском спектакле исполняла Евдокия Голенищева-Кутузова, ученица класса К. Эверарди.

²⁵ Там же.

наших артистов призывали в ложу, и они поднесли Императрице букет. Государь выходил на сцену и поговорил с нашей молодежью и с профессорами. Я сидел все время в партере... <...> После конца опять благодарили всех наших»²⁶.

Следует остановиться и на драматических, проблемных сторонах покровительства великого князя Константина Николаевича. К ним относятся, например, его непростые отношения с А. Г. Рубинштейном во время его второго директорства конца 1880-х гг. Антон Григорьевич уже занимал этот пост при великой княгине Елене Павловне. В январе 1887 г. он был экстренно призван возглавить консерваторию после внезапного ухода Карла Давыдова. Великий князь находился в это время в Крыму, в Ореанде. Вернувшись в Петербург, он сразу же встретился с Рубинштейном: «Толковали про консерваторию и вообще музыкальные дела и вполне сошлись с мыслями. Надеюсь, что дело пойдет у нас на лад»²⁷. Однако уже через полгода великий князь выразил тревогу за будущее: «В Мраморном у меня музыкальное совещание с Рубинштейном... <...> Предстоят большие перемены. <...> Все продолжаю опасаться, что с Рубинштейном дело долго не пойдет»²⁸.

Такой неблагоприятный прогноз стал следствием требования Антона Григорьевича ввести вместо официального консерваторского «Устава» разработанные им «Положения по Петербургской консерватории». При невыполнении этого требования он грозил немедленно уйти со своего поста. «Положения» были отпечатаны и отправлены августейшему покровителю. Подобная инициатива, равно как и ультимативная манера, шокировали великого князя. «Я их прочел и нашел, что они совершенно уничтожают и вверх дном опрокидывают теперешний Устав. Мне кажется, что почтеннейший наш Антон Григорьевич встал на путь личного произво-

²⁶ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 116.

²⁷ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 120.

²⁸ ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Ед. хр. 121.

ла»²⁹. Тем не менее, условия были частично приняты Его Высочеством. «Другого я ничего не мог сделать, потому что при другом моем ответе Рубинштейн немедленно бы вышел вон, началась бы страшная катавасия, и консерватория и музыкальное общество были бы поставлены в самое трудное, можно сказать, безвыходное положение»³⁰. Разумеется, такие признания могли быть доверены лишь личному дневнику или частной переписке. В публичном пространстве действовали другие правила игры.

Разрядке напряженности способствовали внешние обстоятельства — последовавшая от императора Александра III санкция на постройку нового здания Петербургской консерватории. Кажется, великий князь вздохнул с облегчением, поскольку Рубинштейн устремил часть своей энергии в позитивное русло и отвлекся от утопических идей внутреннего преобразования учебного заведения. Однако им обоим не суждено было увидеть окончательный результат — их жизненный путь оборвался на начальном этапе этого грандиозного проекта.

По завершении анализа дневниковых записей неизбежно возникает вопрос: где скрываются корни привязанности великого князя к Санкт-Петербургской консерватории? Кажется, что ответ до банальности прост — в любви к музыке и к детям, в удивлении перед феноменом ранней музыкальной одаренности, в стремлении помочь развитию юных талантов, поддержать и укрепить их.

²⁹ Константин Николаевич (вел. кн.), Маркевич А. Н. Переписка (1885–1889) / Публ. и коммент. Г. А. Моисеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2009–2010 гг. / Отв. ред. Т. С. Царькова. Спб., 2011. С. 580.

³⁰ Там же. С. 579.

О. В. Новикова
*Государственный Русский музей,
Мраморный дворец*

Участие великого князя Константина Николаевича в Политехнической выставке 1872 года в Москве

В 2022 г. отмечалось несколько юбилейных и важных дат, связанных между собой: 350-летие со дня рождения Петра Великого (1672–2022), 195-летие со дня рождения великого князя Константина Николаевича и 130-летие со дня его кончины (1827–1892), а также в этом ряду и 150-летие Политехнической выставки, проведенной в Москве в 1872 г.

30 мая (12 июня) 1872 г., в двухсотый день рождения Петра Великого, в Москве открылась одна из крупнейших выставок XIX в. — Политехническая. Инициатором проведения выставки стало Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете во главе с профессором зоологии и антропологии А. П. Богдановым. Заручившись поддержкой московской Городской думы, в августе 1868 г. на заседании общества было решено приступить к организации выставки. Ее проведение приурочили к юбилею — 200 лет со дня рождения императора Петра Великого, что обеспечивало покровительство царской семьи. После высочайшего одобрения этого проекта императором Александром II был утвержден состав Комитета выставки и все необходимые документы, регламентирующие ее работу, которую возглавил князь С. М. Голицын¹. В Коми-

¹ Князь Сергей Михайлович Голицын (1843–1915) — обер-егермейстер, полковник армии Российской империи, общественный деятель.

тет выставки вошли также представители Мануфактурного и Коммерческого советов, Биржевого общества и московского купечества. Примерно за месяц до открытия куратором от правительства был назначен министр просвещения граф Д. А. Толстой.

По решению императора Александра II в качестве покровителей Политехнической выставки, руководителей и членов комитета по ее устройству стали наследник престола цесаревич Александр Александрович и несколько великих князей. Великий князь Алексей Александрович² выступил почетным председателем. Великий князь Владимир Александрович³ изволил выразить готовность содействовать успеху архитектурного отдела. Великий князь Константин Николаевич согласился на участие в выставке морского ведомства. Покровителем и инициатором севастопольского отдела экспозиции, устроенной Обществом попечения о раненых и больных воинах, был цесаревич Александр Александрович — будущий император Александр III. Великий князь Михаил Николаевич⁴ для содействия выставки учредил комиссию в Тифлисе.

Выставку разделили на тематические отделы, располагавшиеся в отдельных павильонах. Территория экспозиции занимала 20 гектаров, протянувшись вдоль кремлевских стен — в Александровском саду

² Великий князь Алексей Александрович (1850–1908) — четвертый сын императора Александра II. Член Государственного совета (с 1881 г.), Главный начальник флота и Морского ведомства и председатель Адмиралтейств-совета (1881–1905), последний генерал-адмирал Российской империи (с 1883 г.), адмирал (с 1888 г.), генерал-адъютант (с 1880 г.), почетный член православного палестинского общества.

³ Великий князь Владимир Александрович (1847–1909) — третий сын императора Александра II член Государственного совета (1872), сенатор (1868); генерал-адъютант (1872), генерал от инфантерии (1880), младший брат Александра III.

⁴ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) — наместник Кавказа с 06.12.1868 по 23.07.1881 гг.

(включая и городской манеж), на набережной Москвы-реки, а также и в самом Кремле — на верхней террасе Тайницкого сада. В этом все-российском мероприятии приняло участие более 12 000 экспонентов, из них около 2 000 иностранных. Финансирование выставки осуществлялось главным образом предпринимателями, от которых было получено 200 000 рублей. Кроме того, некоторые из них взяли на себя расходы по устройству отдельных павильонов и экспозиций. Павильон Морского отдела был построен на средства, пожертвованные заводчиком и предпринимателем Н. И. Путиловым⁵.

По свидетельствам современников, наиболее полным содержанием и представительностью отличались отделы, устроенные на средства казны: морской, военный, лесной, почтово-телеграфный. На устройство Морского отдела правительство выделило 22 000 рублей. На выставке работала собственная типография, выпускавшая с 1 (13) мая по 16 (28) октября газету «Вестник Московской политехнической выставки» и еженедельный журнал «Колокольчик», где подробно описывались разнообразные происходившие на ней события.

На торжественном открытии присутствовали великий князь Константин Николаевич, московский губернатор князь А. Д. Долгоруков, генерал-адъютант Н. В. Исаков, князь В. П. Мещерский и другие официальные лица. К этому знаменательному дню на слова известного поэта и публициста Я. П. Полонского П. И. Чайковский написал специальную кантату «В память 200-летия рождения Петра Великого», которая была исполнена музыкантами Большого театра на Троицком мосту Кремля⁶.

⁵ Путилов Николай Иванович (1820–1880) — заводчик и предприниматель, пионер рельсoproкатного дела в России, металлург, строитель, изобретатель и знаток военно-орудийного производства.

⁶ Дирижировал оркестром К. Ю. Давидов, соло исполнял артист Большого театра А. М. Додонов.

Ежедневно выставка открывалась в 11 часов утра и работала до 8 часов вечера. В день открытия цена билета составляла 5 рублей, в последующие дни цена была снижена до рубля, а в последний месяц до 20 копеек.

В задачу исследования не входит описание всех разделов выставки. Остановим внимание лишь на Морском и Севастопольском отделах — на тех, в создании которых великий князь Константин Николаевич принимал активное участие. Великий князь Константин Николаевич содействовал созданию морского отдела выставки, председателем Комитета которого был назначен генерал-адъютант К. Н. Посьет⁷. Экспозиция отдела располагалась в павильонах № 63–71 вдоль Кремлевской набережной. Центральный павильон морского отдела, построенный из стекла и железа в виде длинного прямоугольника, был спроектирован архитектором И. А. Монигетти. Задачей экспозиции было наглядным образом познакомить посетителей с историей русского морского дела, развитием военного и коммерческого флота от Петра Великого до Александра II. Морской отдел Политехнической выставки делился на несколько разделов: историю военного и торгового мореплавания, кораблестроение, судовые паровые машины и механизмы, артиллерию, предметы для вооружения и комплектации судов, судовые лазареты, заводскую промышленность в применении ее к морскому делу, спасательные станции, гидрографию.

В выставке приняли участие канатный и пароходный заводы Кронштадта, адмиралтейские ижорские заводы, общество «Кавказ и Меркурий», Русское Общество механических и горных заводов. Модели военных кораблей от галеры царя Алексея Михайловича до броненосцев времени императора Александра II экспонировали: Модельная мастерская Морского музея Государственного Адмиралтейского

⁷ Посьет Константин Николаевич (1819–1899) — деятель русского флота, генерал-адъютант (1866), министр путей сообщения (1874–1888), адмирал (1882), член Государственного совета (1888).

департамента, Московский и Санкт-Петербургский яхт-клубы, а также частные русские коллекционеры, среди которых был великий князь Константин Николаевич. Из Царского Села были привезены и представлены модели и образцы шлюпок.

Предметы по торговому мореплаванию, не имеющие непосредственного отношения к Морскому военному ведомству — модели речных, озерных, каботажных и морских купеческих судов предоставили великий князь Алексей Александрович, Русское общество Пароходства и торговли, Днепровское пароходное общество и иностранные коллекционеры.

В Каталоге Морского отдела Политехнической выставки⁸ отмечены выставленные предметы, картины и гравюры, дается их историческое значение и описание, но не упоминаются экспоненты. Несмотря на это, с большой долей вероятности можно установить, какие именно предметы были выданы из «Музеума»⁹ Константина Николаевича¹⁰. Великий князь, несомненно, личность яркая и неоднозначная, был увлеченным коллекционером. Первый морской музей он открыл у себя в Мраморном дворце¹¹.

Уникальная коллекция Константина Николаевича включала в себя: гравюры и рисунки русских морских сражений конца

⁸ Программа Морского отдела Московской политехнической выставки. СПб., 1872. С. 19–64.

⁹ На третьем этаже Мраморного дворца, владельцем которого был великий князь Константин Николаевич, в трех помещениях, выходящих окнами на Неву, помещался «Музеум» Его Императорского Высочества, где хранились коллекции оружия, монет, медалей, военной атрибутики.

¹⁰ Новикова О. В. «Музеум» великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце. Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2021. Вып. 38. С. 161–168.

¹¹ РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 45. 1832. Л. 1. Мраморный дворец был назначен великому князю Константину Николаевичу Высочайшим повелением в марте 1832 г.

Рис. 1. Морской отдел. Нос корабля. 1872

XVIII в., карты проливов и шхер, планы сражений, литографии с морской тематикой, альбомы рисунков, акварелей и фотографий, отражающих форму одежды чинов Российского флота, портреты морских адмиралов, фотоальбомы с разными судами и портами, альбомы гравированных морских видов северного берега Финского залива, а также старинные гравюры портов Франции, Великобритании и Голландии XVIII в. В его собрание входили и этнографические предметы туземцев Северо-Западной Америки и с островов Тихого океана, Дальнего Востока (например, байдары, обтянутые рыбьей кожей, костяные байдары) и Северной Африки (в том числе парадный кайк, подаренный турецким султаном¹²). В составе

¹² РГИА. Ф. 537. Оп. 1 Д. 289. 1859. Л. 11, 19.

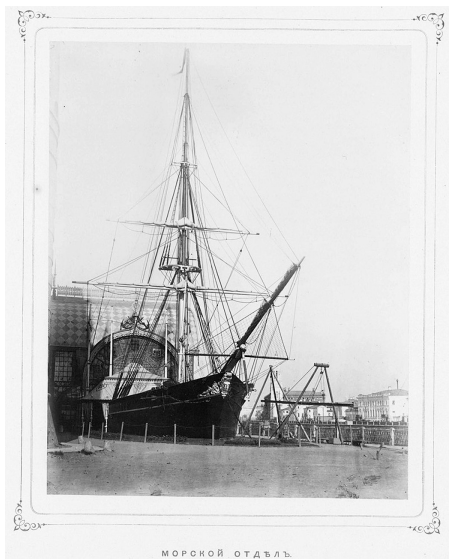

Рис. 2. Морской павильон. Фасад. 1872

коллекции находились минералы и образцы древесины, а также предметы вооружения различных стран и народов. Достаточно полно было представлено отечественное и иностранное минно-торпедное и другие виды морского оружия. Особую историческую ценность представляла коллекция холодного оружия, принадлежавшего прославленным морякам.

Снимки опубликованы в издании 1872 г. Политехническая выставка

1872 г. Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете.

Альбом видов /Составлен по распоряжению комитета выставки председателем комиссии по изданиям Н. К. Миляевым и членом общества и фотографом комиссии комитета В. В. Левитским., М., Русская фотография (тип. И. Н. Кушнерева).

Исключительное внимание привлекали к себе модели кораблей, выполненные профессиональными мастерами XIX в. Они представляли собой подлинные произведения искусства и отражали историю военного кораблестроения. Многие модели судов были ценны не только из-за своей красоты, но и из-за употребленного материала. При их изготовлении использовались дорогие породы дерева, бронза, сталь, медь и слоновая кость. Детали морской оснастки и декора кораблей ювелирно прорабатывались. Некоторые

модели были выполнены таким образом, что просматривались все палубные помещения и машинное отделение.

На Политехнической выставке среди экспонатов были представлены модели судна «Ингерманландия»¹³, фрегата «Меркурий»¹⁴ и корабля «Императрица Мария»¹⁵. Благодаря документам, находящимся в Российском государственном историческом архиве и в архиве Центрального Военно-Морского музея, можно утверждать, что эти предметы находились в коллекции великого князя Константина Николаевича. Демонстрировались и карты русских морских сражений, происходивших в Балтийском море, его заливах, а также Азовском, Черном и Средиземном морях. Были представлены полные коллекции геодезических, навигационных, астрономических и метеорологических инструментов, отпускаемых на военные суда для безопасности их плавания, для научных

¹³ Модель с парусами 74-пушечного корабля «Ингерманланд». 1942. Художественная. Выполнена в 1840-е гг. модельным мастером И. Е. Егоровым. Находилась в коллекции вел. кн. Константина Николаевича. Поступила в Центральный Военно-морской музей через Морской кадетский корпус после раскассирования его музея в 1925 г. Инв. № 38.

¹⁴ Модель с рангоутом и убранными парусами. Авторское название — «Меркурий». 1815. Масштаб 1:8. Выполнена в 1818–1823 гг. под руководством Ф. Паркау (Главное Адмиралтейство) и А. Я. Глотова (Модельная мастерская Морского Музеума). Находилась в коллекции вел. кн. Константина Николаевича. Поступила в Центральный Военно-морской музей через Морской кадетский корпус после раскассирования его музея в 1925 г. Инв. № 37680.

¹⁵ Модель 84-пушечного корабля «Императрица Мария». Выполнена в 1840-е гг. модельным мастером И. Е. Егоровым. Находилась в коллекции вел. кн. Константина Николаевича. Сам корабль в качестве флагманского корабля вице-адмирала П. С. Нахимова участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. Был затоплен на входе в Севастопольскую бухту 28.08.1855.

исследований и наблюдений, а также карты звездного неба обоих полушарий¹⁶.

Между предметами выставки, знакомившими посетителей с характером различных эпох, пережитых русским флотом, одно из первых мест занимали картины и гравюры¹⁷, доставленные из дворцов Его Императорского Величества, а также от великого князя Алексея Александровича, генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича и из морских училищ¹⁸.

Художественные полотна давали довольно полное собрание изображений наиболее замечательных русских морских сражений: Гангутского, Гренгамского, Чесменского, Ревельского, Выборгского, Афонского, Наваринского, Синопского, а также блистательные отдельные подвиги русских моряков, как например: А. И. Казарского на бриге «Меркурий», Г. И. Невельского на тендере «Опыт», А. Н. Скоробогадова на фрегате «Флора», Г. И. Бутакова на пароходе «Владимир».

Почетное место в ряду картин занимали полотна, представлявшие подвиги самоотверженной научной деятельности моряков,

¹⁶ Возможно, некоторые карты морских сражений, проливов и шхер, а также различные инструменты и другие предметы, употребляемые при постройке и вооружении судов, были выданы на выставку из коллекции великого князя Константина Николаевича. РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 436. 1892. «О распределении вещей великого князя Константина Николаевича после его смерти». Л. 29, 34, 35, 39, 60, 65.

¹⁷ На выставке экспонировались 7 гравюр: «Битва при Гангуте», «Сражение при Чесме», «Сражение брига „Меркурий“», «Сражение парохода „Колхида“», «Сражение пароходов „Ординарец“ и „Прут“», «Сражение фрегата „Флора“», «Сражение парохода „Владимир“». Гравюры с названиями «Сражение при Чесме», «Сражение брига „Меркурий“» находились в коллекции великого князя. РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 436. 1892. Л. 51.

¹⁸ К сожалению, не удалось установить, какие именно картины демонстрировались из коллекции вел. кн. Константина Николаевича.

как например: сцены из тяжелой зимовки на Новой Земле П. И. Пахтусова и А. К. Цивольки, а также портреты государственных мужей и героев, начиная от соратников Петра I до доблестных защитников Севастополя, которые своими подвигами прославили заслуги флота на пользу отечества¹⁹.

Специально в Морской павильон по Москве-реке из Санкт-Петербурга доставили «Дедушку русского флота» — ботик Петра I. «Присутствием в Морском отделе драгоценного „ботика“ выставка обязана Высочайшему соизволению Государя Императора, исходя-тайствованному Его Императорским Высочеством генерал-адмиралом флота»²⁰.

Ботик Петра Великого прибыл из Санкт-Петербурга 29 мая на специальной платформе экстренного поезда Николаевской железной дороги, охраняемый почетным караулом. Перегруженный на помост и доставленный к устью реки Яузы, ботик был отбуксирован по Москве-реке до Кремлевской набережной пароходом, принадлежавшим командору московского речного Яхт-клуба Г.Х. Майену. На пароходе находились: великий князь Константин Николаевич, московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, председатель выставки генерал-адъютант Н. В. Исаков, московский губернский предводитель дворянства князь А. В. Мещерский и городской голова И. А. Лямин.

Ботик, причаливший к пристани, приняли матросы и по пандусу внесли в павильон Морского отдела, где «он был установлен на приготовленном ему месте и охранялся почетным караулом»²¹.

¹⁹ На Политехническую выставку из Павловского дворца был выдан портрет Петра I (РГИА. Ф. 537. Оп. 1 Д. 335. Л. 8, 14). В собрании великого князя Константина Николаевича находилась коллекция портретов морских адмиралов. РГИА. Ф. 537. Оп. 1 Д. 436. 1892. Л. 33; Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. 1862. Л. 26.

²⁰ Каталог Морского отдела Московской Политехнической выставки. М., 1872. С. 5.

²¹ Там же. С.5.

Кроме «ботика», на экспозиции были представлены личные вещи Петра Великого: его морские кортик и топор, кресло из Адмиралтейской коллегии, бушлат, знаменитый штандарт, который был с ним во всех плаваниях, гривна и компасы из каюты царя на корабле «Ингерманландия», картушка к путевому компасу, сделанная царем, карманные часы и паникадило собственноручной работы Петра. Отдельно демонстрировались различные военные и морские предметы из стран Европы конца XVII — начала XVIII в.

Прибывший через неделю после открытия выставки император Александр II в сопровождении цесаревича Александра Александровича и цесаревны Марии Фёдоровны ежедневно присутствовали на ней и осматривали павильоны. Не обошли они вниманием и Морской отдел. Осталась запись в дневнике великого князя Константина Николаевича «10 июня 1872... <...> ...Во дворец переоделись в сюртуки и с государем на выставку в морской отдел. Я ему его показал очень подробно, и он ему очень понравился. В самом деле, это лучшая часть выставки. Потом осмотрели нижнюю часть военной выставки (мастерские) и железнодорожный отдел...»²²

Великий князь Константин Николаевич, возглавляя Морской отдел Политехнической выставки, как частное лицо, принял участие в создании еще одного раздела — Севастопольского. Севастопольский отдел состоял из двух частей. Первый был посвящен древней истории Севастополя и археологическим открытиям, сделанным на территории Херсонеса. Второй — отражал героическую оборону города во время Крымской войны. Председателем комиссии по устройству данного отдела был назначен генерал-адъютант А. А. Зеленый. Его заместителем стал известный русский археолог, член-корреспондент и почетный член Петербургской Академии наук А. С. Уваров.

²² Дневник великого князя Константина Николаевича. Политехническая выставка 1872 года // Российская государственная библиотека. [Электронный ресурс] URL: <https://alexander2.rsl.ru/politech1872#!/tab/64055340-1> (дата обращения: 20.04.2022).

Этот совершенно особый отдел выставки рассказывал не о достижениях науки и техники, а о Крымской войне, в которой техническая отсталость сыграла свою печальную роль в военном поражении России и в большом количестве жертв.

Снимки опубликованы в альбоме фотографических снимков с картины «Эпизоды Севастопольской жизни 1854–1855 годов» двора Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. Фотограф: И. Дьяговченко.

В 1872 г. были еще живы участники Севастопольской обороны. Поэтому перед началом оформления экспозиции генерал-адъютант А. А. Зеленый обратился с просьбой ко всем лицам, располагавшими художественными памятниками времени осады Севастополя

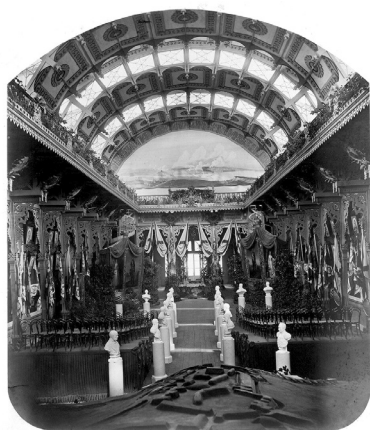
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ОТДЕЛЪ НА ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКѢ
ВЪ МОСКВѢ 1872 ГОДА

Левый: Н. С. Соловьев.

Поср.: Д. Яковлев.

Правый: С. Соловьев.

Рис. 3. Севастопольский отдел Политехнической выставки 1872 г.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ОТДЕЛ НА ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКЕ
ВЪ МОСКВѢ 1872 ГОДА.

Рис. 4. Севастопольский отдел
Политехнической выставки 1872 г.

(рисунками, эскизами, картинами, портретами), предоставить эти материалы и разрешить сделать с них фотоснимки. После закрытия выставки все предметы устроители обязались возвратить в целости лицами, которым они принадлежали. Наиболее замечательные из них предлагали купить, если на то дадут согласие владельцы.

Лицам, желающим оказать какое-либо содействие отделу или участвовать в его трудах, предла-

гали «обращаться к Председателю Севастопольского отделения генерал-адъютанту А. А. Зеленому в Санкт-Петербурге в здание Министерства государственных имуществ или на имя Уполномоченного отдела гвардии полковника Н. И. Чепелевского, имеющего жительство в Москве на Софийской набережной, у Большого каменного моста»²³.

Одним из откликнувшихся на просьбу устроителей был великий князь Константин Николаевич. Сам он не присутствовал в театре военных действий в Севастополе, принимая участие в защите Кронштадта от нападения англо-французского флота. Однако предметы из коллекции Константина Николаевича, посвященной памяти обороны Севастополя, участвовали в выставке 1872 г.

²³ Московская политехническая выставка (1872). Севастопольский отдел. Программа Севастопольского отдела Московской политехнической выставки 1872 г. в Москве. М., 1871. С. 6.

В Севастопольский политехнический отдел экспозиции выдали из Павловского дворца картину И. К. Айвазовского «Буря под Балаклавой», из Мраморного дворца — сигарочницу, сделанную из дерева с парохода «Владимир», коллекцию снарядов (мортирную картечь, разрывные снаряды английской и французской армий, а также, ракету, найденную во время бомбардировки Одессы) и саблю адмирала П. С. Нахимова²⁴. 18 ноября 1853 г. эскадра кораблей Черноморского флота под командованием начальника 5-й Флотской дивизии вице-адмирала П. С. Нахимова в ходе морского сражения в Синопской бухте полностью уничтожила турецкую флотилию под командованием вице-адмирала Осман-паши. В ходе сражения Осман-паша был тяжело ранен и вместе с командирами фрегатов «Фазли-Аллах» доставлен в Севастополь²⁵. Впоследствии принадлежавшая ему сабля в качестве военного трофея была передана П. С. Нахимову. После смерти П. С. Нахимова, захваченная у неприятеля сабля, первоначально была отдана его племяннику — капитану 2-го ранга П. В. Воеводскому²⁶.

²⁴ РГИА Ф. 537. Оп. 1 Д. 335. 1872 . Л. 32. А. Сакович (Евпатория) Военный трофей Синопского сражения — сабля трех адмиралов // Military Крым. [Электронный ресурс] URL: <http://mil.sevhome.ru/voenistor/crimeanwar/rusarmycrimeanwar/a-sakovich-evpatorija-voennyj-trofej-sinopskogo-srazhenija-sablja-treh-admiralo> (дата обращения: 11.06.2020).

²⁵ В Севастополе, его посетил художник-маринист И. К. Айвазовский и выполнил рисунок, изображающий лежащего раненого Осман-пашу. Рисунок был помещен в «Русский художественный лист» № 3 за 1854 г.

²⁶ Воеводский Платон Васильевич (1818–1885 гг.), вице-адмирал (1874). Племянник П. С. Нахимова, сын его родной сестры Анны. Окончил Морской кадетский корпус. Военную службу начал в 1836 г. В 1853 г. капитан-лейтенант, командир брига «Орфей». В 1854 г. командир фрегата «Сизополь» и корабля «Ростислав», в 1855 г. капитан 2-го ранга, дежурный офицер штаба командира Севастопольского порта, командир 36-го морского батальона, затем заведовал морскими перевозочными средствами на Северной стороне Севастополя. Чин контр-адмирала получил в 1864 г.

Позднее, по желанию последнего, ее передали в дар Черноморскому флоту, и уже офицеры Черноморского флота подарили ее²⁷ великому князю Константину Николаевичу, как «хранителю чести Русского флота и залогу будущих его побед»²⁸.

Выставка имела успех в России и получила международную известность. После того как она закрылась, Комитетом были отобраны экспонаты, которые легли в основу Музея прикладных знаний будущего Политехнического музея. Великий князь Константин Николаевич стал его Почетным Председателем²⁹. В 1874 г. в письме, адресованном Московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукову, великий князь Константин Николаевич обратился к нему со следующими словами: «Мое искреннее желание видеть будущность музея вполне обеспеченною и мою всегдашнюю готовность прийти к нему на помощь словом одобрения и делом <...>»³⁰.

В 1892 г. после смерти Константина Николаевича «великой княгине Александре Иосифовне с августейшими сыновьями угодно было, чтобы предметы Музея в Бозе почившего великого князя сохранялись в память его Императорского Высочества и приносили возможно большую пользу. Для чего Их Высочества пожелали распределить их между Морским музеем, Морским корпусом, Морским техническим училищем и музеями других учреждений и учебных

²⁷ А. Сакович. Там же. (Сабле трех адмиралов суждено было быть запечатленной в граните — 18 ноября 1898 г., в 45-летнюю годовщину Синопского сражения, в Севастополе были проведены торжественные мероприятия с открытием и освящением памятника адмиралу П. С. Нахимову. Памятник был установлен перед Морским собранием).

²⁸ П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. С. 578.

²⁹ Материалы для истории устройства музея и отчет высочайше учрежденного Комитета музея за второй год его существования. М., 1874.

³⁰ Политехническая выставка в Москве // Политехнический музей. [Электронный ресурс] URL: [https://polytech.bm.digital/article/806080196581548919 / politehnicheskaya-vystavka-v-moskve](https://polytech.bm.digital/article/806080196581548919/politehnicheskaya-vystavka-v-moskve) (дата обращения: 10.04.2022).

заведений»³¹. Руководство при распределении предметов по их специальности и значению между этими учреждениями возложили на вице-адмирала Н. И. Казнакова.

Комитету по устройству Севастопольского музея³² были переданы сабля Осман-паши, подзорная труба адмирала П. С. Нахимова и несколько снарядов, брошенных неприятелем в осажденный город³³. Комитет старшин Севастопольского морского собрания получил в дар Морскому собранию модель памятника адмиралу М. П. Лазареву гравюру, изображающую батарею во время осады Севастополя³⁴, и две карты Севастополя. Николаевское морское офицерское собрание обрело модель памятника адмиралу А. С. Грейгу.

Подводя итог, можно сказать, что великий князь Константин Николаевич, обладая информацией о промышленных и научных достижениях своего времени, стремился к тому, чтобы о них знали как можно больше людей. Принимая участие в выставках, он понимал их временный характер, который не позволяет сберечь их материальное наследие, поскольку экспоненты уезжая, увозят с собой экспонаты.

Безусловно, память о выставках сохраняется только в документах, печатных и изобразительных источниках, или мемуарной литературе. И, конечно, необходимы музеи, способствующие сохранению исторической, научной, промышленной и социальной

³¹ РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 436. 1892. Л. 3.

³² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 436. 1892. Л. 20–20 об., 56. Открытие музея Севастопольской обороны состоялось 14.09.1869. К 25-летию музея в 1895 г. для него было построено специальное здание по проекту архитектора А. М. Кочетова. В настоящее время в здании располагается Музей Черноморского флота Российской Федерации.

³³ Это были: две английские пексановские конические бомбы, попавшие в Севастополь во время осады, две французские обыкновенные бомбы, конгревова ракета, кадка с 6-ю моделями гранат.

³⁴ Там же. Л. 21.

информации в музеефицированном виде. Великий князь Константин Николаевич способствовал сохранению этих знаний. Его богатая коллекция «Музеума», имевшая огромную художественную и образовательную ценность, обогатила своими экспонатами и книгами собрания многих музеев и библиотек и способствовала созданию новых.

Избрание великого князя Константина Николаевича почетным членом Американского Географического и Статистического общества

Создание Географических обществ в Старом и Новом Свете

Впервые идею учреждения Географического общества предложил географ и картограф короля Франции Людовика XVI Жан-Никола Бюаш (Jean-Nicolas Buache, 1741–1825). Он был племянником известного картографа Филиппа Бюаша (1700–1773), являлся директором хранилища карт Морского ведомства, в 1770 г. был избран членом Французской Академии наук, в 1782 г. получил звание первого королевского географа (1782). С 1788 г. Ж.-Н. Бюаш занимался составлением карт французских административных округов (бальяжей)¹.

Французское географическое общество было основано 15 (3) декабря 1821 г. в парижском отеле де Виль². В числе его создателей

¹ Жан-Никола Бюаш // Википедия. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%8E%D0%B0%D1%88_%D0%96%D0%B0%D0%BD-%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0 (дата обращения: 16.07.2022).

² Отель-де-Виль с фасадом длиной 110 м расположен на бывшей средневековой Гревской площади (ныне — площадь Отель-де-Виль в 4-м округе Парижа на правом берегу Сены). Отель-де-Виль // Википедия. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C-%D0%B4%D0%B5-%D0%92%D0%B8%D0%BB%D1%8C_%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B6) (дата обращения: 16.07.2022).

были 217 наиболее выдающихся ученых своего времени, среди которых такие выдающиеся умы эпохи как путешественники Ж. С. С. Дюмон-Дюрвиль и Ж.-Б. Б. Эйриес, лингвист Ж.-Ф. Шампольон, естествоиспытатель барон Ж.-Л. де Кювье, немецкий ученый-энциклопедист А. фон Гумбольдт, математик-астроном маркиз П.-С. Лаплас и многие другие. Французская модель организации стала эталоном для создания других национальных географических обществ по всей планете³.

Впоследствии возникли географические сообщества в других городах и странах:

- 1828 г. — Берлин
- 1830 г. — Лондон
- 1831 г. — Бомбей
- 1836 г. — Франкфурт
- 1845 г. — Санкт-Петербург
- 1851 г. — Нью-Йорк
- 1856 г. — Вена
- 1858 г. — Женева

Со времени учреждения в 1845 г. Русского географического общества великий князь Константин Николаевич являлся его председателем. С 1850 г. Общество стало «Императорским» (ИРГО). К концу XIX в. ИРГО входило в четверку самых авторитетных обществ мира.

Американское географическое и статистическое общество

Американское географическое и статистическое общество (далее — АГСО) было основано богатыми филантропами, историками,

³ Французское_географическое_общество // Википедия. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Французское_географическое_общество (дата обращения: 19.07.2022).

издателями и редакторами Нью-Йорка в количестве 31-го человека. В сентябре 1851 г. для разработки проекта устава был сформирован комитет. 9 октября 1851 г. (н. с.) этот комитет принял устав на заседании, состоявшемся в Географической и статистической библиотеке Нью-Йоркского университета. Поэтому Общество изначально называлось «Американское географическое и статистическое общество»⁴.

Главный судья Нью-Йоркского суда по общим делам Чарльз Патрик Дэйли (Charles Patrick Daly, 1816–1899), прозванный «кабинетным исследователем», был избран рядовым членом АГСО 16 февраля 1855 г. (н. с.), а в Совет управляющих — в 1858 г. В 1864–1899 гг. (до своей смерти) он являлся президентом Американского географического

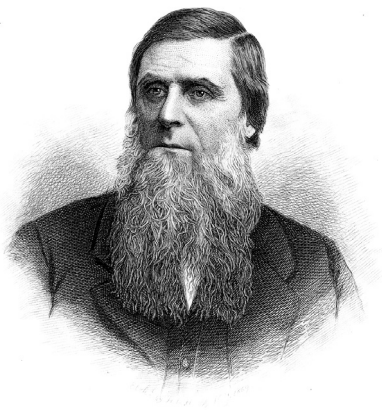

Рис. 1. Г. Б. Холл. Чарльз П. Дэйли (гравюра). 1869. Публичная библиотека Нью-Йорка

Рис. 2. М. Брэди. «Baron» de Stoeckl [1855–1865]. Библиотека Конгресса. LC-BN82-5273

⁴ В эмблеме АГСО середины XIX в. год основания Общества указан 1854, а не 1851.

общества⁵ и поставил рекорд пребывания в этой общественной должности.

Избрание великого князя Константина Николаевича почетным членом АГСО

В 1855 и 1862 гг. по просьбе АГСО, Государственный департамент США в своих циркулярах дважды обращал внимание иностранных правительств на деятельность Общества. Эти циркуляры сыграли свою положительную роль: благодаря им АГСО получило «самые ценные преимущества в обширной переписке, представляющей большой интерес» и «большие дополнения к своей библиотеке за счет обмена и пожертвований»⁶.

2 марта 1865 г. (н. с.) на заседании АГСО государственному секретарю США и члену-корреспонденту Общества У. Г. Сьюарду⁷ была выражена благодарность и предложено возобновить усилия, направленные на развитие международного сотрудничества. Уже 8 марта 1865 г. (н. с.) У. Г. Сьюард сообщил секретарю-регистратору АГСО У. К. Г. Уодделлу⁸ о получении копий преамбулы и резолюции собрания и выразил благодарность за лестные слова в свой адрес⁹.

Благодарность АГСО подействовала на государственного секретаря благотворно. 25 июня 1865 г. (н.с.) У. Г. Сьюард подписал но-

⁵ Charles P. Daly // Wikipedia. [Электронный ресурс] URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Charles_P._Daly (дата обращения 16.07.2022).

⁶ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5264. Л. 2 об.

⁷ Сьюард Уильям Генри (1801–1872) — американский государственный деятель, сенатор от штата Нью-Йорк (1831–1839, 1849–1861), губернатор штата Нью-Йорк (1839–1842), 24-й государственный секретарь США (1861–1869). С его именем связана покупка Аляски у Российской империи.

⁸ Уодделл Уильям Ковентри Генри (1802–1884) — федеральный маршал США в Нью-Йорке.

⁹ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5264. Л. 3.

вый циркуляр для иностранных правительств, в котором напомнил им о деятельности АГСО и пообещал благодарить их за помощь Обществу в реализации его проектов¹⁰.

В том же духе действовали и сами члены АГСО. В четверг, 21 сентября 1865 г. (н. с.), на заседании Совета АГСО Т. Б. Майерс¹¹ предложил избрать президента¹² Императорского Русского географического общества великого князя Константина Николаевича почетным членом АГСО. Это ходатайство поддержал президент Общества Ч. П. Дэйли. В результате Совет принял решение: «в знак признания полезности братского Общества и в знак приверженности выдающегося члена императорской семьи дружественной политике, проводимой русским правительством по отношению к нашей стране в ее трудностях, которая вызывает благодарность каждого американского гражданина», просить государственного секретаря обратиться через посредство Чрезвычайного и Полномочного Министра России в США господина Эдуарда Стекля¹³ за разрешением

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Майерс Теодорус Бейли (1821–1888) — юрист и коллекционер автографов (исторических документов по американской истории). Родился в Нью-Йорке, получил образование в Колумбийском университете, в 1842 г. начал свою карьеру. Во время Гражданской войны в США (1861–1865) служил в 12-м полчении Нью-Йорка, затем — в должности квартирмейстера Генерального штаба. После смерти его вдова Каталина пожертвовала всю коллекцию исторических автографов покойного мужа Нью-Йоркской публичной библиотеке.

¹² Так в документе.

¹³ Стекль Эдуард Андреевич (иногда — Штёкль, 1804–1892) — российский дипломат. В 1850 г. — поверенный российского посольства в Вашингтоне, а с 1854 г. — чрезвычайный посланник полномочного министра России в США. Будучи женат на американке, завязал дружеские отношения со многими американскими политическими деятелями, в том числе с сенатором У. М. Гвином (последовательным сторонником идеи приобретения

об избрании Его Императорского Высочества Великого Князя Константина — Президента Императорского Географического Общества в Санкт-Петербурге, почетным членом общества¹⁴.

Выписка из решения Совета АГСО была отправлена в Вашингтон Э. А. Стеклою вместе с циркуляром У. Г. Сьюарда и другими документами об АГСО.

4 октября 1865 г. (н. с.) Э. А. Стеклой отправил письмо управляющему Морским министерством России вице-адмиралу Н. К. Краббе. В нем он сообщил, что 21 сентября 1865 г. на заседании АГСО было принято решение просить «Его Императорское Высочество Государя Великого Князя Константина Николаевича» согласиться быть избранным в почетные члены общества. Э. А. Стеклой приложил к своему письму отношение секретаря АГСО (на английском языке), просил представить эти документы великому князю и «о последующем благоволить меня уведомить»¹⁵.

30 октября 1865 г. в Петербурге документы, присланные Э. А. Стеклой, были представлены Н. К. Краббе, который доложил о них генерал-адмиралу, великому князю Константину Николаевичу. 8 ноября великий князь подписал докладную записку на имя императора Александра II о предложении АГСО принять ему звание почетного члена этого общества. Император согласился с этим предложением¹⁶.

Уже 10 ноября 1865 г. Н. К. Краббе подписал письмо Э. А. Стеклой, в котором, в частности, указал следующее: «<...> имею честь, по пору-

российских владений в Северной Америке) и будущим госсекретарем (1861–1869) У. Г. Сьюардом. Взаимоотношения со Сьюардом носили особо доверительный характер, их объединяли общие интересы и готовность содействовать друг другу в реализации личных политических и иных целей. 30 марта 1867 г. оба они подписали договор о продаже Россией США Аляски за 7,2 млн долларов.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5264. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 1–1 об., 4.

¹⁶ Там же. Л. 5–6.

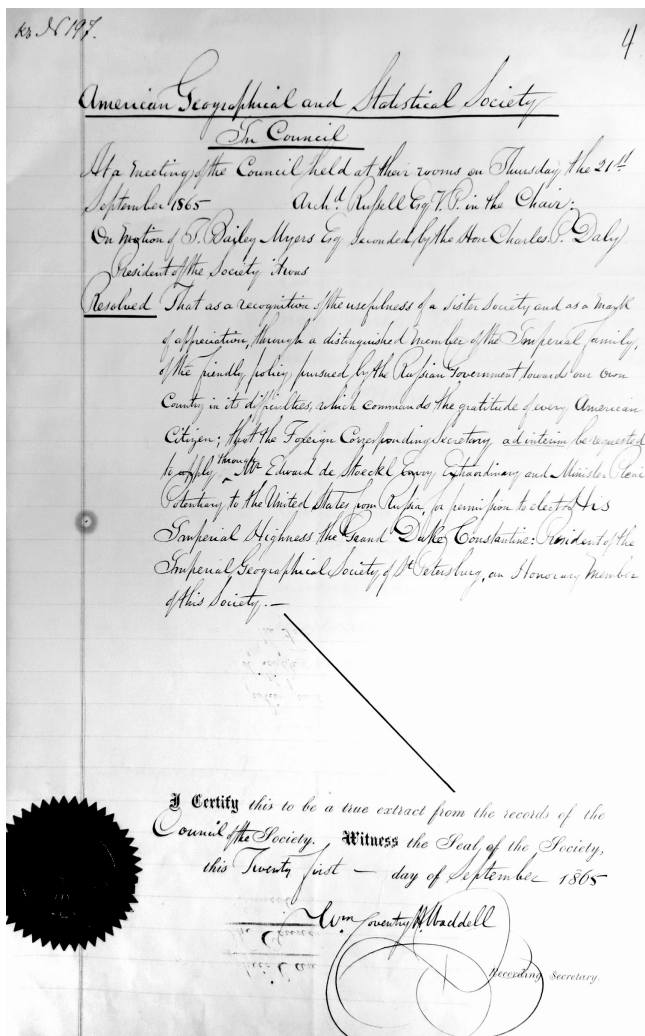

Рис. 3. Выписка из решения Совета Американского географического и статистического общества от 21 сентября 1865 г. (н. с.) о предложении русскому посланнику в США Э. А. Стеклоу об избрании великого князя Константина Николаевича почетным членом. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5264. Л. 4

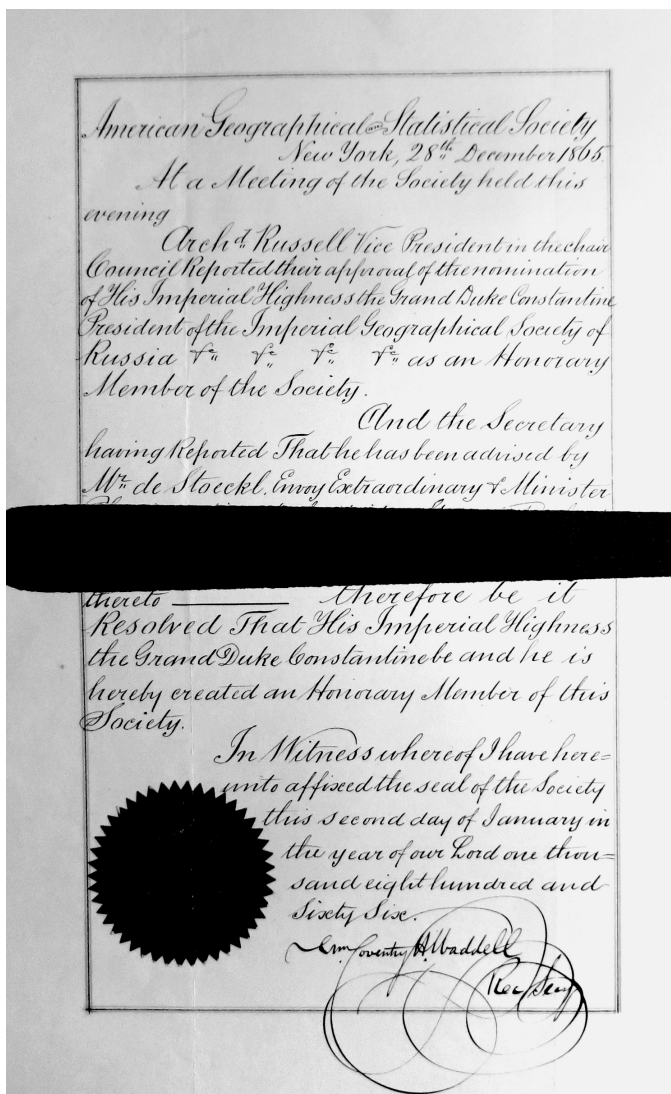

Рис. 4. Патент об избрании великого князя Константина Николаевича 28 декабря 1865 г. (н. с.) почетным членом Американского географического и статистического общества. РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5264. Л. 11

чению Государя Великого Князя Генерал-Адмирала, уведомить Ваше Превосходительство, что Его Высочество, с Высочайшего Государя Императора соизволения, принимая предлагаемое Его Высочеству Почетное звание, просит Вас, Милостивый Государь, выразить от Его Имени Обществу уверение в искренней признательности, с коею Его Высочество, принял сделанную Ему Г. г. членами честь <...>¹⁷.

В декабре 1865 г. Стеклъ получил письмо Краббе и отправил его в Нью-Йорк. Там 28 декабря (н. с.) на собрании АГСО его вице-президент А. Г. Рассел¹⁸ представил Его Императорское Высочество Велико-го Князя Константина Николаевича — президента Императорского Русского географического общества — для избрания почетным членом Общества. При этом секретарь Общества сообщил о полученном от российского посланника Э. А. Стекла согласии великого князя. Члены АГСО избрали великого князя своим почетным членом.

2 января 1866 г. (н. с.) был оформлен патент об избрании великого князя Константина Николаевича почетным членом АГСО, подписал его секретарь-регистратор Общества У. К. Х. Уодделл¹⁹. Этот патент вместе с письмом секретаря был отправлен Э. А. Стекло в Вашингтон.

24 января 1866 г. (н. с.) Э. А. Стеклъ в своем письме Н. К. Краббе, сообщил, в частности, следующее: «...Ныне, препровождая к Вам, Милостивый Государь, письмо Секретаря помянутого общества (АГСО. — В. С.) к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу с патентом на звание почетного члена, имею честь просить Ваше Превосходительство поднести Его Императорскому Высочеству означенные документы с выражением моего глубочайшего уважения и всепреданнейших чувств...»²⁰

¹⁷ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁸ Рассел Арчибальд Дуглас (1853–1919) — американский финансист и филантроп.

¹⁹ РГАВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5264. Л. 9–11.

²⁰ Там же. Л. 8–8 об.

Получив эти документы, Н. К. Краббе «имел честь представить» письмо и патент великому князю Константину Николаевичу, который поручил ему выразить Э. А. Стекло «благодарность Его Высочества за доставление тех документов» и просил еще раз заявить АГСО, что он «считает за честь находиться в составе такого ученого Общества». Это и было изложено в письме Н. К. Краббе, отправленном в Вашингтон в феврале 1866 г.²¹

Следует отметить, что в 1871 г. были внесены изменения в устав АГСО, после чего Общество стало называться короче — «Американское географическое общество»²² (АГО). Таким образом, следующие 20 лет своей жизни великий князь Константин Николаевич являлся почетным членом АГО.

²¹ Там же. Л. 12.

²² American Geographical Society // Wikipedia. [Электронный ресурс] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7c89b2ad-62d2fb5d-36626691-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/American_Geographical_Society (дата обращения: 16.07.2022).

Е. Л. Стафёрова
Независимый исследователь
А. П. Шевырёв
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Великий князь Константин Николаевич в 1856 г.: от морского министра к государственному деятелю

В свое время в книге о либеральной бюрократии Морского министерства один из авторов этой статьи выделил в качестве важного рубежа в деятельности великого князя Константина Николаевича 1857 г.: «Воочию увидев силу французского флота, его промышленные средства, познакомившись с политическими порядками и учреждениями Франции, генерал-адмирал пришел к заключению (и Головнин ему помог в этом), что как бы широки, радикальны и последовательны ни были преобразования во флоте, они не смогут возродить морскую мощь России, пока будут существовать в государстве те отсталые социальные и политические институты, которые сдерживают его развитие»¹. Другой автор этой статьи в своей книге отмечала, что в 1857 г. «пробил час Головнина» и он стал укреплять в великом князе «честолюбивое желание прославиться не просто как генерал-адмирал Российского флота, а и в качестве государственного деятеля-реформатора»². В недавно опубликованной

¹ Шевырёв А. П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 160.

² Стафёрова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007. С. 53.

статье о начале царствования Александра II А. П. Шевырёв выделил 1857 г. как год завершения «оттепели» и наступления эпохи Великих реформ³.

Если обратиться к деятельности Константина Николаевича от окончания Крымской войны до появления написанной А. В. Головинным⁴ в 1857 г. политической программы, то нетрудно заметить, что она была нацелена исключительно на решение задачи возрождения флота. Действия генерал-адмирала бросались в глаза неординарностью административных приемов, непривычной в бюро-

³ Шевырёв А. П. Оттепель 1855–1857 гг.: от Николаевской эпохи к эпохе Великих реформ // Российская история. 2022. № 4. С. 59.

⁴ Александр Васильевич Головин (1821–1886) — русский государственный деятель (статс-секретарь, действительный тайный советник). Министр народного просвещения (1861–1866) в период Великих реформ. С 1848 г. состоял чиновником особых поручений при начальнике Главного морского штаба — князе А. С. Меншикове, а с 1850 г. и секретарем при великом князе Константине Николаевиче, одним из воспитателей которого был дядя Головина — Ф. С. Лутковский. В 1850-е годы был одним из руководителей журнала «Морской сборник»; принимал участие в организации экспедиций литераторов и ученых для исследования экономики и этнографии России. Стоял у истоков Русского географического общества и был его секретарем с 1845 по 1847 гг. Председателем же Общества был великий князь Константин Николаевич. После вступления на престол Александра II и усиления влияния Константина Николаевича на государственные дела оказывал серьезное влияние на преобразования в Морском ведомстве, наряду с другими «либеральными бюрократами» принимал незримое, но далеко немаловажное участие в работах над крестьянской реформой, служа посредником между разными лицами и великим князем; с тех пор самая тесная дружба соединяла Головина с Н. А. Милютиным, Ю. Ф. Самариным, К. Д. Кавелиным, Н. Х. Бунге. На посту министра народного просвещения осуществил университетскую реформу (1863), а также реформировал гимназии и народные училища (1864).

кратической среде смелостью и даже элементами невиданной ранее публичности. И уже тогда можно было усмотреть, как вокруг великого князя складывается круг деятелей, исповедующих либеральные взгляды, которых современники назовут «константиновцами», и среди которых ведущую роль играл Головнин. Он уже семь лет состоял при Константине Николаевиче и, очевидно, был не только исполнителем его замыслов, но и помощником, к советам которого тот прислушивался.

Об инструментах влияния Головнина на великого князя судить непросто, потому что у него были возможности почти ежедневного общения со своим патроном в устных беседах, содержание которых почти никак не отражалось в письменных источниках. То, как Константин Николаевич доверял своему секретарю, видно из того, что их отношения продолжались в течение 35 лет и приобрели по-настоящему дружеский характер. Поэтому для понимания того, что происходило между великим князем и его секретарем, о чем они беседовали, какими средствами мог воздействовать Головнин на Константина Николаевича, важнейшее значение имеет их переписка, а точнее, письма Головнина, поскольку на ответные письма великий князь был весьма скуп.

В 1856 г. Головнин на несколько месяцев уезжает за границу для лечения. Его путешествие продлится с мая по октябрь. Вместе со своим сослуживцем по Морскому министерству и однокашником по Царскосельскому лицейу М. Х. Рейтерном он побывал в Берлине, Саксонии, Баварии, наслаждался горным швейцарским воздухом, спускался по Рейну, еще месяц они посвятили морским купаниям в Дьеппе, а затем расстались, и Головнин еще месяц прожил в Париже. На обратном пути в Петербург он вновь останавливался в Берлине и Дрездене. За пять месяцев путешествий Головнин написал своему патрону 31 письмо, получив лишь одно в ответ.

В этих письмах менее всего было впечатлений от исторических памятников и красот природы. Единственное из жизни Европы, что Головнин счел нужным отметить в своей корреспонденции, это упоминание

казино в Бадене, где он «узнал, какие средства употребляются, чтобы привлекать к игре молодых богатых людей», и об этих технологиях обещал рассказать уже при свидании⁵. Но при этом письма насыщены наблюдениями над политической жизнью Франции, методами обучения солдат в ее армии, о полезных изобретениях, а самое главное — они постоянно обращены к положению дел дома, в России.

В свое время мы уже останавливались в своих работах на особенностях отношений между Головниным и Константином Николаевичем, в частности на менторской роли первого при внешней форме скромного места секретаря и клиента при могущественном патроне⁶. М. Сорока в своей книге о великой княгине Елене Павловне характеризовала письма Головнина к фрейлине великой княгини баронессе Э. Ф. Раден о Константине Николаевиче как отчеты учителя перед родителями. Но это наблюдение Сороки относится к тому периоду, который начинается не ранее декабря 1856 г.

Смена императоров на престоле, казалось бы, открывала головокругительные перспективы для того, чтобы деятельность Константина Николаевича вышла за пределы морских проблем, тем более что предпосылки для этого были уже созданы. Но именно в этот момент Головнин стал проявлять колебания. Беседуя с ним 20 февраля 1855 г., сослуживец по Морскому министерству Д. А. Оболенский с удивлением обнаружил, что позиция его единомышлен-

⁵ Письмо от 22 июля / 3 августа 1856 г. // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 331. Л. 17–18 об.

⁶ Стафёрова Е. Л. Указ соч. С. 46–62; Шевырев А. П. «Вы» и «Ты»: Великий князь Константин Николаевич и А. В. Головнин в переписке // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету імені Т. Г. Шевченка. 2011. Випуск № 87. Серія: Історичні науки. № 8. Чернігов, 2011. С. 201–205; Он же. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А. В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб., 2012. С. 51–69.

ника диаметрально образам изменилась: Головнин с жаром доказывал, что «великий князь не должен ни во что вмешиваться и ограничиваться единственно званием морского министра». Оболенский возражал Головнину, но при этом усомнился «в искренности выставляемых убеждений, тем более что они не согласны были с тем, что за несколько дней перед этим он мне говорил. Мне казалось, что Головнин, находясь под каким-то страхом, хочет настроить меня на лад, опасаясь, чтобы я не проговаривался в другом смысле»⁷.

Из писем Головнина 1856 г. видно, что он пока не имел уверенности в выборе пути, по которому стоило направить деятельность его патрона. Главную свою миссию на этом этапе он видел, очевидно, в том, чтобы поддержать его в тех начинаниях, которые генерал-адмирал разворачивал в рамках своего морского ведомства. Важным средством такой поддержки были рассказы о разговорах со случайными людьми, в которых они делились высокой оценкой деятельности великого князя. Так, при морском переходе в Штеттин Головнин разговаривал с капитаном и старшим офицером парохода «Владимир», которые отмечали, что генерал-адмирал «гораздо доступнее для каждого морского офицера, чем всякие другие начальники», что «„Морской сборник“ читается с жадностью и благодаря ему видно, что морские офицеры знают, что делает и чего хочет морское начальство», а «пособие на воспитание детей и прибавка содержания произвели необыкновенное впечатление» на всех моряков⁸. А сообщив о получении письма от Г. И. Бутакова, в котором тот выражал восторг в связи с назначением его главным командиром Николаевского порта, Головнин тут же добавил ложечку лести: «Надобно отдать Вам справедливость, что Вы мастер одушевлять людей и возбуждать в них энтузиазм к Вам и страсть к делу»⁹. Там,

⁷ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005. С. 60–61.

⁸ Письмо от 7/19 июня 1856 г. // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 331. Л. 1–2.

⁹ Письмо от 9/21 августа 1856 г. // Там же. Л. 26.

где он не мог предъявить прямых свидетельств популярности Константина Николаевича, он включал воображение и, прочитав в «Морском сборнике» список офицеров, получивших пособие на воспитание детей, «живо вообразил... радость и благодарность... простых, но добрых людей»¹⁰.

Приятными для великого князя должны были стать и сообщения его секретаря о реакции в Европе на его неординарную административную деятельность. Головнин извещал генерал-адмирала о том, что «здешние газеты часто говорят о наших винтовых судах, канонерских лодках, Ваших смотрах и маневрах»¹¹, передавал сообщенные ему учителем Константина Николаевича А. Гриммом сведения о том, что знаменитый приказ генерал-адмирала с требованием предоставлять в отчетах «не похвалы, а истины» «был перепечатан здесь во всех газетах, показал Европе, что Россия входит в новую административную эру, и приобрел России между людьми благонамеренными и дельными более приверженцев, чем сколько могли бы доставить ей десять выигранных сражений»¹².

Моральную поддержку Головнин оказывал Константину Николаевичу и в тех действиях, которые встречали трудности. Он благодарил великого князя «как русский» и поздравлял его как человек, искренне ему преданный, с победой в Комитете министров по делу об учреждении Русского общества пароходства и торговли¹³. В связи

¹⁰ Письмо от 19/31 августа 1856 г. // Там же. Л. 30.

¹¹ Письмо от 1/13 июля 1856 г. // Там же. Л. 8.

¹² Письмо от 9/21 июня 1856 г. // Там же. Л. 5.

¹³ Письмо от 1/13 июля 1856 г. // Там же. Л. 7. Русское общество пароходства и торговли — российская судоходная компания. Основана в 1856 г. для обеспечения торгового судоходства в Черном и Средиземном морях. Еще в январе 1856 г., в ходе подготовки к заключению мирного договора с противниками России в Крымской войне, великий князь Константин Николаевич озабочился о принятии мер на случай ожидаемой нейтрализации Черного моря. Он сообщал Александру II, что «было бы весьма полезно учредить на

с геральдической реформой, инициированной Б. В. Кёне, среди элементов которой был разворот изображения св. Георгия на государственном гербе в правую сторону, Константин Николаевич протестовал против этого нововведения, которое затрагивало среди прочих геральдических объектов и морской штандарт. При этом великий князь ссылался на то, что изображение св. Георгия в России имеет «значение не только геральдическое, но и высшее — иконописное, ибо изображение это представляет святую икону»¹⁴. Головнин же находил в Германии и Швейцарии и геральдические основания для протеста своего патрона. Он описывал изображения св. Георгия, скачущего влево, на древних домах в Нюрнберге, а также обращенных влево животных на гербах в судейской палате Шильонского замка¹⁵.

Вовлеченность генерал-адмирала почти исключительно в дела морского ведомства нашла свое отражение в сообщениях

Черном море в самых больших размерах частное пароходное общество на акциях, которое содержало бы постоянно сколь возможно большое число самых больших пароходов, построенных с таким расчетом, чтобы когда понадобится, правительство могло нанять или купить их для перевозки десанта и обращения в боевые суда» (*Степанов Д. А. Учреждение Русского общества пароходства и торговли (1856–1857 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. История. Вып. 46. № 22(237). С. 31*). После подписания в марте 1856 г. Парижского мирного договора, запрещавшего черноморским державам иметь на Чёрном море военные флоты, в Комитет министров был представлен проект устава РОПИТ, который предусматривал правительственную поддержку компании. В свою очередь Общество должно было строить торговые суда, которые в случае войны могли бы выполнять боевые задачи, а также создать и поддерживать базу (экипажи, порты и ремонтные предприятия), необходимые для быстрого воссоздания Черноморского флота. В августе 1856 г. устав РОПИТ был утвержден Александром II.

¹⁴ Головнин А. В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб., 2006. С. 228.

¹⁵ Письмо от 6/18 июля 1856 г. // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 331. Л. 6, 9–10 об.

Головнина и в том, что ценность опыта западных стран виделась ему именно в военной сфере. В письме из Дьеппа он описывал учение солдат и отмечал разницу в методах подготовки во Франции и России: «Здесь стараются придать солдату большую развязность и ловкость и приучают к быстрым и разнообразным движениям»¹⁶. Из Парижа Головнин обращал внимание великого князя на новый способ изготовления топографических карт с помощью фотографии, который изучал командированный сюда военный топограф Н. Г. Писаревский и который Головнин советовал использовать в работе гидрографического департамента¹⁷.

Вплоть до сентября в письмах Головнина нет и намек на то, что круг деятельности Константина Николаевича, ограниченный интересами развития флота, слишком узок для генерал-адмирала. Еще в июле он советовал генерал-адмиралу ближайшей зимой съездить посмотреть на строительство заказанных во Франции фрегата и корвета, а следующим летом «сходить на пароходе» в США осмотреть строящийся там фрегат¹⁸. Но уже в сентябре содержание писем Головнина меняется в пользу не связанных с флотскими проблемами тем.

7 сентября Головнин писал великому князю из Парижа и рекомендовал ему к прочтению только что вышедший в Лондоне первый выпуск «Голосов из России». «Эту книжку стоит прочесть в свободные минуты, хотя в ней есть много ошибочного»¹⁹. Уже в следующем письме Головнин предложил вниманию своего адресата две книги, расширяющие взгляд на общественные преобразования — книгу А. Токвиля «Старый порядок и революция» и роман Г. Бишера-Стоу «Дред: история о Проклятом болоте». В книге Токвиля он

¹⁶ Письмо от 5/17 августа 1856 г. // Там же. Л. 23.

¹⁷ Письмо от 12/24 сентября 1856 г. // Там же. Л. 45–45 об.

¹⁸ Письмо от 8/12 июля 1856 г. // Там же. Л. 12.

¹⁹ Письмо от 7/19 сентября 1856 г. // Там же. Л. 41–41 об.

рекомендовал обратить особое внимание на главу «Административные нравы», читая которую «можно подумать, что он описывает Россию. Сочинение его содержит много весьма поучительного и особенно для нас, русских, именно в теперешнюю эпоху много полезного». Он напомнил великому князю, что Бичер-Стоу — это автор романа «Хижина дяди Тома», «написанного против рабства в Америке и который после Библии есть книга, имевшая наибольшее число экземпляров. В новом сочинении она преследует ту же цель и представляет, какое вредное влияние имеет рабство на владельцев рабов и на государственное управление и финансы. Книга эта очень интересна»²⁰.

От проблем рабства в Америке Головнин осторожно перешел к крепостному праву в России. Уже через неделю после письма о книгах Токвиля и Бичер-Стоу он сообщил, что Оболенский прислал ему записку Ю. Ф. Самарина «О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе»: «Смею обратить внимание Ваше на этот труд. Прикажите Оболенскому принести его Вам»²¹. Сам Головнин хорошо понимал значение крестьянского вопроса, который находился в круге его интересов уже со второй половины 1840-х гг., но Константину Николаевичу эти проблемы в тот период еще не были близки. В следующем письме Головнин вновь вернулся к этому вопросу, настоятельно привлекая внимание великого князя к содержанию работы Самарина. Он утверждал, что «никогда еще ничего не читал столь дельного по этому предмету». Пытаясь расположить патрона к чтению записки, он замечал: «Самарин сходится с Вами в мысли, что увольнение в обязанные крестьяне именно должно быть средством разрешения вопроса о крепостном праве, но он объясняет, по каким причинам помещики не воспользовались законом об обязанных крестьянах, указывает на недостатки этого закона и в заключение предлагает издать этот закон вновь

²⁰ Письмо от 9/21 сентября 1856 г. // Там же. Л. 44–44 об.

²¹ Письмо от 14/26 сентября 1856 г. // Там же. Л. 53 об.

с поправками и дополнениями». При этом Головин стремился побудить Константина Николаевича не только к чтению записки Самарина, но и к распространению ее, утверждая, «что его записку следовало бы представить Государю Императору и сообщить главным государственным лицам нашим, но для этого надобно напечатать ее, ибо в рукописи она кажется велика и не так легко читается. Это имело бы и другую выгоду, ибо она теперь в рукописи перейдет за границу (без ведома и против воли автора) и напечатается (к неудовольствию Самарина) каким-нибудь Герценом. Весьма желательно, чтобы правительство воспользовалось познаниями Самарина и употребило его на это дело»²². Как свидетельствует дневник Оболенского, Константин Николаевич внял рекомендации, попросил у него записку и даже поинтересовался у императора Александра II, знаком ли он с этой работой. «Записку Самарина великий князь еще не прочел, но, вероятно, на днях прочтет, любопытно будет знать его образ мыслей по этому предмету, до сих пор он был весьма поверхностен по этому предмету, но по прочтении записки Самарина многое должно будет ему уясниться, потому что он в состоянии понять и вникнуть в глубь предложенного вопроса»²³.

В том же сентябре Оболенский высказывал в своем дневнике серьезную озабоченность намерениями великого князя провести значительную часть следующего года на Кавказе и за границей, в том числе во Франции. В поездке в Париж он не видел «никакого дельного смысла», так как в течение ближайшего полугода «многое должно измениться как в личном составе, так и в направлении действий правительства. Для этого пребывание великого князя в Петербурге могло быть полезно, и, во всяком случае, непонятно, как возможно самому не иметь столько любопытства и интереса к делам внутреннего управления, чтобы не желать принять в них деятельного участия»²⁴.

²² Письмо от 16/28 сентября 1856 г. // Л. 55–55 об.

²³ Оболенский Д. А. Указ. соч. С. 148–149.

²⁴ Там же. С. 142–143.

Возможно, своими сомнениями Оболенский поделился с Головинным, который в сентябре находился в Париже. В письме, отправленном Константину Николаевичу не по почте, Головин рассказывает о Наполеоне, об обстановке в Париже, но значительную часть письма посвящает вопросу, стоит ли великому князю ехать в Париж в следующем году. Разбирает он этот вопрос в свойственной для себя манере: внешне беспристрастно и объективно суммирует аргументы за и против. При этом, несмотря на внешнюю объективность, заметно, что Головин тонко и ненавязчиво рекомендует все же посетить Париж. Аргументы *contra* по большей части эмоциональны и касаются чувства оскорбленной национальной гордости. Аргументы *pro* основаны на важности морских и вообще внешнеполитических контактов. «Не говоря уже о том, сколько выиграет наше морское дело от того, что Вы увидите здешний флот, порты, адмиралтейства, познакомитесь с адмиралами и капитанами, но и в политическом отношении будет польза»²⁵. Но в следующем письме, отправленном с оказией, он возвращается к данному вопросу и решает его уже иначе. Он вновь перечисляет аргументы, но на сей раз аргументы против излагаются от имени Н. А. Орлова и К. К. Бенкендорфа, а аргументы за — от имени посла России во Франции Ф. И. Бруннова. Аргументы за короче и легковеснее, аргументы против многочисленнее, среди них соображение, «что рано еще нам после несчастного исхода войны вмешиваться в дела внешние, а следует заниматься только внутренними»²⁶. В итоге Головин прямо заявил, что разделяет позицию Орлова и Бенкендорфа. Так в течение сентября Головин осторожно и мягко переключал внимание великого князя с ведомственных проблем на общегосударственные преобразования.

В начале октября Головин написал Константину Николаевичу из Дрездена о полученных им известиях из Петербурга, будто

²⁵ Письмо от 17/29 сентября 1856 г. // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 331. Л. 63 об.

²⁶ Письмо от 25 сентября/7 октября 1856 г. // Там же. Л. 63 об.

обер-прокурор Св. Синода А. И. Карасевский «решительно умирает» и будто «ходят слухи» о кандидатуре Д. А. Оболенского в качестве его преемника. Головнин настойчиво обращал внимание патрона «на то, как было бы полезно, если бы эти слухи подтвердились, и Вы могли бы содействовать этому. Глас народа — глас Божий. <...> При том это было бы вполне сообразно с системой Вашего Высочества узнать человека и доставить ему поприще деятельности сообразное его способностям»²⁷. Так постепенно зреет мысль превратить Морское министерство в рассадник кадров для других ведомств.

Накануне возвращения Головнина в Россию в его письмах опять начинают звучать привычные нотки: он вновь сосредоточивается на флотских вопросах, иронически упоминает «горький плач» Оболенского в связи с грядущим отъездом Константина Николаевича за границу, «когда у нас коснулись столь многих предметов внутреннего устройства и когда предстоит организовать Морское м[инистерст]во», и вполне благодушно рассуждает, «что для умственной переработки проекта Образования м[инистерст]ва и просто портового регламента с полученными на них замечаниями весьма желательно и полезно временное удаление от текущих дел»²⁸. И все же в предпоследнем заграничном письме Головнин напомнил Константину Николаевичу о Ю. Ф. Самарине и о его работе, информируя, что заказал для того научный каталог «сочинений на немецком языке касающихся уничтожения в Германии крепостного права и отношений крестьян к землевладельцам», а также «исторический обзор того, как совершалась эта перемена в Саксонии и особенно Лузации». При этом Головнин вскользь заметил, что подобные книги можно выписать и для великокняжеской библиотеки²⁹.

Таким образом, осенью 1856 г. произошел очевидный перелом в понимании Головниным грядущей роли Константина Николаевича

²⁷ Письмо от 2/14 октября 1856 г. // Там же. Л. 68–68 об.

²⁸ Письмо от 4/16 октября 1856 г. // Там же. Л. 70 об.

²⁹ Письмо от 11/23 октября 1856 г. // Там же. Л. 71.

ча. И наиболее очевидной причиной этого перелома стала активизация как общественных, так и правительственных сил в крестьянском вопросе. В октябре в Министерстве внутренних дел началась подготовка крестьянской реформы в Виленском генерал-губернаторстве. В том же октябре великая княгиня Елена Павловна представила императору составленный по ее заданию Н. А. Милютиним план реформирования ее имения в Карловке. При этом Милютин, по мнению А. Леруа-Больё, «хотел, чтобы проект освобождения, составленный для отдельной местности, смог служить моделью и как бы макетом для большой хартии освобождения». Сам же Милютин в письме к Елене Павловне писал о необходимости «в интересах дела солидной моральной поддержки» и указывал на Константина Николаевича, который «владеет всеми титулами» для оказания такой поддержки³⁰. В том же месяце Ю. Ф. Самарин сообщал о том, что его записка «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе» «пошла в ход и имеет большой успех»³¹.

В этих условиях Головин пришел к выводу о том, что время для того, чтобы генерал-адмирал начал выход за пределы круга своих ведомственных интересов и чтобы его преобразования во флоте из цели превращались в средство — это время пришло. В 1857 г. эта идея найдет свое воплощение в политической программе великого князя, в которой прозвучит задача использования «личного влияния при государе» и проведения в морском ведомстве «преобразований, согласных с желаемою общемою системою государственного управления, которые могли бы служить примером и руководством в других ведомствах». Тогда же в связи с попыткой подтолкнуть великого князя к протектированию Д. А. Оболенскому с целью добыть для того должность обер-прокурора

³⁰ Цит. по: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984. С. 50.

³¹ Цит. по: *Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия.* М., 2012. С. 263.

Святейшего Синода складывается еще один пункт программы 1857 г. — готовить в своем ведомстве «способных людей» и употреблять «свое влияние, чтоб доставить им необходимое для этого положение»³². В октябре 1856 г. Д. А. Оболенский заносил в свой дневник: «Хотя еще правительство не составило себе плана и не определило образ действия в новом направлении, но не менее важно то, что всеобщее окование начинает пропадать, и как в отдельных лицах, так и в обществе начинает проявляться некоторое сознание»³³.

³² Головин А. В. Указ. соч. С. 155.

³³ Оболенский Д. А. Указ соч. С. 150.

Ю. В. Трубинов
*Государственный Русский музей,
Мраморный дворец*

**Опыт реконструкции метода архитектора
А. А. Авдеева по проектированию церкви в Крымском
имении великого князя Константина Николаевича**

На южном берегу Крыма в XIX в. находилось имение владельца Мраморного дворца великого князя Константина Николаевича — Ореанда (иначе — Нижняя Ореанда или в транскрипции XIX в. нередко Оріанда), где в 1885 г. была построена Покровская церковь. Поводом для строительства церкви в Ореанде послужил пожар, уничтоживший в августе 1881 г. дворец, построенный по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера в 1843–1845 гг. для императрицы Александры Фёдоровны и завещанный ее сыну, великому князю Константину Николаевичу¹.

Близ руин сгоревшего дворца в 1884 г. великий князь задумал построить церковь с использованием камня из его развалин. Для реализации этой цели необходимо было найти достойного архитектора. По долгу службы в ранге генерал-адмирала и управляющего Морским министерством, великий князь регулярно посещал Крым с целью инспектирования военно-морских укреплений южных приморских городов России, в особенности, Севастополя, где в начале 1860-х гг. решал проблемы строительства большого храма Св. Владимира. На этой стройке он познакомился с архитектором А. А. Авдеевым, возводившим храм. Убедив-

¹ Сон юности. Воспоминания великой княгини Ольги Николаевны. 1825–1846 // Русские мемуары. Николай I. Муж, отец, император. М., 2000. С. 228.

Рис. 1. Архитектор А. А. Авдеев

шись в процессе строительства собора в исключительно высоких профессиональных качествах Авдеева, Константин Николаевич именно ему поручает составление проекта церкви в своем Крымском имении.

Алексей Александрович Авдеев (1819–1885) (рис. 1) родился в Новосильковском уезде Тульской губернии в дворянской семье. Рано начал испытывать тягу к рисованию и архитектуре. На его юношеский чертеж колокольни обратил внимание московский архитектор М. Д. Быковский и пригласил

Авдеева в свою мастерскую. Так началось архитектурное образование Авдеева. В 1850 г. он успешно выдержал экзамен «на право производства всякого рода гражданских сооружений»². В том же году он отправился за границу для совершенствования своих знаний, посетил Германию, Францию и Италию, где серьезно увлекся архитектурной археологией и изучением древнеримской архитектуры. Авдеев изучает труды классиков архитектуры Витрувия, Альберти, Палладио, проникает в суть систем пропорционального построения зданий, разбирается в золотом сечении, модульных пропорциях, системах квадрирования и триангулирования.

² Биографические сведения об архитекторе А. А. Авдееве почерпнуты преимущественно из: *Собко П. Н. Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней (XI–XIX вв.).* СПб., Т. 1. Вып. 1: «А». 1893. Стб. 6–13.

Ознакомившись в Париже с постройками и высказываниями французского архитектора Леду, который на основе собственного творчества и опыта древних архитекторов заключил, что «круг, квадрат — вот буквы алфавита, которые используют авторы в своих лучших произведениях»³, Авдеев выработал на этой основе свой архитектурный стиль. В системе пропорционирования его построек прослеживается устойчивое сочетание квадрата с его производными. Наглядным и даже дерзким образцом сооружения, где доминирует квадрат в основании, явился небольшой храм Св. Николая на Братском военном кладбище в Севастополе, построенный Авдеевым в 1857 г. в виде пирамиды, увенчанной каменным крестом. По совокупности возведенных Авдеевым в Крыму церковных сооружений Академия художеств удостоила его в 1871 г. звания академика⁴.

Будучи приверженцем византийского направления в архитектуре, Авдеев в течение ряда лет занимался изучением византийского типа кавказских церквей. Изучая византийское зодчество и сравнивая его с древней храмовой архитектурой России и Кавказа, Авдеев замечает: «Архитектура византийская, будучи общей матерью для архитектур: армянской, грузинской и русской, остается сама искусством свободным в обработке общего плана церквей»⁵.

Итак, приглашая архитектора Авдеева построить церковь в своем имении, Константин Николаевич ставит условие, «чтоб церковь была *в кавказско-византийском характере* [курсив мой. — Ю. Т.], как более подходящем к Крыму»⁶. Такая установка оказалась

³ Цит. по: Русева В. Леду. М., 2014. С. 46.

⁴ Собко Н. П. Словарь русских художников. Стб. 9.

⁵ Авдеев А. А. О планах церквей Грузии и Армении и их отношении к планам церквей византийских // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881 / Под ред. гр. Уваровой. М., 1887. С. 193.

⁶ Краткий исторический очерк постройки церкви Покрова Пресвятыя Богородицы в Ореандском имении государя Великого Князя Константина Николаевича на Южном Берегу Крыма. СПб., 1885. С. 3.

исключительно близкой к воззрениям самого Авдеева, который согласился выполнить заказ великого князя.

Приняв во внимание пожелания заказчика, в течение нескольких месяцев 1884 г. зодчий составляет детальный проект церкви, восхитивший великого князя Константина Николаевича. В начале сентября 1884 г. Авдеев приезжает в Ореанду с готовыми чертежами и на месте осуществляет разбивку плана церкви⁷.

Анализ построения плана

Подлинные авторские проектные чертежи Покровской церкви в Ореанде, по-видимому, не сохранились, но опубликованные фиксационные план и разрез ее⁸ дают возможность попытки реконструировать последовательность проектирования Авдеевым храма, опираясь на одну из многовековых систем пропорционального построения, основанную на применении квадрата в сочетании с его диагональю (так называемую систему квадрирования).

Взяв за основу проектирования церкви излюбленную геометрическую фигуру — квадрат, Авдеев с необыкновенной изобретательностью извлек из нее все параметры плана и объема будущей постройки. Главным модульным элементом при построении плана здания принимается квадрат, расположенный под будущим куполом храма. Поскольку этот квадрат станет основой для разбивки в плане остальных частей здания: алтарной части, боковых приделов, молельного зала (трапезной) и обходной галереи, будем впредь называть его исходным (или подкупольным) квадратом.

На составленной нами аналитической схеме (рис. 2, 3) обозначим габариты подкупольного квадрата буквами *АВВГ*.

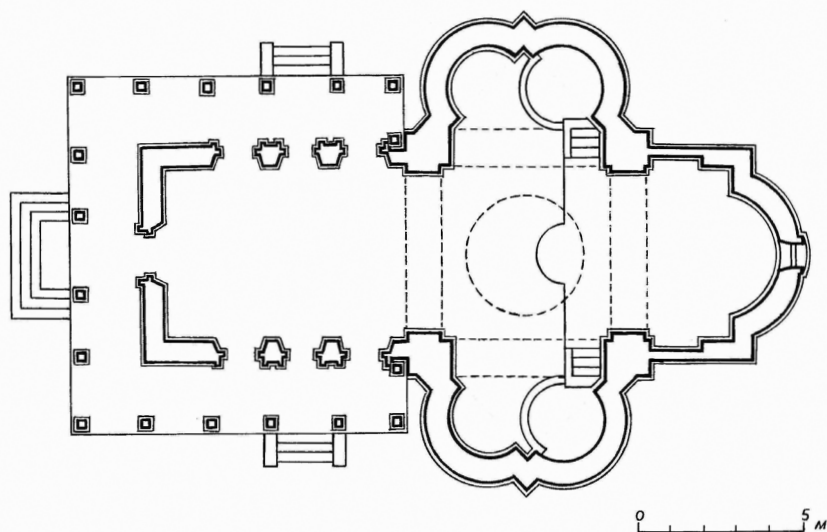
На пересечении его диагоналей находится центр окружности *О* будущего подкупольного свода. Диаметр этой окружности составил половину диагонали исходного квадрата.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ *Филатова Г. Г.* Дворец и храм в Нижней Ореанде. Симферополь. 2013., С. 59.

Ореанда. Церковь Покрова Богоматери. 1885 г.
(домовая церковь владельцев петербургского Мраморного дворца в Крыму)

П Л А Н

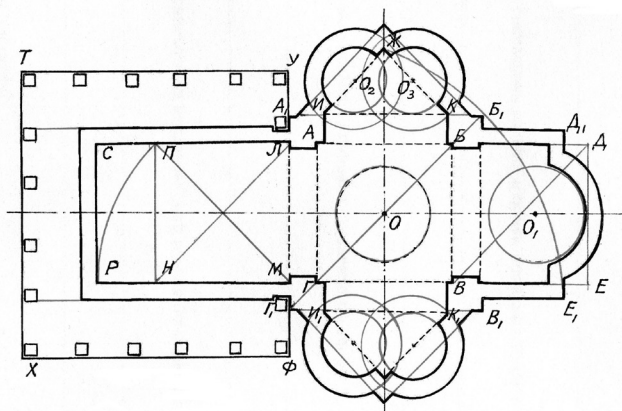

Исполнил Ю. В. Трубинов

Рис. 2. План церкви Покрова.
Чертеж Ю. В. Трубинова на основании фиксационного плана

Ореанда. Церковь Покрова Богоматери
Архитектор А. А. Авдеев. 1885 г.

Реконструкция пропорционального построения плана

Пропорциональное построение реконструировано
на основе современного обмерного плана Покровской церкви, воспроизведённого в кн.: Филатова Г. Г.
Дворец и храм в Нижней Ореанде. Симферополь, 2013. С. 59.

Исполнил Ю. В. Трубинов

Рис. 3. Анализ пропорционального построения плана церкви Покрова.
Реконструкция Ю. В. Трубинова

К восточной и западной сторонам ядра храма зодчий присоединяет, соответственно, алтарную часть и молельный зал. Последний он решает окружить снаружи обходной галереей. Кроме того, он обогатил подкупольное пространство с севера и юга фигурными в плане приделами. К квадрату ядра храма зодчий присоединяет с востока алтарное пространство, предварительно заключив его в квадрат $БДЕВ$, равновеликий исходному.

Существенной задачей являлось определение толщины стен ядра храма. Учитывая, что над ним предстоит возводить барабан, свод с куполом, конусовидную кровлю, увенчанную крестом, что в совокупности составляло значительную нагрузку на стены, толщина стен должна выдержать вес будущей надстройки. Опираясь на свой многолетний опыт проектирования зданий с использованием метода пропорционального построения, зодчий поступает следующим образом. Поворотом исходного квадрата $АВВГ$ на 45° вокруг центра $О$ зодчий превращает его диагональ $АВ$ в сторону большого квадрата $А_1Б_1Г_1Г_1$, по отношению к которому исходный квадрат оказался вписанным, а пространство между сторонами этих двух квадратов и явилось искомой весьма солидной толщиной стен ядра храма, определившей внешний контур плана. Поскольку нагрузка на стены алтарного пространства с апсидой, на боковые приделы и на трапезную не представлялись чрезмерной, зодчий ограничил толщину этих стен половиной толщины стен ядра храма. Так, продолжив северную сторону $АБ$ исходного квадрата на запад (в сторону будущей трапезной) до точки $С$ и на восток (в сторону алтаря) до точки $Д$, зодчий откладывает наружу половинную толщину стены ядра храма. Так же решена толщина южной стены трапезной и алтаря.

Просвет цилиндрического барабана зодчий определил путем разбивки диагонали исходного (подкупольного) квадрата на четыре равные части. Затем радиусом в $1/4$ этой диагонали он провел окружность из центра $О$ исходного квадрата. Эта окружность станет основополагающей при разбивке плана апсиды. Радиус этой окружности

определил также очертания свода в виде полушария, замыкающего световой барабан внутри храма.

Большую роль в дальнейшем развитии плана храма сыграл большой подкупольный квадрат $A_1B_1\Gamma_1$. Он был активно включен зодчим в дальнейшую разбивку пропорционального построения других частей храма, в первую очередь, плана алтаря с апсидой. Здесь зодчий прибегнул к другому испытанному приему геометрического построения: он применил диагональ большого квадрата Γ_1B_1 для ограничения внешнего выноса алтарной части засечкой в точке E_1 , соединив эту точку прямой линией с точкой D_1 и отложив толщину стены внутрь алтарного пространства.

Полукружие апсиды было определено довольно простым способом. Как мы помним, предварительно пространство алтарной части составлял квадрат $БДЕВ$, присоединенный с востока к равнобе́ликому исходному. Теперь в этом квадрате по касательной к восточной линии $ДЕ$ на продольной оси плана была проведена окружность с центром O_1 точно такого же диаметра, как и окружность просвета барабана в центре исходного квадрата. Пересечением восточной половины этого круга с внутренней линией восточной стены алтарного пространства определился контур апсиды, завершённой отложением наружу толщины ее полукруглой стены.

Диагональ большого квадрата Γ_1B_1 оказалась универсальным инструментом для исходного построения южного и северного оригинальных боковых приделов. Проанализируем построение северного придела. С помощью упомянутой диагонали из точки Γ_1 делаем засечку $Ж$ на поперечной оси плана (ось будущего трансепта). Образовавшаяся точка $Ж$ принимается за вершину равнобедренного треугольника с прямым углом. Этот треугольник является начальной стадией построения придела. Толщина стен откладывается наружу от бедер треугольника.

Дальнейшее развитие придела определяют два полукружия с центрами посередине бедер внутреннего треугольника. Они проведены радиусом по касательной к основанию $ИК$ этого треуголь-

ника и означают внутренний контур придела при пересечении с бедрами треугольника. Толщина стены этих полукружий, отложенная наружу, определяет внешний рисунок весьма своеобразной композиции северного придела. Аналогичным приемом строится симметричный южный придел.

Нам осталось проанализировать построение плана молельного зала (трапезной) и обходной галереи. Зал примыкает с запада к квадратному ядру храма. Ширина его внутреннего пространства равна таковой как ядра храма, так и алтарной части. Поскольку зал должен быть удлиненным по оси восток-запад, то гармонизация его пропорций достигается с помощью все тех же испытанных надежных инструментов: стороны квадрата и его диагонали. Квадрат $ПЛМН$, равновеликий исходному квадрату $АВВГ$, примыкает по продольной оси плана церкви к западной стороне $А_1Г_1$ большого квадрата $А_1Б_1В_1Г_1$. Затем диагональю $МП$ производится засечка $Р$ на продолжении южной линии $НМ$ малого квадрата. Соединением полученной точки $Р$ под прямым углом в точке $С$ на пересечении с продолжением северной линии $ПЛ$ малого квадрата замыкается идеальных пропорций прямоугольник $РСЛМ$ внутреннего пространства молельного зала.

В построении плана обходной галереи определяющим является все тот же квадрат $ПЛМН$, равновеликий исходному квадрату. Он сдвигается наполовину от продольной оси плана к северу и к югу, образуя двойной квадрат с длинной стороной $УФ$. Вот эта-то сторона принимается за сторону нового большого квадрата $ХТУФ$, определившего внешний контур обходной галереи, которая будет опираться на 18 пилонов, соединенных арками.

Анализ построения высотных параметров

Предприняв попытку расшифровки метода геометрического построения плана храма, обратимся в общих чертах к анализу пропорций его объема (рис. 4, 5).

Как утверждал древнеримский архитектор и первый теоретик пропорций Витрувий, объем здания, его высота должны быть

Ореанда. Церковь Покрова Богоматери. 1885 г.
(домовая церковь владельцев петербургского Мраморного дворца в Крыму)

ПРОДОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ

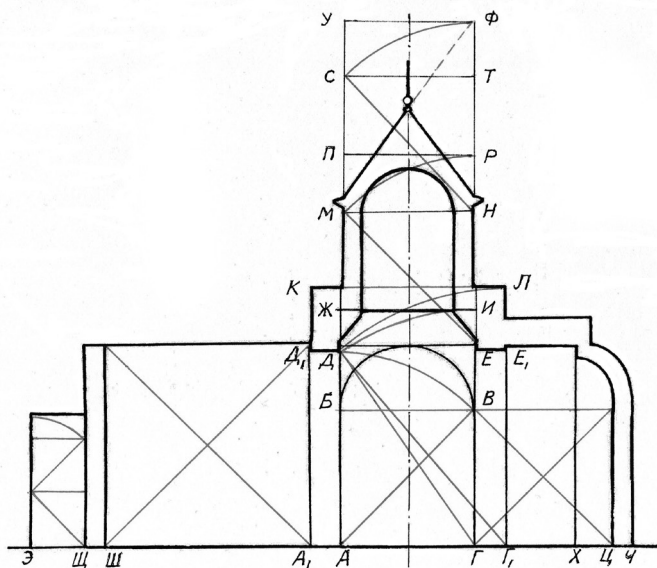

Исполнил Ю. В. Трубинов

Рис. 4. Продольный разрез церкви Покрова.
Чертеж Ю. В. Трубинова на основании фиксационного разреза

Ореанда. Церковь Покрова Богоматери
Архитектор А. А. Авдеев. 1885 г.

Реконструкция пропорционального построения высотных параметров

Пропорциональное построение реконструировано
на основе современного обмерного чертежа Покровской церкви, воспроизведённого в кн.: *Филатова Г. Г.*
Дворец и храм в Нижней Ореанде. Симферополь, 2013. С. 59.

Исполнил Ю. В. Трубинов

Рис. 5. Анализ пропорционального построения плана высотных параметров церкви Покрова. Реконструкция Ю. В. Трубинова

согласованы с планом, «ибо в противном случае вещь рождающаяся и вещь, растущая вверх, не будут одним и тем же; это будет великим заблуждением, противоречащим природе вещей»⁹. Соответствие объема сооружения его плану обеспечивается прежде всего единством системы пропорционального построения. Рассмотрим вероятный ход геометрического построения основных масс храма на аналитической схеме продольного разреза. Основным модулем построения здания по-прежнему является исходный подкупольный квадрат, благодаря которому увязаны системно геометрическая структура плана и объема.

Построенное на квадратном основании (на отметке пола храма) объемное тело с высотой AB , равной стороне этого квадрата AG , является кубом. В ортогональной проекции на рассматриваемой схеме разрез куба становится квадратом $ABBG$, равновеликим исходному квадрату. Внутренний контур ядра храма по высоте строится с помощью диагонали AB исходного квадрата, отложенной на оси A и определяющей шельгу подпружной арки DD_1 (аналогично — EE_1). Полная высота внутреннего объема ядра храма строится с помощью диагонали GD полученного прямоугольника $ADEG$, отложенной на оси G в точке I . Контур $AЖИГ$ означает высоту параллелепипеда внутреннего объема ядра храма до просвета барабана и включающего паруса и диск, сужающийся в виде усеченного конуса от парусов к просвету барабана (так называемый «апостольский пояс»).

Внешний же контур ядра храма, возвышающегося над алтарем с востока и трапезной с запада, проектируется с учетом толщины стен ядра храма, найденной при построении плана. На разрезе эта толщина стен показана в осях A_1-A и $G-G_1$. Наружная высота ядра храма определяется диагональю G_1D прямоугольника ADE_1G_1 , отложенной на оси G_1 в точке L . Прямая KL , параллельная основанию храма, определяет наружный силуэт ядра храма.

⁹ Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниэле Барбаро. М., 1938. Кн. 1. С. 99.

В геометрическом построении светового барабана с шатровым покрытием и крестом применен метод двойного квадрата, жестко увязанного с исходным квадратом ядра храма. Исходный квадрат (определяемый на разрезе литерами *АБВГ*) откладывается по центральной оси вверх от линии *ДЕ* (шелыги подпружных арок ядра храма) с образованием квадрата *ДМНЕ*, равновеликого исходному. Тем самым определена высота барабана до его карниза по линии *МН*. Боковые стороны квадрата оказались при этом наружным контуром стены барабана, внутренний же контур определен диаметром купола барабана, равного просвету последнего (установленному при построении плана в $1/2$ длины диагонали исходного квадрата). Толщина стены барабана автоматически определилась ровно в половину стены основного ядра храма.

Высота купола барабана определяется точкой *З* пересечения на центральной оси храма дуги *МР* диагонали *ЕМ* квадрата *ДМНЕ* (равновеликого исходному), с симметричной дугой *НП* диагонали *ДН* этого же квадрата. Форма купола при этом является не чем иным, как полушарием.

Высота шатрового покрытия определена построением второго (равновеликого исходному) квадрата *МСТН* вверх по центральной оси от линии *МН*, смежного с таким же квадратом *ДМНЕ*. Если с помощью нижнего квадрата *ДМНЕ* и его диагоналей была определена точка зенита купола (*З*), то благодаря диагоналям верхнего квадрата *МСТН* строится конфигурация шатрового покрытия храма.

Форма шатра — конус — и наклон его ската гармонично увязаны в упомянутую систему геометрического построения с использованием квадрата и его диагонали. Если диагональю *НС* сделать засечку *Ф* на оси *Г* (аналогично — диагональю *МТ* засечку *У* на оси *А*) и соединить точки *У* и *Ф*, то получим вытянутый по вертикали прямоугольник *МУФН*. Диагонали этого прямоугольника в точке пересечения с основной осью храма и являются направляющими линиями, параллельно которым строятся скаты конусообразного кровельного покрытия храма.

Объем алтарного выступа — апсиды храма — целиком зависит в размерности от ядра храма, являясь его продолжением на восток. Площадь алтаря была определена при построении плана, а высота внутреннего пространства совпадает с высотой ядра храма над подпружными арками. Конха полукруглого выступа алтаря опирается пятой на уровне высоты исходного квадрата. Толщина стен апсиды составляет половину толщины стен основного ядра храма.

С запада к храму примыкает молельный зал (трапезная) с обходной галереей. При определении высоты трапезной исходным модульным элементом явилась длинная сторона помещения (на схеме разреза *ША1*). Она была принята в качестве стороны большого квадрата, благодаря которому высота трапезной органично увязалась с размерностью остальных частей храма.

Наконец, высота обходной арочной галереи на пилонах за пределами трапезной подчинена все той же системе двойного квадрата в сочетании с диагональю квадрата. Действительно, ширина выноса галереи (на разрезе в осях *Э-Щ*) принимается за сторону малого квадрата. Над ним строится второй такой же квадрат, диагональ которого, отложенная на оси *Э*, и определила высоту кровли галереи.

Сухость жесткого геометрического построения зодчий, прислушиваясь к своему художественному чутью, смягчал некоторыми отклонениями от этой схемы. Между прочим, такие отклонения, связанные с творческой интуицией мастера, не только допускал, но и приветствовал еще в I в. н. э. теоретик архитектуры Витрувий. Он подчеркивал: «Ни на что архитектор не должен обращать большего внимания, чем на то, чтобы пропорции здания находились в полном соответствии с определенной частью, принятой за основную. Когда же будет установлено основание соразмерности и путем вычислений рассчитаны все размеры, то уже дело проницательности <...> путем сокращений или добавлений достичь такой уравновешенно-

сти, чтобы после этих сокращений или добавлений в соразмерности все казалось правильным»¹⁰.

Применительно к ореандской церкви, такие интуитивные поправки могли заключаться, например, в незначительном изменении толщины стен, в совершенствовании конфигурации перекрытий, в применении многообразия форм проемов, в разбивке стены барабана на шестнадцать граней. Более того, такие поправки, конструктивные включения и декоративные дополнения должны были не только создать зрительное впечатление уравновешенности и упорядоченности, но обогатить образ постройки, превратить здание храма в подлинное произведение архитектурного искусства.

Великий князь Константин Николаевич был полностью удовлетворен проектом Авдеева. В октябре 1884 г. в переписке со своим статс-секретарем А. В. Головинным он с восхищением отзывался об архитекторе Авдееве, характеризуя зодчего как «настоящего артиста, художника и фанатика своего дела, лучшего в России знатока византийского стиля»¹¹.

Разработка проекта церкви для Ореанды оказалась последним трудом архитектора Авдеева. К сожалению, ему не привелось ее построить. 21 марта 1885 г. в Контору двора Мраморного дворца поступает сообщение из Академии художеств: «Канцелярия Императорской Академии Художеств имеет честь уведомить, что Академик Алексей Александрович Авдеев, приехавший из Севастополя по делам Великого Князя Константина Николаевича, скончался 18-го сего Марта в 4 часа утра в меблированных комнатах у Красного моста дом Лихачёва квартиры № 4»¹².

Весть о кончине архитектора Авдеева ошеломила и опечалила великого князя. Но Авдеев успел передать Константину Николаевичу всю документацию и комплект проектных чертежей по церкви.

¹⁰ *Витрувий*. Десять книг об архитектуре. М. 1936. Т. 1. С. 118.

¹¹ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 892. Л. 56.

¹² РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1747. 1884. Л. 75.

Благодаря этому можно было продолжать строительство храма, фундамент которого был заложен еще при Авдееве в октябре 1884 г. и законсервирован до весны 1885 г. — начала строительного сезона.

Возведение стен, сводов и шатрового завершения храма великий князь поручил военному инженеру морской строительной части Алексею Николаевичу Чикалёву (1847–1898), которого связывали с генерал-адмиралом Российского флота не только служебные обязанности, но и доверительные отношения¹³.

1 октября 1885 г. ровно через год после закладки храма состоялось его освящение во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Когда убранство церкви приближалось к завершению, великий князь Константин Николаевич в одном из писем своему статс-секретарю Головнину дал о ней восторженный отзыв: «Я должен сознаться, что церковь вполне меня восхищает изяществом и пропорциональностью всех своих форм, всего своего ансамбля. Стиль выдержан превосходно, и она делает впечатление, можно сказать, архаическое — своей изящной и благородной простотой. <...>. Главная красота церкви, по-моему, заключается в действительном согласии и благородстве всех линий, в удивительной пропорциональности всех форм и частей. Я совершенно ею восхищен <...>»¹⁴.

Крымский домовый храм владельцев петербургского Мраморного и Стрельнинского (Константиновского) дворцов — Покровская церковь в Ореанде — является незаурядным памятником архитектуры и одним из редких, сохранившихся до наших дней, образцов истории и культуры, которыми обладали и которые преумножали лучшие представители одной из ветвей российского Императорского Дома — Константиновичи (рис. 6).

¹³ См.: *Трубинов Ю. В.* Алексей Николаевич Чикалёв — сподвижник великого князя Константина Николаевича // *Константиновские чтения* — 2011. Сборник материалов научной конференции. СПб., 2011. С. 107–112.

¹⁴ Цит. по: Краткий исторический очерк постройки церкви Покрова Пресвятой Богородицы. С. 17–18.

Рис. 6. Ореанда. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
Фото Ю. В. Трубинова. 2009

Часть II

Г. В. Аксенова

*Московский педагогический
государственный университет*

Поэтическое наследие К. Р. в нотно-музыкальных изданиях

Константин Константинович Романов (1858–1915), представитель Дома Романовых, сын великого князя, генерал-адмирала, главы Русского Музыкального общества Константина Николаевича, внук «государя-рыцаря» и «идеального самодержца»¹ Николай I, был прежде всего государственным деятелем, «георгиевским кавалером, командиром знаменитого Преображенского полка, многолетним президентом Российской академии наук, организатором научных экспедиций в Каракумы, на Шпицберген, Землю Санникова, создателем Пушкинского Дома и первого в России высшего учебного заведения для женщин, а также первых комиссий помощи нуждающимся литераторам, ученым, музыкантам»². Его друзьями являлись выдающиеся русские писате-

¹ *Тарасов Б. Н.* Николай I и его время // [Электронный ресурс] URL: <http://www.gosudarstvo.voskres.ru/tarasov/nic0.htm> (дата обращения: 14.06.2022).

² *Матонина Э. А.* Загадка К. Р. // К. Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. / публ. Э. А. Матониной. М., 1998. С. 5.

ли и поэты: Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, А. А. Фет, Я. М. Полонский, А. Н. Майков³.

Константин Константинович сегодня хорошо известен как поэт, писавший на рубеже XIX–XX вв. под криптонимом К. Р. Поэзия и драматическое поэтическое творчество увлекли его еще в юношеские годы и превратились в «любимый труд»⁴. В 1888 г., в год тридцатилетия, великий князь в своем дневнике записал: *«Жизнь моя и деятельность вполне определились. Для других — я военный. Для себя же — я поэт. Вот мое истинное призвание»*⁵. А за два года до этой записи, в 1886 г., вышла в свет его первая книга стихов⁶. Широкая публика смогла с ними познакомиться только в 1889 г., когда этот поэтический сборник был переиздан и появился второй томик «Новых стихотворений»⁷.

Созданные им поэтические произведения были настолько талантливо, интересны, легки, ритмизованны и мелодичны, что к их музыкальной интерпретации практически сразу обратились такие ведущие российские и славянские композиторы, как П. И. Чайковский, Ц. А. Кюи, А. Г. Рубинштейн, А. К. Глазунов, С. В. Рахманинов, Р. М. Глиэр, А. Т. Гречанинов, Э. Ф. Направник, П. Г. Чесноков, М. М. Ипполитов-Иванов. Народной считается песня «Умер, бедняга!» (автором стихов которой стал Константин Романов).

³ Например, см.: Балакин А. Ю. И. А. Гончаров — учитель великого князя Константина Константиновича // Русская литература: журнал. 2017. № 4. С. 162–165.

⁴ Матонина Э. А. Загадка К. Р. // К. Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. / публ. Э. А. Матониной. М., 1998. С. 5.

⁵ Пушкарь А. К. Р. как зеркало русской эволюции // [Электронный ресурс] http://www.kultpro.ru/item_596/ (дата обращения: 16.06. 2022).

⁶ К. Р. Стихотворения. СПб., 1886. 228 с.
Второе издание этого сборника увидело свет в 1889 г.

⁷ К. Р. Новые стихотворения. 1886–1888. СПб., 1889. 167 с.

О заслугах К. К. Романова, его государственном служении, поэтическом наследии и о музыкальных произведениях, созданных на его стихи, написано немало⁸. Опубликованы дневники и письма⁹, раскрывающие особенности личной жизни, государственной службы, говорящие об отношении к своему поэтическому творчеству.

Авторы книги «К. Р.», увидевшей свет в издательстве «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей») в начале 2000-х гг., предприняли смелую попытку рассказать о «сложной и драматич-

⁸ Лобашкова Т. А. Династия Романовых: биобиблиографический указатель. М., 2007. 556 с.; Михайлов Д. Н. Лирика К. Р. в связи с историей русской поэзии во вторую половину XIX века. СПб., 1901. 167 с.; Соболев В. С. Августейший президент: Великий князь Константин Константинович во главе императорской Академии наук (1889–1915). СПб., 1993. 180 с.; Чернышова-Мельник Н. Баловень судьбы: История жизни Константина Романова. М., 2008. 320 с.; Черников А. П. Поэт рода царского: судьба и творчество Константина Романова. Калуга, 2011. 204 с.; Вострышев М. И. Судьба венценосных братьев. Дневники великого князя Константина Константиновича. М., 2016. 380 с.; Чадаева А. Я. Августейший поэт. Великий князь Константин Константинович. М., 2013. 494 с.; Романовы в дороге: путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. М. В. Лескинен, О. В. Хованова. М., СПб., 2016. 317 с.; Завьялова Л. В. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: история семьи. СПб., 2009. 606 с.

⁹ К. Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. / Публ. Э. А. Матониной. М., 1998. 534 с.; Дневник великого князя Константина Константиновича: 1890–1891 гг. К 100-летию кончины Великого князя Константина Константиновича / Сост., предисл., коммент. Т. А. Лобашкова. М., 2015. 560 с.; Дневник великого князя Константина Константиновича: 1907–1909 гг. К 100-летию кончины Великого князя Константина Константиновича / Сост., предисл., коммент. Т. А. Лобашкова. М., 2015. 560 с.; Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.), 1911–1915 гг. / Отв. ред. В. М. Хрусталева. М., 2013. 621 с.; Вострышев М. И. Осень империи. Дневники Константина Романова. М., 2022. 366 с.

ной жизни» «выдающегося человека» и справедливо подчеркнули, что деятельность великого князя на поприще русской культуры и его поэтическое творчество «безусловно принадлежат золотому фонду русской культуры и истории»¹⁰.

Как уже было сказано выше, первый поэтический сборник, в который вошло многое из созданного Константином Романовым в 1879–1885 гг., увидел свет в 1886 г. Он

был переиздан в 1889 г. и дополнен томиком «Новых стихотворений. 1886–1888». Сборники его стихотворений и поэтических произведений с этого времени стали издаваться с определенной периодичностью: в 1898, 1900, 1909, 1911, 1915 гг. А в 1913 г. вышел трехтомник стихотворений, написанных 1879–1912 гг.

Вернемся к музыке и музыкальному переложению поэзии К. Р. Специалисты, изучающие его творческое наследие, что музыкальная жизнь произведений К. Р. начинается с момента выхода в свет первого томика стихов. Они считают необходимым обратить внимание читателей на тот факт, что тираж первого издания первого сборника стихотворений полностью выкупил автор и подарил родственникам, друзьям, писателям и композиторам и прежде всего был презентован величайшему русскому композитору П. И. Чайковскому, августейшим покровителем которого был отец

Рис. 1. Великий князь Константин Константинович. Открытка. 1898

¹⁰ Матонина Э. А., Говорушко Э. Л. К. Р. М., 2008. 671 с.

Константина Константиновича — великий князь Константин Николаевич¹¹.

Любителям русской музыки и почитателям русского романса хорошо известен тот факт, что П. И. Чайковский, одним из первых полувивший томик стихов К. Р.¹², первым и обратил внимание на напевный характер и музыкальную составляющую поэтических произведений великого князя и одним из первых написал шесть романсов и хоровое произведение, которые опубликовал П. И. Юргенсон в 1888–1889 гг.¹³.

Музыкальному наследию, связанному с творчеством К. Р., посвящен библиографический материал, подготовленный к 150-летию со

¹¹ *Моисеев Г. А.* Великий князь Константин Николаевич — августейший покровитель П. И. Чайковского // Константиновские чтения — 2013: «Константиновичи — государственная деятельность и традиции благотворительности. К 140-летию Дома Романовых» / Сборник материалов научной конференции 30 октября 2013 г. СПб., 2013. С. 45–61; *Моисеев Г. А.* Русское музыкальное общество под августейшим покровительством // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. 2019. № 17. С. 25–37.

¹² О дружбе и творческих взаимоотношениях П. И. Чайковского и великого князя Константина Константиновича см.: *Моисеев Г. А.* П. И. Чайковский и великий князь Константин Константинович: эпистолярный диалог в зеркале дневника К. Р. // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13. № 5. С. 584–591; *Моисеев Г. А.* П. И. Чайковский и великий князь Константин Константинович: посмертный диалог // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17. № 5. С. 496–509; *Моисеев Г. А.* Чайковский и Константиновичи. Неизвестные факты истории взаимоотношений с августейшими покровителями ИРМО // Чайковский и XXI век: Диалоги во времени и пространстве. Материалы международной научной конференции. 2017. М., 2017. С. 32–48.

¹³ Чайковский П. И. Я сначала тебя не любила. Романс для голоса с фп. Op. 63, № 1. М., 1888; Чайковский П. И. Растворил я окно. Романс для голоса с фп. Op. 63, № 2. М., 1888; Чайковский П. И. Я вам не нравлюсь. Романс для голоса с фп. Op. 63, № 3. М., 1888; Чайковский П. И. Первое свидание. Романс для голоса с фп. Op. 63, № 4. М., 1888; Чайковский П. И. Уж гасли в комнатах огни. Романс для голоса с фп. Op. 63, № 5. М., 1888; Чайковский П. И. Серенада (О дитя, под окошком твоим). Романс для тенора с фп. Op. 63,

дня рождения поэта¹⁴. Это наиболее полный список «музыкальных прочтений стихотворных произведений К. Р.»¹⁵. Составляя его, А. Б. Павлов-Арбенин обратился к двум каталогам, выпущенным Санкт-Петербургской государственной консерваторией и Российской национальной библиотекой и справочному изданию, представляющему русскую поэзию в отечественной музыке¹⁶. Ему удалось выявить около 300 изданий, осуществленных, помимо выше названного П. И. Юргенсона, Ю. Г. Циммерманом, В. В. Бесселем, М. П. Беляевым, А. Б. Гутхейлем, К. И. Бернгардтом, В. Ф. Кастнером (в Воронеже), А. Иоагансеном, В. Гроссе, Г. Шмидтом, Л. Идзиковским (в Киеве), В. Лебедевым, Д. Д. Фёдоровым, К. Леопасом, Р. Р. Голике и др.

В центре данного исследования — вопрос о качестве и графическом решении нотно-музыкальных изданий произведений К. Р. Это тот вопрос, которому уделяется меньше всего внимания при рассмотрении истории музыкального искусства и нотоиздательства¹⁷, а также истории книгопечатания в России и ответ на который позволяет представить одно из интереснейших направлений книгоиздатель-

№ 6. М., 1888; Чайковский П. И. Блажен, кто улыбается. Мужской хор без сопровожд. Хору студентов Московского университета. М., 1889.

¹⁴ Павлов-Арбенин А. Б. Произведения русских композиторов на стихи Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича // Сб. трудов шестой конференции АРСИИ им. Г. Р. Державина. Иерусалим, 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://ricolor.org/history/mn/gomanov/kg/2/> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Иванов Г. К. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года): Справочник / Вступ. статья Т. Н. Ливановой. М., 1966–1969. 2 т.

¹⁷ Вопросами нотоиздательства и библиографии активно занимаются в Отделе нотно-музыкальных изданий РГБ. Напр. см.: Семенюк А. А. Издания придворной певческой капеллы в нотном фонде РГБ: (к вопросу нотографического учета духовной музыки) // Румянцевские чтения — 2003: Культура: от информации к знанию: Тезисы и сообщения / Сост. Л. Н. Тихонова.

ского дела XIX — начала XX в., в своей основе тяготеющего и к древнерусской книгописной традиции, и к традициям начальных этапов книгопечатания, и к наработкам книжного оформительского дела, зародившихся в России после петровских реформ и под влиянием западноевропейского искусства книги¹⁸.

Вот некоторые статистические данные по материалам каталога А. Б. Павлова-Арбенина. Так, например, обратившийся к творчеству К. Р., воплощенному в музыке, А. Иогансен опубликовал ноты пяти романсов. Киевский книготорговец, библиотекарь и издатель Л. Идзи-

М., 2003. С. 222–227; *Семенюк А. А.* Нотные памятники: проблемы учета и сохранности // Информационный бюллетень РБА. СПб., 2008. № 46, С. 61–63; *Семенюк А. А.* Музыкальные альбомы в России первой половины XIX века // Книга в пространстве культуры. Вып. 1(8). М., 2012. С. 120–126; *Семенюк А. А.* Сводный каталог отечественных нотных изданий 1918–1931 гг. // Вопросы библиографоведения. Вып. 19. Библиографический учет в Российской Федерации. М., 2014. С. 27–37; *Семенюк А. А.* Песнопения Русской Православной Церкви в фондах Российской государственной библиотеки: каталог. М., 2019. 390 с.

¹⁸ *Аксенова Г. В.* Музыка и изобразительное искусство: к вопросу о формировании принципов художественного оформления певческих книг и нотных изданий // Юргенсоновские чтения: Материалы конференции / Под ред. А. А. Семенюк. М., 2019. С. 13–36; *Аксенова Г. В.* Особенности орнаментики певческих рукописных книг из собрания Д. В. Разумовского (Ф. 379, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки) // Румянцевские чтения — 2020. Материалы Международной научно-практической конференции (21–24 апреля 2020). Ч. 1. М., 2020. С. 26–33; *Аксенова Г. В.* Певческая рукопись XVII века Триодь Постная и Цветная из собрания архимандрита Амфилохия (Сергиевского-Казанцева) // Румянцевские чтения — 2021. Материалы Международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021). Ч. 1. М., 2021. С. 19–29; *Аксенова Г. В.* Осмысление древнерусской книжной традиции в нотоиздательской деятельности М. П. Беляева // Юргенсоновские чтения: материалы Всероссийской Научно-практической конференции. Вып. 2 / Рос. гос. б-ка, отд. нотных изданий и звукозаписей; / Сост. А. А. Семенюк. М., 2021. С. 9–23.

ковский осуществил публикацию двух романсов. Два из выявленных изданий принадлежат нотоиздательству К. И. Бернгардта, два — владельцу воронежского музыкального магазина В. Ф. Кастнеру, два — граверу-печатнику Г. Шмидту, четыре — К. Леопасу, девять — В. В. Бесселю, 15 — А. Б. Гутхейлю. Торговец музыкальных инструментов и музыкальный издатель Ю. Г. Циммерман осуществил 11 публикаций как отдельных произведений, так и сборников романсов. Известный лесопромышленник, меценат и нотоиздатель М. П. Беляев осуществил более 20 подобных публикаций. К публикации нот романсов, написанных П. П. Шенком на стихи К. Р. обратился и крупнейший российский издатель, и владелец типографий, прославившийся высоким качеством выпускаемых книг, Р. Р. Голике: он осуществил 11 изданий. Самостоятельные издания предпринял и владелец печатни, литограф, сотрудничавший с А. Б. Гутхейлем, В. Гроссе: он выпустил два романа, написанных Е. Матерном и П. Г. Чесноковым. Самыми крупными популяризаторами музыкально-поэтических произведений К. Р. стала фирма П. И. Юргенсона, осуществившая 62 издания.

При обращении к характеристике особенностей издательской подачи романсов, написанных на стихи К. Р., необходимо сказать несколько слов об оформлении печатной книжной продукции последней трети XIX — начала XX в. Русское издательское дело в связи с ростом интереса к книге, к чтению во второй половине XIX — начале XX в. испытывало небывалый подъем. Высококлассную подарочную и дешевую, доступную представителям небогатых слоев общества, профессионально оформленную книжную продукцию выпускали А. Ф. Маркс, А. Ф. Девриен, М. О. Вольф, И. Д. Сытин, А. Д. Ступин, Ф. Ф. Павленков, А. А. Левенсон¹⁹.

Подобный подход наблюдался и в издании нотно-музыкальной литературы. Период второй половины XIX — начала XX в. ознамено-

¹⁹ См.: Аксенова Г. В. Русская книжная культура на рубеже XIX — XX веков: Монография. М., 2011. 200 с.; Аксенова Г. В. (Сорокина Г. В.) Скоропечатня: О деятельности московского издателя Александра Александровича Ле-

вался деятельностью неординарных нотоиздателей, которых можно назвать философами-мыслителями, заботившимися не только о продвижении собственной продукции и получении прибыли, но и, в первую очередь, о популяризации музыки, музыкальных произведений, воспитании музыкального вкуса и развитии русского музыкального искусства. Это уже названные П. И. Юргенсон (1836–1903 [1904]), М. П. Беляев (1836–1904), В. В. Бессель (1843–1907), А. Б. Гутхейль (1851 — после 1914), Ю. Г. Циммерман (1851–1923), К. Леопас²⁰. Для решения поставленных временем перед издателями печатной продукции задач эти организаторы нотоиздательского дела привлекли в качестве соработников и помощников выдающихся художников, таких как В. М. Васнецов, Л. С. Бакст, И. Я. Билибин, Е. Е. Лансере, К. В. Лебедев, И. П. Ропет, Н. С. Самокиш, Е. П. Самокиш-Судковская, С. С. Соломко, Д. Н. Чичагов, А. И. Шарлемань, В. П. Шнейдер и др.

Первым издателем музыкальных произведений, написанных на стихи К. Р., стал П. И. Юргенсон. Его ноты отличались высокой культурой печати и художественным оформлением. Это стало возможным не только благодаря правильно проводимой финансовой политике, но и благодаря сотрудничеству с лучшими книжными графиками рубежа XIX–XX вв. Заботясь, с одной стороны, о ценовой доступности выпускаемой продукции, с другой — о ее эстетической подаче, П. И. Юргенсон привлек к оформительской работе художника и архитектора, исследователя древнерусской архитектуры, ма-

венсона (1851–?) // Московский журнал. 2015. № 1. С. 85–97; Аксенова Г. В. Во имя «развития искусства книги в России»: Новые страницы биографии издателя Александра Александровича Левенсона (1851–1922) // Московский журнал. 2016. № 1. С. 74–79; Аксенова Г. В. Осмысление древнерусской книжной традиции в нотоиздательской деятельности М. П. Беляева // Юргенсоновские чтения: материалы Всероссийской Научно-практической конференции. Вып. 2 / Рос. гос. б-ка, отд. нотных изданий и звукозаписей / Сост. А. А. Семенюк. М., 2021. С. 9–23.

²⁰ См.: Кунин М. Нотопечатание. Очерки истории. М., 1966. С. 66.

стера русского стиля Д. Н. Чичагова, который разработал орнаментальные рамки для дешевых и серийных изданий. В основу их рисунка были положены элементы, характерные для русского деревянного зодчества. Рамки стали главным элементом украшения обложек или титульных листов недорогих изданий романсов на стихи К. Р. Эти рамки варьировались и менялись с течением времени и в зависимости от автора или серийности изданий. В 1880–90-х гг. арабеск носил архитектурный характер с отсылкой к русскому стилю, в конце 1890-х — начале 1900-х гг. — это орнаменты модерна и эклектики с элементами ретроспективизма, опять-таки отсылающие к архитектурным линиям и формам, используемых при формировании внешнего и внутреннего образа здания (плавные кривые симметричного и ассиметричного характера линии, стилистически напоминающие форму окон построек модерна, линии лестничных перил или дверных проемов) (Чесноков П. Романсы. Ор. 23. — М.: б. д.). При построении рисунка рамки также использовались стилизованные цветы: кувшинки, хризантемы, вьюны, оплетающие стебли злаковых растений (Коптяев А. Романсы для одного голоса. — М., 1903) или пальметта, контуры которой напоминают цветок василька (Злобин Г. Три романса для пения. — М., 1904). При издании сборника из 79 романсов П. И. Чайковского, в состав которого вошли 6 романсов на стихи К. Р., орнамент обложки построили из широкой угловой рамки, заполненной лилейником, незабудками и листьями дуба остролистного. Своеобразной данью сложившейся традиции стало размещение фотопортрета автора музыки П. И. Чайковского внутри этой угловой рамки (Чайковский П. И. Романсы и песни. Ор. 6, 27, 28, 38, 47, 57, б. о., 60, 63, 65, 73. — М., б. д.). Все перечисленные типы рамок обычно выполнялись в одном цвете: сепия, серый, синий, голубой, зеленый, болотный, желто-зеленый цвета. Для печати названий использовались шрифты, разработанные еще в XVIII — первой половине XIX в. на основе графики орнаментированных заголовков рукописных и старопечатных книг и вошедшие в книгоиздательскую моду во второй по-

ловине XIX в. под влиянием русского стиля, утвердившегося в искусстве, и благодаря изданным альбомам русских орнаментов²¹.

Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

Обложки более дорогих изданий выполнялись художниками в цвете. Создавался и более нарядный и изысканный рисунок. Так, например, обложку первого сборника из «Шести романсов П. Чайковского. Стихи К. Р.»²² украсила рамка многоцветного растительного, ритмически повторяющегося арабеска, восходящего к традициям книгописных орнаментов древней Руси и Византии и являющегося стилизованным изображением виноградной лозы. В центре верхней части рамки художник поместил герб великого князя Константина Константиновича. Подзаголовок «Стихи К. Р.» расположен в центре этой большой, титульной, рамки растительного орнамента и окружен однотонной рамочкой стилизованного тонкотравного орнамента, также восходящего к византийскому крину и напоминающему виноградную лозу.

²¹ Солнцев Ф. Г. Древности Российского государства. СПб., 1849–1853. 6 отд.; Прохоров В. А. Русские древности. С рисунками, относящимися ко всем отраслям русского искусства, разъясняющими события истории и быт народный во всех отношениях: в военном, гражданском, домашнем и русские одежды в разных периодах и пр. В 2 т. Т. 1–2. СПб., 1871, 1876; Бутовский В. И. История русского орнамента с XI по XVI столетие по древним рукописям. М., 1870. 100 л. илл.; Симаков Н. Е. Русский орнамент в старинных образцах художественно-промышленного производства. СПб., 1882. 24 л. илл.; Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1883–1887. 3 т.; Гагарин Г. Г. Сборник византийских и древнерусских орнаментов. СПб, 1887. 50 л. илл.

²² Чайковский П. И. Шесть романсов. Стихи К. Р. М., 1888.

На обложке дан перечень романсов: № 1. Я сначала тебя не любила; № 2. Растворил я окно; № 3. Я вам не нравлюсь; № 4. Первое свидание; № 5. Уж гасли в комнате огни; № 6. Серенада.

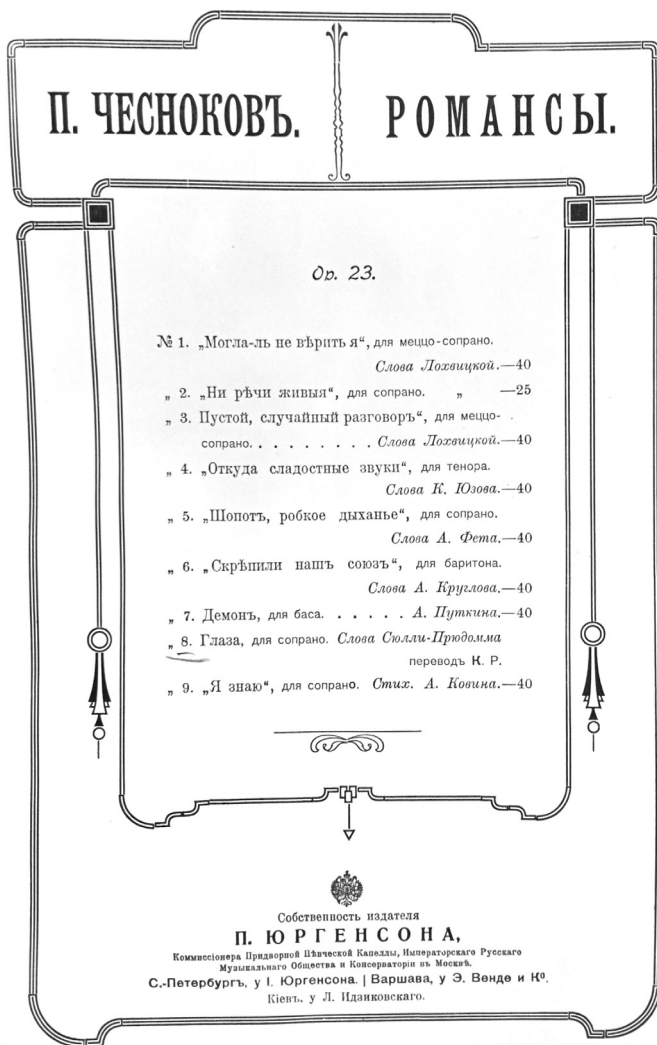

Рис. 2. Чесноков П. Романсы. Op. 23. — М.: П. Юргенсон, б. д.
Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

Издатель
П. Юргенсонъ въ Москвѣ.

Собственность издателя
П. ЮРГЕНСОНА ВЪ МОСКВѢ.
Петроградъ, у П. Юргенсона, въ Варшавѣ и Кіевѣ, у П. Издательскаго.

ДЛЯ СОПРАНО (ИЛИ ТЕНОРА)

Цѣна 3 р. 00 к.

Рис. 3. Чайковский П. И. Романсы и песни. Op. 6, 27, 28, 38, 47, 57, 6. о., 60, 63, 65, 73. — М.: П. Юргенсон, б. д. Обложка издания.

Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

Рис. 4. Чайковский П. И. Шесть романсов.
Стихи К. Р. — М.: П. Юргенсон, 1888.

Рассуждая об особенностях оформления нотных изданий П. И. Юргенсона, известный музыковед Б. Л. Вольман указал на «ювелирную тонкость самого рисунка», которая «отлично сочетается с рисованными шрифтами»²³.

Представляет интерес художественный подход к оформлению обложек и титульных листов, предложенный Ю. Г. Циммерманом. Второй по репертуарному и тиражному количеству выпускаемой нотно-музыкальной продукции он быстро и умело реагировал на требования времени и рынка, о чем свидетельствует его репертуарная и ценовая политика. Выстроенный им подход к внешней подаче и мало затратному оформлению изданий играл не последнюю роль в решении вопроса о сбыте производимого печатного товара. Заботясь о получении прибыли и конкурентоспособности на российском и мировом рынках, он как «фабрикант-коммерсант» учитывал конъюнктуру рынка, достижения в области книгоиздательства и наработки книжно-оформительской графики. Следуя за тенденциями моды в области музыкального искусства, он также твердо следовал и за тенденциями в изобразительной сфере. Его подходы к иллюминации выпускаемых классических произведений, романсов, легкой музыки, учебной литературы были вполне логичны и оправданы.

В качестве примера приведем несколько типовых изданий романсов, написанных на стихи К. Р. Это два сборника произведений Ю. И. Блейхмана «Романсы и песни» (СПб., 1890), в состав которых вошли пять романсов на стихи великого князя: «Баркарола», «Вчера соловьи голосистые», «Летом», «Сирень», «Взошла луна». В этих изданиях титульный выполняет роль обложки. Список произведений (а их в одном случае около 20, в другом — более 30) расположен внутри широкой орнаментальной рамки, рисунок которой представляет собой ритмически чередующиеся изображения вазонов, путти, птиц, пальметт, кариатид, масок, окруженных акантом. Этот

²³ Вольман Б. Л. Русские нотные издания XIX — начала XX в. Л., 1970. С. 179.

орнамент заимствован из печатных книг первой половины XIX в. и восходит к западноевропейской средневековой рукописной традиции.

В рамку более простого стилизованного растительного орнамента, построенного из ритмически повторяющейся пальметты (опять-таки заимствованной из книгопечатной традиции первой половины XIX в.) помещено название издания романсов Г. Гота (В Венеции. Серенада. Слова К. Р. — СПб., 1902) и герб великого князя Константина Константиновича. Более сложной по композиции рамкой из повторяющегося растительного орнамента мавританского стиля украшено издание романсов Константина фон Баха («Письмо» и «О нет! За красоту») (СПб., 1894). Все эти орнаменты выполнены в один тон (болотно-зеленый, серо-зеленый, коричневый, серо-голубой), что, безусловно, удешевляло издание (это всего лишь один прогон).

Дань традициям модерна отдана издателем при оформлении обложки нот двух романсов В. И. Шпачека, один из которых написан на стихи К. Р. («Плыви, моя гондола») (СПб., 1905). В центре помещен фотопортрет русского оперного певца Л. М. Клементьева. По правую и левую сторону от фотографии киноарные орнаменты, представляющие собой в верхней части стилизованный египетский растительный узор с включением стилизованного изображения жука-скарабея, в нижней части — изображения светочей-факелов, образованных из цветов космеи. Вся эта композиция, размещенная на цветной бумаге бледного серо-зеленого оттенка, обрамлена характерной для модерна рамкой, построенной из восьми стилизованных изображений мака. В нижней части листа обложки цветы мака, образующие, переплетаясь, вазон, внутри которого герб великого князя Константина Константиновича.

Данью стилистике модерна стало оформление художниками издательства Ю. Г. Циммермана обложки нот романсов князя Г. Н. Дулова, написанных на три стихотворения К. Р. («Озеро светлое», «Я вам не нравлюсь», «О нет!...») (СПб., б. д.). Заглавие, выпол-

Рис. 5. Баха К. фон. «Письмо» и «О нет! За красоту». СПб.: Ю. Г. Циммерман, 1894.
 Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

ненное в эклектической стилистике расположено под стеблем вьюна с листьями и цветами, образующим полуовальную рамку, своей формой несколько напоминающей палитру.

Известный предприниматель и типограф К. А. Гутхейль, осуществивший 15 изданий романсов на стихи К. Р., был «по словам Рахманинова, «наиболее влиятельным и наиболее осторожным» из членов дирекции московского отделения Русского музыкального общества»²⁴. Он опубликовал произведения Р. М. Глиэра, С. В. Рахманинова, Ж. Оффенбаха, М. А. Балакирева, А. С. Аренского, А. Т. Гречанинова, А. Е. Варламова, А. А. Алябьева, А. Л. Гурилева и др.

Иллюминация изданий К. А. Гутхейля, чья фирма «была чисто коммерческим предприятием... ...с солидной „родословной“»²⁵, унаследовавшей традиции и принципы музыкальных издательств XVIII в. И. Д. Герстенберга и Ф. А. Дитмара, а затем и известной фирмы XIX в. Ф. Т. Стелловского, более сложная и разнообразная, чем Ю. Г. Циммермана. Поэтому обложки романсов К. Р. оформлены более изысканно и профессионально, в соотнесении с темами и временем написания. В качестве примера необходимо привести обложки двух нотных изданий «Баркаролы».

Ноты музыки Платона Броуна поданы согласно сложившейся традиции оформления книжной продукции конца XIX в. В левой части листа помещен рисунок, на котором представлен один из уголков Венеции с изображением на первом плане гондолы. Название «Баркарола», набранное изысканным шрифтом с элементами растительного тонкотравного орнамента, и автор стихотворения помещены в правой части листа. По нижнему полю строгим прямым шрифтом набрана фамилия композитора. Цветность решена в один тон — серо-синий, напоминающий о таинственных летних сумерках (Броун П. «Баркарола». Слова К. Р. — М., 1901).

²⁴ Там же. С. 156.

²⁵ Там же. С. 155–156.

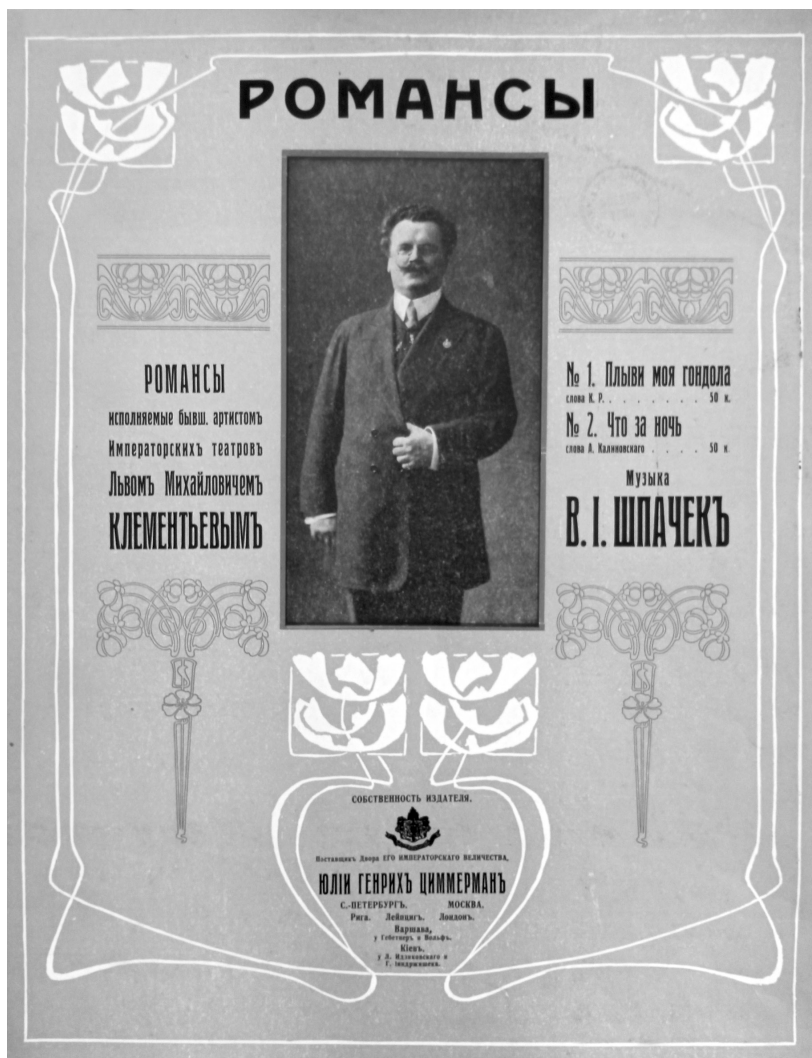
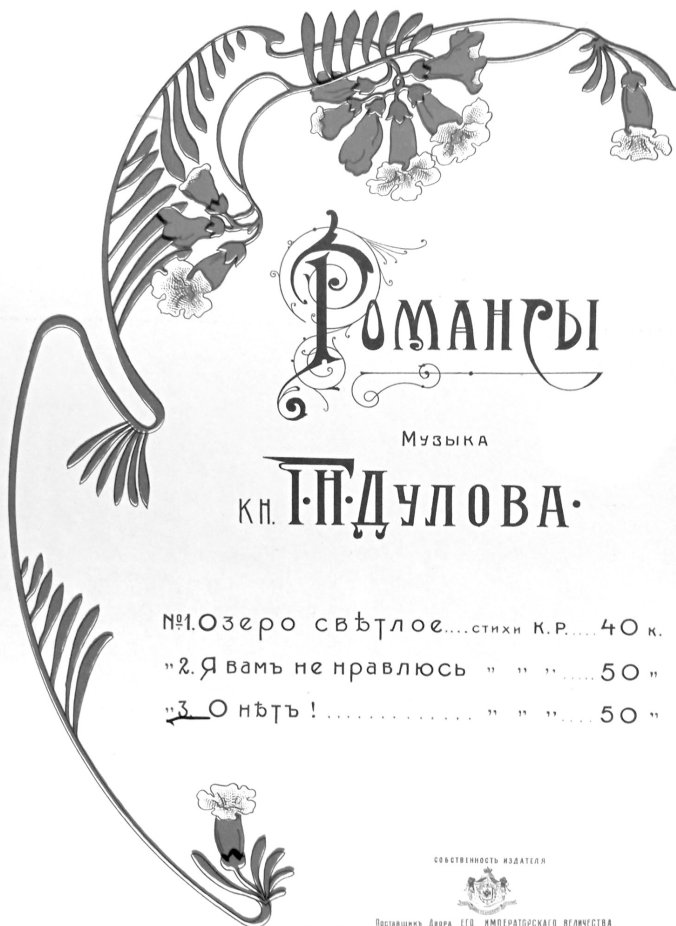

Рис. 6. Шпачека В. И. Романсы, исполняемые Л. М. Клементьевым. № 1 «Плыви, моя гондола» слова К. Р. № 2. «Что за ночь» слова А. Калиновского. — СПб.: Ю. Г. Циммерман, 1905. Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

СВОЕОБРАЗНОСТЬ ИЗДАТЕЛЕЙ

Воспитанникъ Двора С.В. ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

СПЕТЕРБУРГЪ, Морская № 34. РИГА Сабанная №115. МОСКВА, Кузнецкій мостъ.

ВАРШАВА, СКОЛАЯ - ГЕВЕРТОВА. - ВОЛГА, КИЕВЪ, - И АДМИНИСТРАЦІИ

Рис. 7. Дулов Г. Н. кн. Романсы: «Озеро светлое», «Я вам не нравлюсь», «О нет!...» — СПб.: Ю. Г. Циммерман, б. д. Обложка издания.
Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

Лаконично и изысканно в один холодный синий тон оформлены ноты романса «Баркарола», написанного В. К. Маловым (М., б. д.). В центре листа по линии в форме эллипса расположено собственно название. Шрифты для него разработаны соответственно традиционным книжным, вошедшим в моду в конце XVIII в. Буквы и выстроенная вокруг названия рамка украшены стилизованным тонкотравным орнаментом, тяготеющем к рукописной как русской, так и западноевропейской традициям XVI–XVII вв. Рисунок заглавной буквы «Б» напоминает нам о широколиственных орнаментах (акантах) рукописных книг XV–XVI вв. и представляет собой стилистическую трактовку виноградной лозы.

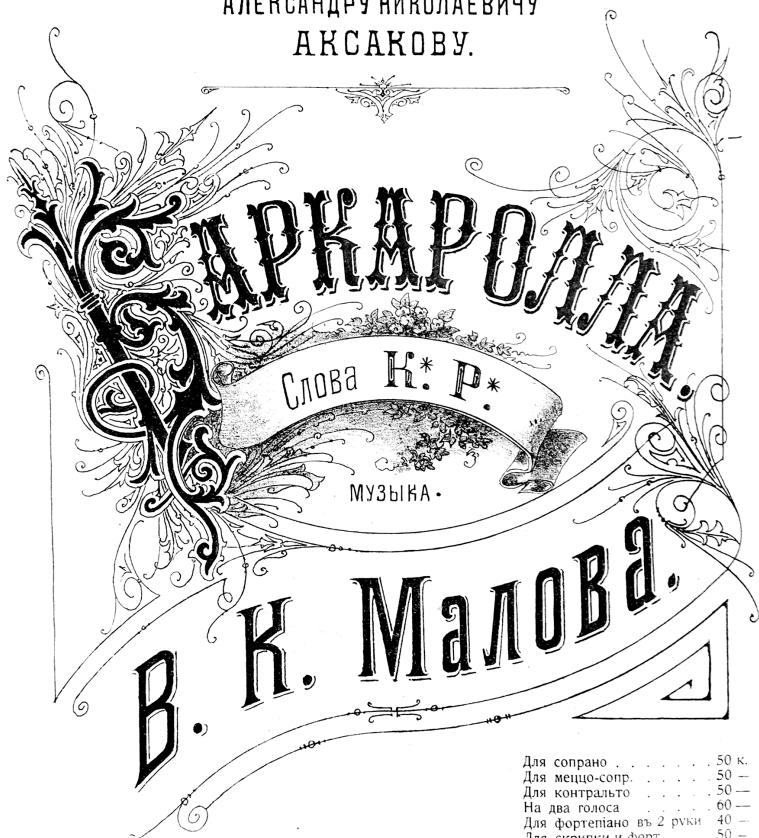
Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

Имеют интересное композиционное решение цветочные рамочки, состоящие из сплетенных лилий, незабудок и космей, украшающие издания музыкальных произведений М. Липпольда (Три стихотворения К. Р. Сочинение 46: «Повеяло черемухой», «В дождь», «Уж гасли в комнатах огни». — М., 1906).

Российский нотоиздатель В. В. Бессель, известный как публикатор музыкальных произведений «Могучей кучки» в то время, когда они еще были мало оценены в русском обществе, организатор музея А. Г. Рубинштейна в Петербургской консерватории, считавший, что «поддерживать свое, стоящее поддержки, — естественная обязанность всякого»²⁶, выпустил в свет около 10 наименований нот к романсам (выявленных и зафиксированных в справочных каталогах) на стихи великого князя Константина Николаевича. Оформление этих изданий было достаточно лаконичным, но высокопрофессиональным. Размещаемая на титульном листе информация способствовала правильной расстановке акцентов и пониманию смыслозначимости публикуемых произведений. Выявленные на сегодняшний день ноты на стихи К. Р. оформлены с помощью орнаментированных заголовков, для создания рисунка которых ис-

²⁶ Цит. по: Кунин М. Е. Нотопечатание. Очерки истории. М., 1966. С. 58.

Посвящается
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ
АКСАКОВУ.

Для сопрано	50 к.
Для меццо-соп.	50 —
Для контральто	50 —
На два голоса	60 —
Для фортепiano въ 2 руки	40 —
Для скрипки и форт	50 —

Собственность издателя.

С. ПЕТЕРБУРГЪ у К. ЛЕОПАСА

Рис. 8. Малов В. К. «Баркарола» — М.: А. Гутхейль, б. д.

пользованы характерные для этой книгоиздательской эпохи шрифты. Принцип их расположения на полосе создает определенный ритмический рисунок. Часть заголовка или весь текст обычно располагаются внутри рамок или рамок растительного тонкотравного (характерного для печатных книг XVIII — начала XIX в.)²⁷ или широколиственного (характерного для рукописей XV–XVII вв. или старопечатных книг)²⁸ орнаментов.

Одним из ярчайших российских нотоиздателей, обратившихся к изданию музыкальных произведений, написанных на стихи К. Р., стал М. П. Беляев, который стремился к «прочному закреплению новых русских музыкальных произведений» и отлично понял роль обложки и титульного листа в презентации новых произведений. В связи с чем он активно привлекал к оформлению выпускаемой музыкальной книжной продукции как известных профессиональных художников, так и художников-любителей, обращая их внимание на исконно национальные русские книжно-графические традиции²⁹. «Качество беляевских изданий было предметом зависти»³⁰ многих. Бумага, на которой печатались ноты, гравирование и печать производились в Лейпциге. И, как справедливо отметил Б. Л. Вольман, «Беляев ограничивался кругом любимых композиторов, издавал преимущественно камерные произведения»³¹. Зафиксированные в настоящее время — это ноты ро-

²⁷ *Бларамберг П. И.* В дождь (Дождь по листьям шелестит), дуэт с фп. СПб., 1909.

²⁸ *Корещенко А. Н.* Шесть романсов и две декламации. Оп. 17. СПб., М., 1893.

²⁹ *Аксенова Г. В.* Осмысление древнерусской книжной традиции в нотоиздательской деятельности М.П. Беляева // Юргенсоновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 2 / Рос. гос. б-ка, отд. нотных изданий и звукозаписей / Сост. А. А. Семенюк. М., 2021. С. 21.

³⁰ *Вольман Б. Л.* Русские нотные издания XIX — начала XX в. Л., 1970. С. 171.

³¹ Там же. С. 171.

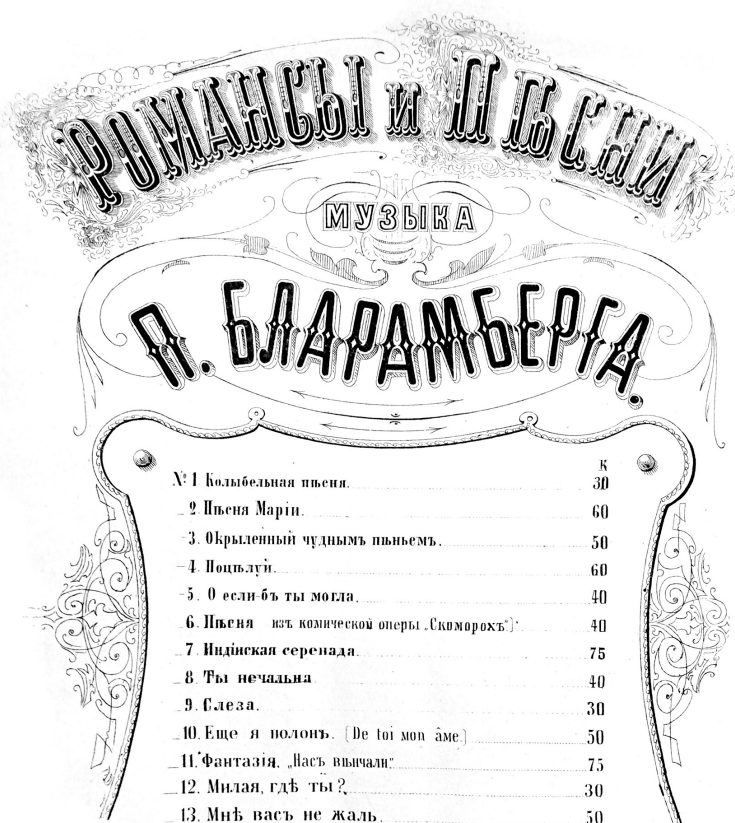

Рис. 9. Бларамберг П. И. «В дождь» («Дождь по листам шелестит»),
дуэт с фп. — СПб.: Бессель и Ко, 1909. Обложка издания.

Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

мансов, написанных Е. Ф. Алеевым, А. Н. Алфераки, А. К. Глазуновым, А. Т. Гречаниновым, В. П. Калафати и А. А. Копыловым.

Здесь стоит обратиться к одному из примеров — это издание пяти произведений российского композитора и государственного деятеля греческого происхождения А. А. Алфераки³². За образец для иллюминации обложки художники, работавшие с М. П. Беляевым, взяли первое и второе издание стихотворений К. Р., увидевших свет в 1886 и 1889 гг. В основе рисунка небольшой угловой рамки положен византийский (или неовизантийский) орнамент в виде повторяющегося крина (стилизованного виноградного листа), характерный для древнерусских рукописных книг и, в первую очередь, для знаменитого Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. и Евангелия Мстислава Великого начала XII в. Интересен тот факт, что именно этот орнаментальный рисунок использовал художник-археолог и основоположник русского стиля, автор знаменитого Константиновского сервиза Ф. Г. Солнцев при создании декоративной росписи служебных помещений в личных покоях К. Р. в Мраморном дворце Санкт-Петербурга. Орнаментальный рисунок букв криптонима «К» и «Р» также взят из древнерусских рукописных книг, а точнее — из альбомов В. И. Бутовского и В. В. Стасова, и отсылает нас к русской истории XV–XVI вв., к блистательной графической московской школе и книгописной школе Троице-Сергиева монастыря. Форма же предложенного украшения была более краткой и лаконичной, нежели чем на обложке поэтического сборника: угловая рамка, инициалы и украшенный стилизованной растительностью киноварный заголовок «СТИХОТВОРЕНИЯ» заняли только верхний левый угол страницы. Список романсов и имя композитора расположены в правом нижнем углу и оставлено место для «воздуха».

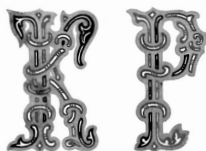
Таким образом, М. П. Беляев обращал внимание на взаимосвязь музыки и поэзии и превратил ноты в один из томиков произведе-

³² *Алфераки А.* Стихотворения К. Р. Поваяло черемухой, Баркарола, Лира, Прощание с Неаполем, Царь Саул. Лейпциг, 1897.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ.

СТИХОТВОРЕНИЯ

- № 1. Повѣяло черемухой. Ц. $\frac{M.-60}{P.-25}$
№ 2. Баркаролла. Ц. $\frac{M.-60}{P.-25}$
№ 3. Ли́ра. Ц. $\frac{M.-60}{P.-25}$
№ 4. Прощаніе съ Неаполемъ. Ц. $\frac{M.-40}{P.-15}$
№ 5. Царь Саулъ. Ц. $\frac{M.-80}{P.-30}$

МУЗЫКА

А.АЛФЕРАКИ.
ор. 20.

Совѣстность Издателя
М.П.БѢЛЯЕВЪ, ЛЕЙПЦИГЪ.

1897
1400
1401-1405

Ц. $\frac{M.-1.00}{P.-65}$

Рис. 10. Алфераки А. Стихотворения К. Р. «Повеяло черемухой», «Баркарола», «Ли́ра», «Прощание с Неаполем», «Царь Саул». — Лейпциг: М. П. Беляев, 1897.
Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

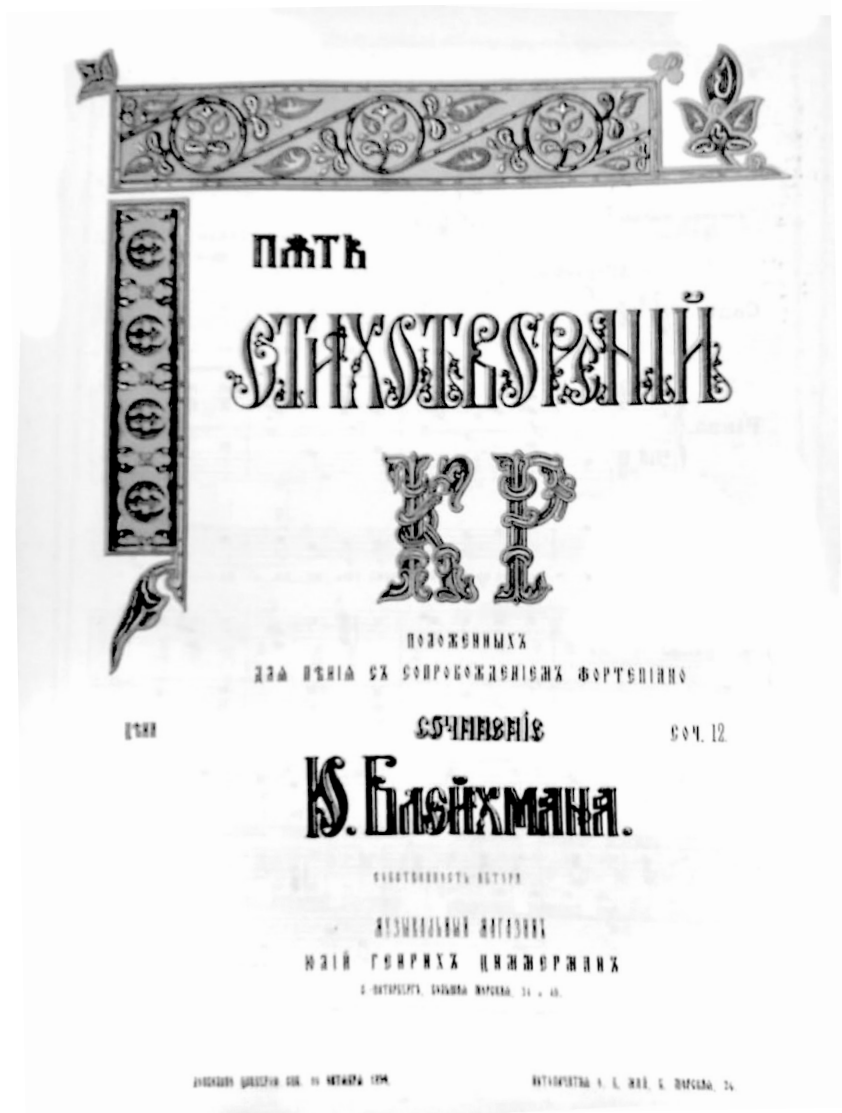

Рис. 11. Блейхман Ю. И. Пять стихотв. К. Р. — СПб.: Циммерман, 1890.
Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

ний К. Р., то есть исполнители и читатели получили музыкальное продолжение поэтических сборников.

Этому же примеру последовал и Ю. Г. Циммерман, не любивший тратить деньги на художников и художественных редакторов. Пять романсов Ю. И. Блейхмана он поместил в обложку, которая практически полностью копирует обложку изданий 1889 г. (за исключением полоски византийского орнамента, расположенной по нижнему полю)³³.

Издания романсов на стихи К. Р. составляют лишь очень небольшую часть из многотысячных нотно-музыкальных изданий. Но список композиторов, обратившихся к его поэзии и написавших разнообразные музыкальные произведения, показывает, сколь интересно было его творчество и какой отклик оно находило у русской публики.

Подача нотно-музыкальных произведений, которая позволяет прийти хорошей музыке и поэзии до каждого гражданина Отечества, — это особая, значимая тема, которая связана и с развитием русского изобразительного искусства. Ответ на вопрос, связанный с иллюминацией изданий популярной музыки, позволяет понять, как между собой взаимодействуют все виды искусства и как дополняют друг друга.

³³ *Блейхман Ю. И.* Взошла луна (... полночь просияла). Ор. 12, № 5 / Пять стихотв. К. Р., положенных для пения с сопровожд. фп. для высокого голоса. СПб., 1890.

В. Е. Андреев
*Государственный Русский музей,
Мраморный дворец*

Несостоявшийся моряк (по материалам документов рода Константиновичей)

Имя великого князя Дмитрия Константиновича Романова обычно не без основания связывают с успехами русского коннозаводства в начале XX в. Ему принадлежал Дубровский конный завод, где разводили прекрасные породы лошадей: верховую (орловско-ростопчинскую) и рысистую (орловскую). Великий князь с юных лет любил лошадей. Его военная служба, начиная с 1878 г., была связана с кавалерией, а в 1915 г. ему присваивают звание генерала от кавалерии. Не только государственная, но и общественная деятельность Дмитрия Константиновича была связана с коневодством: он был президентом, членом и просто покровителем многочисленных коннозаводских, конноспортивных и даже ветеринарных обществ. Деятельность великого князя на поприще коневодства достаточно известна. А вот его краткая морская служба не нашла еще достаточного отражения в исследовательских работах. Целью данной статьи является попытка восполнить этот пробел, основываясь на сохранившихся документах рода Константиновичей.

Великий князь Дмитрий Константинович родился 1 июня 1860 г. в семье великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской. Он был пятым ребенком и третьим сыном в великокняжеской семье. Счастливый отец в своем дневнике сделал следующую запись: «...ровно в ½ 11-го раздался голос новорожден-

ного ребенка <...> это сын, и мы назвали его Дмитрием по святителю Ростовскому. <...> Он славный большой мальчишка, с премиленьким ротиком. <...> Скоро получил ответный телеграф от Саши. Он назначил его шефом Мингрельского гренадерского полка и записал его в Гвардейский Экипаж и Конную Гвардию»¹.

Традиция записывать новорожденного представителя мужского пола в несколько военных частей была характерна для Императорской фамилии. Сам великий князь Константин Николаевич с детства был определен своим родителем — императором Николаем I — к службе на флоте, генерал-адмирал надеялся, что все его сыновья: Николай, Константин, Дмитрий и Вячеслав продолжат морскую традицию Константиновского рода.

Эпистолярный жанр был характерной чертой в семье великого князя Константина Николаевича. Он сам постоянно вел дневник, тетради которого сохранились в Государственном архиве Российской Федерации. Эту привычку генерал-адмирал настойчиво прививал своим детям. Некоторые факты о морской службе великого князя Дмитрия Константиновича содержатся в его переписке с родственниками. Но, к сожалению, таких писем очень немного. Личный фонд великого князя Дмитрия Константиновича в ГАРФ насчитывает всего 14 единиц хранения. «Столь скромный состав личного фонда Дмитрия Константиновича можно объяснить не только революционными событиями и вполне объяснимой утратой многих материалов. Великий князь не любил хранить, например, телеграммы <...> которые в большом количестве поступали в день рождения и день именин. Как он описал в одном из писем сестре Ольге, он отвечал на телеграммы, после чего сжигал их»². К счастью, в личных

¹ 1857–1861 Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 250–251.

² Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. I. / Сост., авт. пред., коммент., биограф. справочн. Т. А. Лобашкова. М., 2019. С. 5.

Рис. 1. Великий князь Константин Николаевич. Фотография К. И. Бергамаско. Середина 1860-х. Обложка издания. Отдел нотных изданий и звукозаписей РГБ

фондах его родственников сохранились письма великого князя Дмитрия Константиновича, которые помогают лучше понять внутренний мир этого человека: его чувства, стремления, привычки, душевные переживания, познакомиться с кругом его общения.

Эти документы позволяют понять чувство долга, покорность воле отца, хотевшего, чтобы сын стал морским офицером, служение Отечеству — вот те ориентиры, которыми с детства руководствуется Дмитрий. Переписка с родителями, сестрой Ольгой и братом Константином подтверждает это.

Так, 22 июня 1869 г. в письме к отцу девятилетний Дмитрий отмечает: «... катаемся на лодке, а вчера даже катались под парусами, и держал грота шкот, только не очень скоро, потому что паруса очень малы»³. Из приведенного отрывка мы можем лишь судить, что это только забава, лишь первые робкие шаги к профессии моряка. А вот еще один отрывок из письма уже 1870 г.: «10 июня. Илья Александрович

³ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы Кн. П. / Сост., авт. пред., коммент., биограф. справочн. Т. А. Лобашкова. М., 2019. С. 51 (Т. А. Лобашкова публикует документы из: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 3–4 об.).

вич⁴ получил из Кронштадта депешу, что фрегат „Громобой“ пришел, и мы в 11-м часов (так в тексте. — А. В.) поехали в Петербург, а оттуда в Кронштадт. На море была маленькая качка, но, несмотря на это, меня не укачало»⁵.

В 1872 г. Дмитрий вместе с братом Константином отправился в поход по Балтийскому морю на учебном винтовом фрегате «Пересвет». Двенадцатилетний мальчик делится своими мыслями со старшей сестрой Ольгой: «Костя и я, мы идем 10-го в море, я этому очень рад, и очень-очень хочу быть моряком»⁶. Желание отца видеть сына будущим морским офицером, для юного великого князя — закон. Подраставших сыновей великий князь Константин Николаевич продолжает отправлять в учебные морские походы. В письме от 11 июля 1874 г. Дмитрий рассказывает отцу о новых впечатлениях

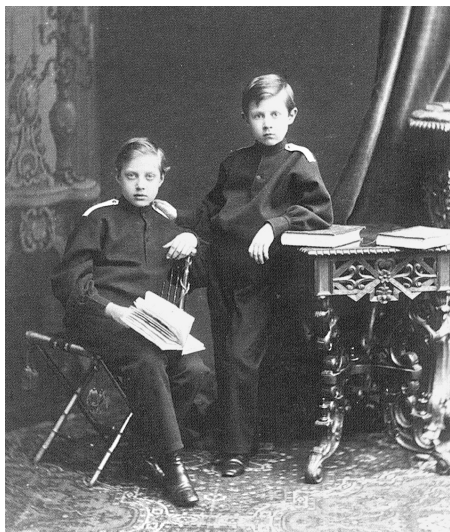

Рис. 2. Великие князья Константин и Дмитрий Константиновичи. Фотография К. И. Бергамаско. Вторая половина 1860-х

⁴ Зеленой Илья Александрович (1841–1906) — капитан-лейтенант воспитатель великих князей Константина, Дмитрия и Вячеслава Константиновичей. Впоследствии флигель-адъютант. Заведующий двором в. к. Константина Константиновича.

⁵ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. II. С. 54 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 11–12 об.

⁶ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. I. С. 79 // ГАРФ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Рис. 3. Великий князь Вячеслав
Константинович.
Фотография К. И. Бергамаско. 1874

и успехах: «Мы теперь плывем на Тендере⁷, чему я ужасно рад. По-моему, на Тендере „Кадет“, гораздо лучше, чем на „Варяге“. Сегодня в 8 часов утра <...> снялись с якоря, но так как был штиль, то нужно было буксировать Тендер, поэтому на ту шлюпку <...> которую подарил мне адмирал Рудаков⁸, сели б воспитанников на весла, и меня посадили управлять шлюпкой. Мы взяли буксир и потащили Тендер по корму Варягу. <...> Я стою все дневные вахты; стою иногда на руле и без матроса умею лавировать, делать повороты».⁹ Морской поход для Дмитрия проходит успешно, и в очередном письме сын

сообщает об этом отцу: «На Тендере, благодаря Богу, меня не укачивает. Я считаю себя истинным моряком. Вчера я стоял один на руле, когда мы входили на Гельсингфорский рейд»¹⁰.

⁷ Тендер (англ. *tender*, от *tend* — «обслуживать») — тип парусного судна с косым парусным вооружением, имеющего одну мачту и бушприт.

⁸ Рудаков Дмитрий Ильич (1819–1875) — вице-адмирал.

⁹ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. II. С. 69–70 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 41–42 об.

¹⁰ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. II. С. 71 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 43–44 об.

Великий князь Константин Николаевич внимательно следил за развитием своих сыновей, за тем, как проходит их служба, и требовал от них еженедельных подробных отчетов. В своем письме от 14 августа 1874 г. Дмитрий подводит итог очередного морского похода: «Мы сегодня... к моему большому сожалению, окончили, до сих пор, самую лучшую компанию. Я, по правде сказать, с большим наслаждением, проплавал бы еще хоть один месяц... <...> Я в последнее время часто лазал на салинг¹¹ (или, как матросы называют, „сальник“), а иногда и на бом салинг»¹².

Летом 1875 г. Дмитрий вместе с младшим братом Вячеславом вновь были отправлены в учебное плавание. 15 июня 1875 г. Дмитрий посылает отцу письмо с очередным отчетом: «...в воскресенье, в 5 часов утра снялись с якоря. До 12-го мы находились в море. Три дня нас порядочно качало; из них в первый — меня мучило; во второй и третий день меня несколько не укачивало. А Славу немного и во второй день мучило, зато в третий день и помину не было об качке. 12-го в 12 часов (дня) мы пришли в Гангут»¹³.

Летом 1876 г. Дмитрий проходил морскую службу на «Боярине» — парусно-винтовом корвете Российского императорского флота. 20 июня 1876 г. из Ревеля он сообщает отцу о новом месте своей морской службы: «...18-го я начал службу на прелестном „Боярине“. Я назначен (к моему величайшему удовольствию) топовым на правом носе кюйсея. Кроме того, я назначен 1-м командиром

¹¹ Салинг — вторая снизу площадка на мачте; представляет собой раму из продольных и поперечных брусьев, служит для отвода брам- и бом-брам-бакштагов; в зависимости от принадлежности к той или иной мачте, носит название: фор-салинг, грот-салинг, крюйс-салинг. Бом салинг — третья снизу площадка на мачте.

¹² Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. II. С. 72,73 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 44–45 об.

¹³ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. II. С. 74 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 49–50 об.

ушканечного орудия. Это 6-ти дюймовое орудие, висящее (так в тексте. — В. А.) около 240 пудов. Воспитанников к нему назначено 23 человека, не считая меня»¹⁴.

10 августа 1876 г. великий князь Дмитрий Константинович был произведен в гардемарины¹⁵. В дальнейшем молодой человек ходил в морские походы в составе учебной эскадры Морского училища¹⁶ на корветах «Гиляк» и «Боярин». Как видим из писем, первоначально он неплохо переносил морскую качку и мыслей об оставлении морской службы у великого князя не возникало. Но, взрослея, Дмитрий понимает, что флот не является его призванием. Однако, опасаясь гнева отца, он не решался на откровенный с ним разговор. Тем не менее, в 1877 г. юноша все же обратился с просьбой к отцу разрешить оставить флот, перейдя в кавалерию. Для генерал-адмирала это было полной неожиданностью, и он ответил сыну категорическим отказом. Данный разговор побудил великого князя предпринять меры для ограждения сына от недуманного поступка.

Поэтому генерал-адмирал посылает юношу к его брату Константину на фрегат «Светлана» с письмом, написанным 15 мая 1877 г., с просьбой повлиять на младшего брата: «Письмо это вру-

¹⁴ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы Кн. II. С. 78 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 57–58 об.

¹⁵ Гардемарин (фр. *garde-marine*, «морская гвардия», «морская стража») — звание в российском императорском флоте, существовавшее с 1716 по 1917 гг. С 1716 по 1752 гг. и с 1860 по 1882 гг. звание гардемарина в российском императорском флоте существовало как строевое, в остальное время гардемаринами называли воспитанников военно-морских учебных заведений.

¹⁶ При проведении реформы военно-учебных заведений в 1860-х гг. Морской корпус был переименован в Морское училище и получил в 1867 г. новый устав. В 1891 г. восстановлено прежнее наименование — Морской кадетский корпус.

Рис. 4. Фрегат «Светлана».
А. К. Беггров. 1878

чит Тебе Митя. <...> Я хочу об нем серьезно с Тобой поговорить... Митя умный, способный и милый мальчик... <...> Представь же себе, что ему вообразилось в эту зиму, что он не годится в моряки, а что он создан для кавалерии!!! <...> Он весь в слезах раз просил меня освободить его от моря, которого он не любит, где его постоянно укачивает, и к которому он себя чувствует неспособным, и перевести его в конницу. Я ему отвечал, что он еще слишком молод, чтоб в 16 лет решать самому, куда и на что он способен или нет, что это дело его родителей. <...> В этом году я... не в состоянии доставить ему достаточно интересное плавание, и поэтому я решил послать его к вам в Брест, дабы он на «Светлане» воротился в Кронштадт... я рассчитываю на тот добрый здоровый морской дух, который у вас царствует на фрегате... а главное — рассчитываю на Тебя, мой дорогой Костя. <...> Постарайся возвратить заблудшую овцу на путь

истины. <...> Если это тебе удастся, Ты мне сослужишь добрую службу»¹⁷.

В этом письме великий князь предстает перед нами прямолинейным, жестким, властным, не терпящим возражений человеком. Он не стесняется в выражениях, называя сына, осмелившегося идти против воли родителя, «заблудшей овцой». Но для того, чтобы стать настоящим моряком, человеку нужно иметь хороший вестибулярный аппарат, способный противостоять морским волнам. А вот как раз с этим, судя по письмам самого Дмитрия, у него были определенные проблемы». Но великий князь Константин Николаевич, считал морскую болезнь блажью, не придавая этому серьезного значения: «И Нельсон, — говорил он, — страдал морской болезнью, а все же стал знаменитым адмиралом»¹⁸. Отец искренне не мог понять, что сын действительно не любит море, что ему действительно трудно служить на флоте. В указанном письме великий князь считает виновниками создавшегося положения кузенов Дмитрия — великих князей Павла Александровича и Петра Николаевича, с которыми сын был дружен с детства. Но, главным образом, гнев был обращен на Ивана Фёдоровича Тутолмина¹⁹, который был кавалеристом. Верны ли были догадки разгневанного родителя? Трудно дать однозначный ответ. Однако не лишним будет напомнить, что значительную часть свободного времени, особенно в теплые месяцы, Дмитрий проводил в Стрельне, которая еще со времен великого

¹⁷ Переписка великого князя Константина Константиновича с родителями и няней Варварой Михайловой 1863–1908 гг. / Сост., авт. пред., коммент., биограф. справочн. Т. А. Лобашкова. М., 2017. С. 45–46 // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 114. Л. 15–16 об.

¹⁸ Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 137.

¹⁹ Тутолмин Иван Фёдорович (1837–1908) — генерал от кавалерии. В 1872 году, будучи полковником, был назначен воспитателем великого князя Петра Николаевича.

князя Константина Павловича славилась отличной конюшней.

Пребывание на фрегате «Светлана» не прошло даром для Дмитрия. Он захотел вместе с братом и экипажем фрегата «Светлана» отправиться на Балканы. В ГА РФ сохранился текст его письма к отцу, которое датировано апрелем-маем 1877 г.: «Мой милый Папа! Позволь мне, гардемарину Гвардейского Экипажа, тоже идти на Дунай, на поле битвы. Мне горько оставаться в покое, когда весь экипаж «Светланы», с которыми я плавал,

идет жертвовать собою за отечество... ..когда мои братья христиане умирают за Бога, за Царя и за Святую Русь. Молясь я говорил: „Господи, да будет воля Твоя“, и надеюсь, что Он укажет Свою волю через Тебя... <...> Пожалуйста, позволь мне идти, мой милый Папа. Твой сын Дмитрий»²⁰.

В письме речь идет о начавшейся русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Великий князь Константин Николаевич, оценив порыв младшего сына, тем не менее, посчитал, что тот еще слишком молод и семнадцатилетнему гардемарину нечего делать на фронте. Вместо этого он отправляет Дмитрия в море в составе команды отряда

Рис. 5. Великий князь Константин Константинович. Фотография К. И. Бергамаско. 26 июня 1876

²⁰ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы. Кн. II. С. 80 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 197–198 об.

кораблей Морского училища. Как видим, суровый родитель не оставляет мысли «снова пристрастить к морскому делу» «оступившегося» сына. В письме к Константину от 15 августа 1877 г., делаясь семейными новостями, генерал-адмирал замечает: «Митя еще в море, но, вероятно, на днях должен воротиться. Для практики Брылкин²¹ ставил его за вахтенного начальника. Посмотрим, какое влияние на него будет иметь этот поход. Прощаюсь, мне несказанно было бы жалко, если б пришлось отказаться от надежды видеть его моряком».²²

Но этим надеждам генерал-адмирала не суждено было сбыться. Никто из сыновей не продолжил морской традиции. 26 мая 1878 г. великий князь Константин Константинович записывает в своем дневнике: «Митя давно уже всем объявил, что не хочет быть моряком. Что с ним не делали, ничего не помогло, и Папа решился вывести его из флота»²³.

Генерал Мосолов, впоследствии близко знавший великого князя Дмитрия Константиновича, в своих воспоминаниях указывает роль матери — великой княгини Александры Иосифовны — в решении этого вопроса: «Наконец сжалилась мать, и лишь после долгих ее просьб строгий родитель согласился отдать Дмитрия Константиновича в конную гвардию»²⁴.

²¹ Брылкин Владимир Николаевич (1832–1899) — контр-адмирал Российского Императорского флота. Комендант Кронштадта. В 1876 г. был назначен начальником отряда судов Морского училища.

²² Переписка великого князя Константина Константиновича с родителями и няней Варварой Михайловой 1863–1908 гг. / Сост., авт. пред., комментарий, биограф. справочн. Т. А. Лобашкова. М., 2017. С. 49 // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 114. Л. 17–18 об.

²³ Цит. по: *Вострышев М. П.* Августейшее семейство. Россия глазами великого князя Константина Константиновича. М., 2001. С. 178.

²⁴ *Мосолов А. А.* Указ. соч. С.137.

Отпуская сына с флотской службы, великий князь поставил перед Дмитрием непереносимое условие: поступление в Академию Генерального Штаба.

О причинах ухода с флота и о своей дальнейшей судьбе Дмитрий подробно рассказывает в письме к сестре — королеве Греции Ольге Константиновне: «14 сентября 1878 г. Милая Оля! <...> Я вполне понимаю, что Тебе неприятно, что я вышел из флота, который Ты ужасно любишь <...> служба морская в высшей степени интересная и благородная, *но у меня недостает главного, здоровья* (курсив мой. — В. А.). Все говорили, что у меня громадные способности для морской службы: но, несмотря на 5-летние плавания, я не мог никак привыкнуть к качке, и в 77-м году меня также укачивало, как и в первое плавание в 72 году. Надо тебе сказать, что также как моряки хвалили мои морские способности, также военные хвалили мои способности к сухопутной службе, которые весьма нужны для поступления в Военную Академию <...>. Извини меня, пожалуйста <...> за такую глупую, длинную проповедь, но я хотел оправдаться в твоих глазах в оставлении флота»²⁵.

Итак, заветная мечта великого князя Дмитрия Константиновича сбылась: в 1878 г. он покинул постылую для него морскую службу, перейдя в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Подчеркнем, что Дмитрий понимал, как тяжело далось отцу принятие этого решения. В своем письме он выражает сердечную признательность за возможность осуществить свою мечту: «17 сентября 1878 г. Мой милый, дорогой Папа! <...> Несмотря на то, как Тебе было горько, Ты меня перевел из морской службы в дорогой Гродненский полк; но поверь мне, мой милый Папа, что я сумею оценить эту доброту ко мне. <...> Перемена службы никогда не помешает мне помнить Твои слова, наоборот, она мне будет напоминать о Твоей

²⁵ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919. Биография и документы Кн. I. С. 85 // ГАРФ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.

любви к детям и обязывать благодарить за нее, как только возможно <...> Твой истинно любящий сын Дмитрий»²⁶.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. С момента своего рождения великий князь Дмитрий Константинович был записан своим дядей — императором Александром II — в Гвардейский Экипаж и Конную Гвардию. Возможно, что запись племянника в военно-морскую часть была сделана государем не случайно, а продиктована желанием сделать приятное своему брату, который с 1851 г. являлся главноуправляющим флотом и Морским ведомством.

Желание родителя видеть сына моряком было законом для Дмитрия. Поэтому часть его биографии связана с морем, но она относится только к его юным годам. Вместе с воспитанниками Морского кадетского корпуса он участвовал в учебных походах, еженедельно отправлял отцу подробные отчеты.

Подрастая, юноша приходит к убеждению, что морская служба не является его призванием. Он любит лошадей и мечтает служить в кавалерии. Поэтому обращается с просьбой к отцу освободить его от морской службы. Одной из главных причин, побудивших принять решение об уходе с флота, великий князь Дмитрий Константинович называет свою морскую болезнь.

Великий князь Константин Николаевич не хочет понять этого стремления сына, считая морскую болезнь, на которую ссылается Дмитрий блажью. Но все попытки отца воспрепятствовать сыну оставить морскую службу были напрасны: тот не исполнил родительскую мечту. А вот собственная мечта юноши связать свою судьбу с кавалерией сбылась. Он дослужился до звания генерала от кавалерии, стал известным коннозаводчиком. Его имя являлось признанным авторитетом в коневодстве, а сам великий князь Дмитрий Константинович считался одним из лучших наездников Российской империи.

²⁶ Великий князь Дмитрий Константинович 1860–1919 гг. Биография и документы Книга II. С. 85–86 // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 764. Л. 61–62 об.

Н. М. Букштынович
*Российский государственный
военно-исторический архив*

**Великий князь Константин Константинович —
генерал-инспектор военно-учебных
заведений (1910–1915)**

27 февраля 1910 г на имя великого князя Константина Константиновича был дан Высочайший рескрипт об избрании его на вновь учрежденную должность генерал-инспектора военно-учебных заведений. «Долголетний Ваш опыт в вопросах воспитания юношества и подготовки для армии соответствующего своему высокому назначению корпуса офицеров, — говорилось в рескрипте, — и полное любви и сердечных забот отношение Ваше к этому важному для государства делу дают Мне твердую уверенность в том, что в новой должности энергичная деятельность и неусыпные труды Вашего Императорского Высочества найдут наилучшие условия»¹.

Предыдущие 10 лет напряженной работы в должности главного начальника позволили великому князю всесторонне и детально вникнуть в жизнь всех военно-учебных заведений, их личного состава и буквально каждого учащегося. Он смог воплотить все намеченные им меры по воспитанию будущих офицеров надежными защитниками государя и родины. Как отмечал сам Константин Константинович в своем дневнике, назначение генерал-инспектором его вполне устраивало: уже в сентябре 1909 г. он задумал «создать

¹ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

для себя такую должность», которая, освободив его от многочисленных приемов, ответственности по административно-хозяйственной части заведений, подготовки докладов и так далее, позволила бы сохранить связь с самими военно-учебными заведениями и их воспитанниками².

В изданном им Приказе № 24 от 27 февраля 1910 г. о назначении генерал-инспектором, великий князь выразил «глубокую сердечную признательность» всем своим бывшим подчиненным, с которыми в течение 10 лет прослужил в должности главного начальника: «Годы этой службы останутся навсегда лучшими и самыми дорогими воспоминаниями моей жизни. <...> Глубоко счастлив, что мне не приходится прощаться с военно-учебными заведениями. Во Всемиловейшем рескрипте, данным на мое имя, Государю Императору благоугодно было выразить, что военно-учебные заведения сделали «широкие шаги в деле своего усовершенствования»; этим беззаветно драгоценным для меня признанием я всецело обязан трудам и заботам дорогих моих сослуживцев. <...> Вас, дорогая молодежь, пажи, юнкера и кадеты, также от всей души благодарю! Много дарили вы мне умиления и счастья! Если и случалось вам причинять мне тяжелые заботы, зато, как вы радовали вашего главного начальника стремлением к самоусовершенствованию и стараниями сделаться достойными слугами Царя и Отечества. Любовью и преданностью вы отвечали на мои сердечные попечения. <...> Радостно приступаю я, с Божией помощью, к исполнению Высочайше возложенной на меня новой обязанности, питая твердую уверенность, что дорогое мне ведомство даст возможность бывшему своему главному начальнику в моих инспекторских представлениях

² Михайлов А. А. Великий князь Константин Константинович как главный начальник и генерал-инспектор военно-учебных заведений. / Константиновские чтения — 2016. Великий князь Константин Николаевич: духовные и культурные традиции семьи, деятельность на благо Отечества. Материалы научной конференции 26 октября 2016 г. СПб., 2016. С. 119.

всегда свидетельствовать о неизменном развитии и преуспевании военно-учебных заведений на благо будущих офицеров нашей славной армии и на радость ее Державного Вождя. Генерал-адъютант Константин»³.

Одобрительно отнесся к новому назначению великого князя его наставник и наперсник генерал от артиллерии П. Е. Кеппен. Пожелав Константину Константиновичу успеха на новом поприще, Павел Егорович заметил: «Поверяя и направляя, указывая и представляя, Ваше Высочество может еще больше сделать для России, для ее армии и комплектуемой ее молодежи, чем непосредственным руководством: со стороны видней. Благослови Вас Господь, в добрый час»⁴.

Поскольку должность генерал-инспектора военно-учебных заведений учреждалась впервые, было выработано соответствующее «Положение», высочайше утвержденное 31 января 1910 г., и создана структура его Управления.

По «Положению» в обязанности генерал-инспектора входило наблюдение за правильностью постановки учебно-воспитательного процесса, за строевой подготовкой и благоустройством военно-учебных заведений. О результатах каждого своего осмотра генерал-инспектор должен был докладывать военному министру, и ежегодно, к 1 февраля, представлять через него всеподданнейший отчет. Генерал-инспектору также надлежало представлять военному министру заключения по аттестациям чинов военно-учебных заведений и по кандидатурам на высшие должности по ведомству. «В общем порядке управления, а равно и по отношению к непосредственно ему подчиненным чинам» генерал-инспектору были присвоены права главного начальника военного округа⁵.

³ РГВИА. Ф. 725. Оп. 52. Д. 48. Л. 50, 51.

⁴ РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 78. Л. 5.

⁵ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об.

В штате Управления генерал-инспектора состояли 2 генерал-лейтенанта (П. А. Лайминг и А. Д. Бутовский) и 1 генерал-майор (С. Н. Лавров) для поручений, правитель дел (А. В. Полторацкий) в чине полковника («может быть генерал-майор»), 2 делопроизводителя штаб-офицера (полковники А. А. Липинский и Н. Н. Одинцов), 2 штаб-офицера для поручений (полковники барон Б. А. Кусов и Б. А. Хоцяновский) и 3 писарей из нижних чинов.

Управление генерал-инспектора военно-учебных заведений было сформировано 8 марта 1910 г. Оно временно разместилось в Пажеском Его Императорского Величества (*далее — Е. И. В.*) корпусе, в кв. № 36, принадлежавшей правителю дел Управления генерал-инспектора полковнику А. В. Полторацкому⁶. Затем, с 22 апреля 1910 г., Управление переехало в его частную квартиру на Каменноостровском пр., 44, кв. 3, где обосновалось в 3 комнатах. Занимать такое скромное помещение было возможно лишь потому, что у самого генерал-инспектора при Управлении не было ни своего кабинета, ни своей приемной: все приемы по службе происходили у великого князя в Мраморном дворце. Кроме того, вместо трех писарей из нижних чинов в канцелярии Управления служило одно лицо по вольному найму. Все сэкономленные средства в конце года распределялись Константином Константиновичем для вознаграждения чинов канцелярии⁷.

По ходатайству генерал-инспектора военно-учебных заведений офицерским чинам, состоящим при его Управлении, была присвоена форма обмундирования военно-учебных заведений «с заменой серебряного прибора золотым», нижним чинам — присвоена шифровка на погоны из литер «У.Г.-И.ву:з», а штаб-офицерам для поручений и адъютанту была сохранена адъютантская форма⁸.

⁶ Полковник А. В. Полторацкий ранее занимал должность помощника инспектора Пажеского Е. И. В. корпуса. РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁷ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 51, 54, 101; Ф. 725. Оп. 49. Д. 47. Л. 5.

⁸ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.

29 апреля 1910 г. великий князь обратился к военному министру с представлением о получении права ему и состоящим при нем чинам посещать петербургские военно-учебные заведения «во всякое время», не испрашивая каждый раз особого согласия военного министра и не уведомляя о том начальника Главного управления военно-учебных заведений (*далее — ГУВУЗ*). 30 апреля 1910 г. военный министр В. А. Сухомлинов выразил на это свое согласие, но просил о посещениях и результатах проверок ставить его затем в известность.

При совершении объездов военно-учебных заведений генерал-инспектора должны были сопровождать генерал для поручений, правитель дел и адъютант.

В 1910 г. великий князь Константин Константинович и сопровождавшие его лица совершили объезды 8 кадетских корпусов и 8 военных училищ («из которых некоторые осмотрены по два раза»): с 24 марта по 10 апреля — Виленское, Одесское и Чугуевское пехотные юнкерские училища⁹, Елисаветградское кавалерийское и Александровское военные училища, Владимирский Киевский и Одесский кадетские корпуса; с 17 по 20 мая — Полоцкий кадетский корпус; с 15 октября по 6 ноября — 1-й Московский Императрицы Екатерины II, 2-й Московский Императора Николая I, 3-й Московский Императора Александра II и Симбирский кадетские корпуса, а также Александровское, Алексеевское военные и Тверское кавалерийское училища; с 5 по 19 декабря — Полоцкий, Суворовский и Владимирский Киевский кадетские корпуса¹⁰. Помимо присутствия на занятиях в классах, смотра строевой подготовки, гимнастических упражнений,

⁹ В 1910 г. юнкерские училища были переименованы в военные: с введением в них новых программ и повышением требований, предъявляемых к поступающим в училища; таким образом, было достигнуто «полное отождествление научной подготовки офицеров, выпускаемых из военных и юнкерских училищ». РГВИА. Ф. 725. Оп. 46. Д. 737. Л. 1.

¹⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 46. Л. 50.

посещения церковной службы, лазарета, проверки бытовых условий воспитанников и хозяйственных служб, присутствия на общей трапезе с кадетами и юнкерами, Константин Константинович уделял много внимания знакомству с воспитательским составом военно-учебных заведений. В кадетских корпусах он каждый раз собирал педагогические комитеты, а помощники генерал-инспектора просматривали журналы дежурств и заседаний корпусных педагогических комитетов, периодические отчеты воспитателей и аттестационные тетради кадет.

Общим впечатлением от объезда военно-учебных заведений в 1910 г., Константин Константинович остался вполне доволен. Во всеподданнейшем отчете за 1910 г. генерал-инспектор отметил: «... дело ведется правильно, воспитатели знают своих кадет и имеют на них надлежащее влияние. Сами кадеты в последние года представляют гораздо более мягкий материал, чем прежде. Во Владимирском Киевском кадетском корпусе, например, совершенно не применяется наказание карцером. Наряду с воспитанием нравственным и религиозным в корпусах заметна работа над важным делом насаждения в сердцах молодежи любви к Престолу, родине и военному делу. Весь воспитательский состав старается проводить в жизнь указания по этой части, преподанные мною в циркулярном рескрипте начальникам всех военно-учебных заведений от 29 сентября 1906 г. за № 233»¹¹.

В 1911 г. Константин Константинович наметил проводить инспекцию, начиная с петербургских военно-учебных заведений: «С 1900 года мне не случалось знакомиться с петербургскими военными учебными заведениями также подробно, как с московскими и провинциальными, — отметил великий князь в дневнике 17 января 1911 г. — Пользуясь новым своим положением генерал-инспектора¹², хочу делать инспекции в здешних корпусах и учи-

¹¹ Там же. Л. 52–52 об.

¹² Имеется в виду возможность генерал-инспектору совершать объезды внезапно, «во всякое время».

лицах. Начал вчера с 1-го кад. <етского> корпуса. Прибыл туда к 8½ утра и оставался до 4½, а вечером опять ездил туда на укладку. — Все утро провел в различных классах. Продолжительно видя кадет, присмотрелся к лицам многих и запомнил. Но и устал порядочно»¹³.

После подробного, в течение трех дней, осмотра учебно-воспитательской и административно-хозяйственной деятельности Первого кадетского корпуса, Константин Константинович при прощании с директором корпуса генерал-лейтенантом Ф. А. Григорьевым сказал: «Приступая к инспекторскому смотру, я не сомневался, что найду корпус в блестящем состоянии и очень рад, что предположения мои вполне оправдались»¹⁴.

Посещение военно-учебных заведений Константин Константинович совершал в течение всего последующего 1911 г. Однако, менее хлопотная, чем предыдущая, должность генерал-инспектора позволила великому князю одновременно заниматься и другими важными делами по военно-морскому и военному ведомствам: в 1909–1911 гг. он возглавлял Строительную комиссию при возведении в Санкт-Петербурге храма-памятника, посвященного морякам, погибшим в войну с Японией — «Спаса-на-Водах», в 1911–1913 гг. — «председательствовал в совещании комиссии по разработке нового статута ордена Св. Георгия». За труды в Особом совещании 10 августа 1913 г. Константин Константинович был пожалован кавалером ордена Св. равноапостольного князя Владимира 1-й степени¹⁵.

23 июня 1911 г. после долгой тяжелой болезни наступила кончина горячо любимой матери Константина Константиновича — великой княгини Александры Иосифовны. 5 августа не стало еще одного очень близкого для всего семейства Константиновичей человека:

¹³ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 44.

¹⁴ РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 20. Л. 2 об.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 7. Л. 21 об.

«...наш дорогой и незаменимый Павел Егорович Кеппен скончался в 3 ч. утра. По милости Божией эта тяжкая утрата постигла нас не неожиданно: долгая болезнь подготовила нас и приучила обходиться без Палиголика уже месяца за 2 за 3 до его кончины»¹⁶, — записал Константин Константинович в дневнике.

Важные события в семье Константина Константиновича следовали одно за другим. 21 августа его старший сын, князь Иоанн Константинович, женился на принцессе Сербской Елене, дочери Сербского короля Петра I, а 24 августа — старшая дочь Татьяна вышла замуж за князя Константина Александровича Багратион-Мухранского.

В начале октября 1911 г. великий князь отправился в дальнюю поездку — инспектировать военно-учебные заведения городов Оренбурга и Ташкента, где в последний раз ему довелось быть в 1905 г. Сопровождали его в генерал-лейтенант А. Д. Бутовский, полковники А. В. Полторацкий и А. А. Липинский и заведующий Двором Его Императорского Высочества гофмейстер Р. Ю. Минкельде¹⁷. В Ташкенте Константину Константиновичу, после десятилетней разлуки, предстояло встретиться с проживавшим там старшим братом, великим князем Николаем Константиновичем.

В Оренбурге с 6 по 15 октября великий князь инспектировал Оренбургский Неплюевский и 2-й Оренбургский кадетские корпуса и Оренбургское казачье училище. Подробный осмотр всех трех военно-учебных заведений произвел на него очень благоприятное впечатление. По обычаю, 12 октября в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус принесли Чудотворную икону Табынской Божией

¹⁶ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 123.

П. Е. Кеппен был управляющим Двором великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны в течение 23 лет; воспитатель великого князя Константина Константиновича.

¹⁷ РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 20. Л. 57.

Матери, с которой ежегодно совершался крестный ход по Уфимской и Оренбургской губерниям. 15 октября образ доставили во 2-й Оренбургский кадетский корпус и служили перед ним молебен. Константин Константинович присутствовал при проводах Чудотворной иконы из корпуса. Вечером этого же числа он отбыл в Ташкент.

17 октября на станции Чанак, перед Ташкентом, великого князя встретил и затем сопровождал Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа генерал от кавалерии А. В. Самсонов. По прибытии поезда в Ташкент в 20 часов 40 минут, командующий войсками сразу же отвез великого князя во дворец к его старшему брату — великому князю Николаю Константиновичу. Константин Константинович испытывал немалое волнение от предстоящего свидания. Однако «...встреча, может быть, благодаря присутствию Над. [ежды] Алекс.[андровны] Искандер (жены Николы), — записал в дневнике великий князь, — обошлась не только благополучно, но и приятно»¹⁸.

В Ташкентский Наследника Цесаревича кадетский корпус Константин Константинович прибыл в 22 часа. У церковного подъезда великого князя встречал протоиерей о. Николай Гринкевич с крестом и святой водой; «после краткого молебствия и милостивого разговора с певчими великий князь проследовал в помещение роты августейшего шефа корпуса Наследника Цесаревича Алексея Николаевича»¹⁹.

Инспекторская проверка не помешала Константину Константиновичу почти ежедневно видаться с братом и его женой, а 20 октября он пригласил их на обед в корпус. В 16 часов 50 минут для встречи великого князя Николая Константиновича с супругой всех неотпускных кадет выстроили в вестибюле корпуса и на лестнице, ведущей в покои генерал-инспектора. «Испросив разрешение брата поздороваться

¹⁸ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 146.

¹⁹ РГВИА. Ф 725. Оп. 47. Д. 20. Л. 57.

с кадетами, Его Императорское Высочество великий князь Николай Константинович после ответа на приветствие сказал: „Дети, позвольте к вам обратиться и просить вас прокричать по русскому обычаю, в честь моего брата «Ура» <...>”²⁰. В ответ послышалось „восторженное «Ура»”. Константин Константинович в свою очередь „предложил кадетам прокричать «Ура» в честь его старшего брата, что также было исполнено с энтузиазмом”²¹. После состоявшегося обеда, на который были приглашены директор корпуса генерал-майор В. М. фон Кох с супругой и свита, гости осмотрели помещения Ташкентского кадетского корпуса. После того, как великий князь Николай Константинович с супругой отбыли, в 19:30 началось заседание педагогического комитета, которое окончилось за полночь²².

21 октября после молебна в [Спасо-Преображенском военном] соборе, генерал-инспектор принимал церковный парад войскам, где был и Ташкентский кадетский корпус. В этот же день с шестью лучшими кадетами корпуса Константин Константинович побывал за городом, в женском монастыре, и вечером отбыл в Самарканд²³.

22 октября великий князь провел в Самарканде, где побывал на могиле Тамерлана, у восточного старинного духовного училища — медресе, осматривал мечеть Биби-Ханым, мавзолеи и другие достопримечательности. Знакомил Константина Константиновича с древностями Самарканда местный семиреченский казак В. Л. Вяткин²⁴.

²⁰ Там же. Л. 60.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ РГВИА. Ф 725. Оп. 47. Д. 20. Л. 60 об., 61.

²⁴ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 147, 148. Вяткин В. Л. был известен тем, что в 1908 г. обнаружил и произвел раскопки обсерватории Улугбека (XV в.) вблизи Самарканда; директор археологического музея в Самарканде.

23 октября Константин Константинович возвратился в Ташкент: «Обедню отстоял в корпусе. Произвел кадетам строевой смотр. Завтракал у директора. <...> Днем заезжал проститься к Самсоновым. Они и Никола с Н. А. [Искандер] обедали со мной у Кохов. Было кадетское представление немецкой пьесы <...>. Я заезжал еще в „Хиву“, кинематограф, устроенный Николой, и сидел там с ним и Н. А. Прямо оттуда на вокзал, где были большие проводы — все власти и корпус. Приехал и Никола с Н. А. Он одарил моих спутников photographиями, халатами и коврами. — Тут в вагоне мы ласково простились»²⁵ — так описал Константин Константинович все происходившее в последний день своего пребывания в Ташкенте. Несмотря на усталость от калейдоскопа событий и впечатлений, поездка доставила много радости и внесла умиротворение в душу великого князя, тем более, как потом оказалось, больше со старшим братом ему встретиться не пришлось.

24 октября из вагона поезда великий князь направил телеграмму директору Ташкентского Наследника Цесаревича кадетского корпуса генерал-майору В. М. фон Коху: «В суматохе отъезда не мог как следует проститься с вами и поблагодарить за отрядные впечатления, пережитые во вверенном вам корпусе. Сердечно вам кланяюсь и прошу передать поклон г. г. служащим, их семьям и дорогим моим кадетам — ташкентцам. Константин»²⁶.

Спустя месяц, в Германии, где Константин Константинович с супругой навещали родственников, великий князь заболел инфлюэнцей, которая дала тяжелые осложнения. Возвратившись в Санкт-Петербург, он надолго вынужден был подчиниться домашнему режиму, и целый год не совершал инспекций военно-учебных заведений, их проводили только его помощники и доставляли генерал-инспектору свои отчеты.

Несколько оправившись от болезни, Константин Константинович приступил к осуществлению давно задуманного им произведения

²⁵ Там же. С. 148.

²⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 20. Л. 62.

о последних днях земной жизни Господа Иисуса Христа. Замысел драмы «Царь Иудейский» был одобрен писателем И. А. Гончаровым еще в 1886 г., и великому князю понадобилось 25 лет для осуществления этой мечты. Константин Константинович добросовестно изучал источники: «Анналы» Публия Корнелия Тацита, «Иудейскую войну» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия, «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла, а также работу Н. К. Макавейского «Археология истории страданий Господа Иисуса Христа», исторический роман английского архиепископа Джозефа Холста Ингрэма «Царь из дома Давида».

Зимой 1911–1912 гг. драма существенно продвинулась: были написаны 2–5 действия, чему поспособствовала болезнь, как позднее отмечал сам автор в письме к академику Ф. Е. Коршу 24 мая 1913 г.²⁷

Драма «Царь Иудейский» становится главным произведением в творчестве Константина Константиновича²⁸. 25 апреля 1912 г. великий князь завершил ее, а 27 апреля во время «Измайловского досуга» драма была впервые представлена публике, читал сам автор. Шли переговоры о постановке ее на театральной сцене.

По рекомендации врачей Константин Константинович с 4 мая по 20 июня 1912 г. проводит на лечении в Германии. Зиму ему советуют провести в Египте, куда он отправляется 27 октября.

По дороге за границу, в Варшаве, с 27 по 31 октября, великий князь совершает осмотр Суворовского кадетского корпуса. С вокзала, где его встретили, в том числе, директор корпуса генерал-лейтенант А. Н. Ваулин и помощник командующего войсками Варшавского военного округа генерал от кавалерии А. А. Брусилов, генерал-ин-

²⁷ Лобашкова Т. А. Бумаги великого князя Константина Константиновича и членов его семьи: семейная и литературная переписка, отрывки из дневника, завещания. 1874–1918. М., 2013. С. 104.

²⁸ «Благодарно посвящается вечно дорогой памяти незабвенного Павла Егоровича Кеппена». К. Р. Времена года. Избранное. СПб., 1994. С. 181.

спектор направился в кадетский корпус. «Почти год не был ни в одном военно-учебном заведении и сильно радовался опять очутиться в милой знакомой среде»²⁹, — записал он в дневнике. Константин Константинович обошел все роты, лазарет, ходил по классам, присутствовал на уроках, при завтраке и обеде кадет, провел заседание педагогического комитета и строевой смотр, «опросил претензии», посетил кадетский литературно-музыкальный вечер... 31 октября «На вокзале большие проводы, букеты от воинских частей и корпуса. Кадеты пришли строем на вокзал. — Наконец, тронулся поезд. Надолго покинул я Россию!»³⁰

Константин Константинович возвратился на родину только в середине июня 1913 г. И не преминул заехать по дороге домой в летний лагерь Виленского военного училища, где пробыл с 17 по 19 июня, как всегда, вникая во все подробности жизни и занятий юнкеров.

С этого времени великий князь опять стал регулярно проводить инспектирование и посещение военно-учебных заведений.

Инспектированием Киевского военного училища с 18 по 21 июля 1913 г. весьма порадовало Константина Константиновича. Великий князь был хорошо знаком с училищем и с 29 июня 1911 г. состоял августейшим покровителем Общества взаимопомощи бывшим служащим и юнкерам училища — «Киевлянам»³¹.

В своем отчете военному министру В. А. Сухомлинову от 13 сентября 1913 г. генерал-инспектор сообщает: «Юнкера Киевского училища и в этот раз произвели на меня во всех отношениях очень хорошее впечатление: строго выдержанные и хорошо дисциплинированные, они вместе с тем смотрят весело и отвечают бойко: по всему видно, что они не задержаны, что строгий училищный режим им не

²⁹ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 217, 218.

³⁰ Там же. С. 219.

³¹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 47. Л. 1, 12.

в тягость, и что живется им хорошо». После ознакомления с докладами о поведении юнкеров, их отношениях между собой, генерал-инспектор отметил, что «к нравственному воздействию они чутки», поскольку проступков немного, «в особенности крупных <...>. Случаи употребления спиртных напитков единичны. Случаев самостоятельных отлучек не было»³². В журнале посещений высочайших особ Константин Константинович оставил следующую запись: «Эти дни уже не изгладятся в моей памяти: они, если возможно, сильнее укрепили мою веру в Киевское военное училище, это гнездо будущих орлов-защитников Царя и Родины. Да будут же впредь эти дорогие мне питомцы «остальными из стаи славной» своих предшественников. Константин»³³.

К великой радости Константина Константиновича 9 января 1914 г. на сцене Эрмитажного театра прошла премьера его драмы «Царь Иудейский». Постановка, созданная силами участников «Измайловского досуга», где сам автор исполнил роль Иосифа Аримафейского, произвела на зрителей очень сильное впечатление.

Начальник Виленского военного училища генерал-майор Б. В. Адамович, единомышленник великого князя, с которым Константин Константинович поддерживал дружеские отношения и состоял в переписке, в письме от 12 января 1914 г. просит у великого князя «соизволения» прочесть драму перед юнкерами, офицерами и их семьями в своем училище. В письме от 16 апреля 1914 г. он делится впечатлениями от этого вечера: «В училище все идет хорошо. 5 февраля состоялось чтение „Царь Иудейский“. Вечер был устроен от лица общества офицеров, с приглашениями только от них. В присутствии всех юнкеров. Моими гостями были супруги Ренненкампф. Читал преподаватель законоведения и Русского языка полковник Ленской. Читал отлично. В перерыве был чай. Драма произвела большое впечатление и вызвала надолго много разговоров в город-

³² РГВИА. Ф. 725. Оп. 48. Д. 71. Л. 1-2 об.

³³ Там же.

ской и юнкерской среде. Я побаивался каких-либо партийных откликов в печати. Но все ограничилось появлением агентских телеграмм, отметивших только факт состоявшегося чтения. Общий голос: драма захватывает, умиляет и возбуждает самое теплое религиозно-нравственное чувство и размышление. Юнкерская среда откликнулась в разговорах со мною даже отзывчивее, чем я ожидал. Я же позволю себе высказать только такую оценку: Ваше произведение неизгладимо из памяти, мысль к нему возвращается постоянно. Мне знакомо состояние Никодима: „о, как мучительно не понимать!"; в „Царе Иудейском" я нашел как бы осязание непонятного и ясность Великих дней. Под впечатлением „Царя Иудейского" я прочитал в течение марта три новые книги Вега: „Книга Никодима", „Книга Марии Девы" и „Иосифа Плотника". Вашему Императорскому Высочеству содержание их вероятно давно знакомо, мне же они послужили широким пополнением в моем „непонимании"»³⁴.

Незадолго до начала Первой мировой войны, 1 мая 1914 г. Государь Император пожаловал знамя Вольскому кадетскому корпусу и направил генерал-инспектора военно-учебных заведений своим представителем при его вручении³⁵. 23 мая 1914 г. в письме к сестре, Ольге Константиновне, великий князь делится впечатлениями от этой поездки: «Из Воронежа я выехал 14-го и на другое утро был в Саратове, где осмотрел два учреждения и на пароходе поплыл в Вольск вверх по Волге. Разлив громадный. Пароход „Кн[язь] Багратион" чудесный. Засветло прибыл в Вольск — ходу 8 часов. Там оставался до 17-го. Корпус молодой, дожил до первого выпуска. Выпускных кадет в последний раз видел в 1909 году, когда они были во 2-м классе. Кое-кого запомнил и узнал. Корпус маленький. Так уютно! Умиляет и душу приподнимает торжество передачи знамени. <...> Очень было жаль расставаться, так же, как и в Воронеже, или даже

³⁴ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 93 Л. 3–4 об.

³⁵ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 42. Л. 12. Вольский кадетский корпус был преобразован 1909 г. из Вольской военной школы.

больше. <...> Проездом через Москву побывал во всех 3-х корпусах. В Москве меня встретил милый Олег, нарочно приехавший из Осташева. Он со мной прибыл в Павловск 20-го. В свои именины ездил в Красное на праздник Павловского училища»³⁶.

К сожалению, отношения со своим преемником — начальником ГУВУЗ генералом от инфантерии А. Ф. Забелиным — у Константина Константиновича не сложились. 11 ноября 1911 г. великий князь даже обратился к военному министру В. А. Сухомлинову с тем, чтобы А. Ф. Забелина «...поскорее убрать, ибо из-за его незнания дела, формализма и канцелярщины стоит стон в военно-учебном ведомстве»³⁷. Военный министр, как отмечал Константин Константинович, и сам был этим озабочен.

Великий князь надеялся, что А. Ф. Забелина в непродолжительном времени переведут в Военный совет, а начальником ГУВУЗ назначат генерал-лейтенанта Г. М. Яковлева³⁸. Но время шло, а перемен не происходило. 7 августа 1912 г. Константин Константинович

³⁶ Лобашкова Т. А. Указ соч. С. 711.

³⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева, М., 2013. С. 152. Начальник ГУВУЗ генерал А. Ф. Забелин удалил из программы военно-учебных заведений преподавание курса лекций по государственному праву профессора военно-юридической академии генерал-майора М. М. Бородкина. Этот курс был по инициативе великого князя Константина Константиновича специально разработан профессором после издания Манифеста 17 октября 1905 г. В результате чего, «когда перед революцией 1917 г., и в начале ее, то есть в феврале-марте этого года, — пишет в воспоминаниях бывший директор Пажеского корпуса генерал Н. А. Епанчин, — агитаторы сбивали с толку солдатскую массу, офицеры не могли дать солдатам основательных объяснений, да и сами отвлекались влево». Цит. по: Лобашкова Т. А. Указ. соч. С. 90.

³⁸ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева, М., 2013. С. 172.

записал в дневнике: «Меня смутило письмо от воен<ного> министра. Он, между прочим, пишет, что „относительно генер. Забелина ничего сделать нельзя за отсутствием соответствующих данных”. Это верно значит, что Забелин остается начальником Г<лавного> у<правления> в<оенно>-у<чебных> з<аведений>. Как это меня смущает»³⁹.

Начальник ГУВУЗ генерал от инфантерии А. Ф. Забелин был сторонником так называемого плана «милитаризации» кадетских корпусов. Уже после русско-японской войны в прессе стали появляться статьи, где звучали заявления, что причиной поражений русской армии является «плохая военная школа ... кадетские корпуса обратились в дворянские пансионы, откуда выпускают молодых людей, достаточно подготовленных для университетов и плохо подготовленных для командования взводом», что «нужно не откладывая поставить во главе военно-учебного дела лучшего генерала-практика»⁴⁰.

Эта же риторика о необходимости милитаризации курса кадетских корпусов стала звучать и в военных изданиях: «Офицерской жизни» и «Русском инвалиде». Покуда великий князь стоял во главе военно-учебных заведений эти нападки прессы не вызывали серьезных опасений, но с назначением начальником ГУВУЗ генерала А. Ф. Забелина план этот стал воплощаться в жизнь. Под удар был поставлены педагоги и воспитатели, именно те, от кого зависел успех учебно-воспитательского процесса. Возглавляя ГУВУЗ, великий князь всегда уделял огромное внимание подбору и профессиональному совершенствованию педагогов и воспитателей, и затратил много сил, чтобы создать благоприятные условия для их взращивания.

В 1910 г. генерал-инспектору «был доставлен на заключение» проект члена Военного совета генерала от инфантерии Н. В. Рузского

³⁹ Там же. С. 199.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

«об изменении действующего положения о прохождении службы чинами воспитательного состава кадетских корпусов». В проекте предлагалось введение в кадетских корпусах переменного состава воспитателей, которые после 7 лет службы в корпусе уходили бы в строй командовать ротой. Затем возвращались бы в корпус на вакансию ротного командира, а потом бы опять уходили командовать батальоном. В своем заключении, представленном военному министру В. А. Сухомлинову 5 августа 1910 г., Константин Константинович писал: «Кадетские корпуса призваны снабжать армию солью офицерского состава; они вправе ждать от армии ее лучших работников, т. к. приготовление постоянного состава армии, ее офицеров, еще важней, чем обучение быстро меняющегося состава нижних чинов в строю. Среди работников-специалистов военным педагогам принадлежит по праву первое место, т. к. именно они кладут самый прочный фундамент мощи армии, создавая корпус офицеров. Поэтому, кадетские корпуса, ни в каком случае, не должны быть поставлены в необходимость отказываться от плодотворной работы людей опыта и призвания ради соблюдения формального порядка службы»⁴¹.

Несмотря на то, что проект генерала Н. В. Рузского осуществлен не был, проникшие в военно-учебные заведения слухи о нем, успели нанести вред: ведомство покинули некоторые хорошие работники. В 1911 г. реформирование продолжилось: составление списков кандидатов на замещение должностей офицеров-воспитателей теперь стали составлять не директора кадетских корпусов, а старшее строевое начальство.

В течение трех лет в ГУВУЗе было подготовлено новое положение о ротных командирах и офицерах-воспитателях общих классов Пажеского Е. И. В. корпуса и кадетских корпусов. Высочайшее утверждение оно получило 24 сентября 1913 г. и было объявлено в приказе по военному ведомству № 541, но на заключение к ге-

⁴¹ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 2.

нерал-инспектору оно не поступило: Константин Константинович ознакомился с ним, когда «Положение» уже было напечатано в «Русском инвалиде».

В представлении военному министру В. А. Сухомлинову от 14 января № 48 генерал-инспектор дает оценку принятому «Положению». По его мнению, оно во многих отношениях пошло гораздо дальше проекта генерала Н. В. Рузского, и замечания великого князя на проект генерала Н. В. Рузского в нем учтены не были. Несмотря на то, что «Положение» достаточно долго разрабатывалось, интересы воспитателей, интересы кадетских корпусов и интересы строевых частей в нем были совершенно не согласованы. Константин Константинович дал критическую оценку некоторым статьям «Положения» и заметил, что оно «...лишает службу офицеров-воспитателей всех ее прежних привлекательных сторон — оседлой жизни ... быстрого чинопроизводства; спокойной уверенности в скромной, но обеспеченной будущности»⁴². Далее он заметил, что «...приказ № 541 в общем произвел в кадетских корпусах удручающее впечатление, и еще более сократил число строевых офицеров, желающих служить в кадетских корпусах. <...> В течение ближайших лет в некоторых заведениях предвидится от 6 до 11 воспитательских вакансий, а кандидатов нет»⁴³. По сведениям, поступавшим к великому князю от директоров кадетских корпусов, они были обеспокоены тем, что в непродолжительном времени им придется привлекать к дежурствам не только всех служащих в корпусе, носящих военный мундир, но даже гражданских преподавателей. В этой связи генерал-инспектор полагал, что положение о службе ротных командиров и офицеров-воспитателей следует коренным образом пересмотреть и привлечь к этой работе, в первую очередь, директоров провинциальных корпусов, ротных командиров и офицеров, а также представителей генерал-инспекции, и предоставить

⁴² РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 36. Л. 3 об.

⁴³ Там же.

ему для ознакомления выработанное новое положение до его окончательного утверждения⁴⁴.

После вступления в должность генерал-инспектора военно-учебных заведений, Константин Константинович стал добиваться сохранения чинам своего Управления — генералам для поручений, правителю дел и двум делопроизводителям — пенсионных преимуществ военно-учебной службы, которыми они пользовались в прежних должностях. Несколько лет велась безрезультатная переписка с Министерством финансов, и, наконец, через военного министра В. А. Сухомлинова вопрос этот был внесен на рассмотрение в Государственную думу. 24 июня 1913 г. председатель Государственной думы М. В. Родзянко ответил военному министру, что «...законопроект о сохранении прав учебной службы за чинами управления генерал-инспектора военно-учебных заведений на выслугу учебной пенсии и добавок к ним, постановлением Государственной Думы от 22 сего июня отклонен»⁴⁵.

В должности генерал-инспектора Константин Константинович оставался простым и доступным для своих питомцев, и при всякой возможности был рад встретиться с ними. По приглашению великого князя в свои каникулы они приезжали к нему в имение Осташёво, в Павловск и Стрельну, встречались с ним в Крыму.

16 июля 1910 г. при посещении лагеря кадет в с. Коломенском Константин Константинович пригласил их побывать в своем имении Осташёво. И 23 июля 1910 г., одиннадцать кадет 2-го Московского Императора Николая I кадетского корпуса, в сопровождении своего директора, генерал-майора В. Э. Данкварта, и офицера-воспитателя капитана В. В. Гавриловича, совершив экскурсию в Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь, по Виндавской железной дороге, отправились в имение великого князя. На станции Волоколамск, куда они прибыли в 22 часа, их уже ждали прислан-

⁴⁴ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

ные за ними экипажи. За пять верст от имения Осташёво их встретил верхом на лошади князь Игорь Константинович. Вот как повествует о дальнейших событиях генерал-майор В. Э. Данкварт: «В двенадцатом часу ночи показался ярко-освещенный Великокняжеский дворец. <...> Августейший хозяин не спал, удостоил выйти встретить нас, ласково поцеловал каждого кадета, а затем, войдя в столовую, предложил всем чай. <...> ...кадеты долго не могли уснуть, а на другой день утром, в воскресенье 25 июля, встали ранее назначенного срока. Однако высокомилостивое приветствие августейшей хозяйки великой княгини Елисаветы Маврикиевны окончательно ободрило и успокоило их. Несмотря на дождь, Его Высочество предложил всем отправиться пешком в близь находящийся сельский храм. Переправившись на обратном пути на лодках через реку, кадеты всю остальную часть дня провели во дворце». Великий князь провел их по внутренним покоям, показал хозяйственные постройки, из которых особый интерес вызвала конюшня. После обеда для гостей были устроены игры, в которых принимала участие и вся августейшая семья. Вечер закончился музыкальной программой. Ранним утром следующего дня Константин Константинович уже ожидал всех на веранде с кофе и чаем. Широкий простор лугов, окаймленных лесами, синеющая даль громадного, впереди растилающегося горизонта, невольно потянули к себе, и Его Императорское Высочество, встав от стола, громко произнес: «Дети, идемте в лес собирать грибы». Княжна Татьяна Константиновна и Князь Георгий Константинович тоже участвовали в продолжительной прогулке кадет. Затем был обед, после которого настало время прощаться: «Восторженное „Ура“ юных голосов казалось слабым отголоском их глубокого душевного настроения. Тронулись экипажи. Его Императорское Высочество и Их Высочества — Княжна Татьяна Константиновна, Князь Олег Константинович, Князь Игорь Константинович и даже Князь Георгий Константинович (7 лет) провожали кадет верхом. Проехав несколько верст, Великий Князь остановился, еще раз попрощался с кадетами и под несмолкаемое

кадетское „Ура“, окруженный августейшими детьми, отбыл в свой дворец»⁴⁶.

В конце мая 1911 г., отдыхая в Крыму в имении Юсуповых Ко-реиз, великий князь вместе с сыном Георгием утром специально едет в Ялту, чтобы встретиться с приехавшими туда юнкерами Чугу-евского военного училища. Они присутствуют на молебне «по случаю царского дня», на верхней палубе на обеде, беседуют с офицерами и юнкерами, фотографируются. «Напоследок, — записал Константин Константинович в дневнике, — молодежь подняла нас на руки, крича „ура“, несла по молу. Георгий было испугался. Но скоро заметил, что нет никакой опасности»⁴⁷.

С 12 по 17 июня 1911 г. Константин Константинович вместе с семьей (супругой, детьми и будущим зятем К. А. Багратион-Мухранским) совершает поездку по Волге на пароходе «Крылов» от Царицына до Нижнего Новгорода. Во время стоянки в г. Вольске великий князь принимает на пароходе ожидавших его на пристани директора Вольского кадетского корпуса [генерал-майора М. П. Бородина], служащих корпуса с их семьями и 13 кадет из разных корпусов, находившихся в отпуске в Вольске⁴⁸. И в Симбирске на пристани в половину девятого утра пароход «Крылов» уже ожидали 34 кадета с инспектором классов, ротным командиром и несколькими офицерами. Всех пригласили в рубку I класса, где Константин Константинович и все семейство «милоливо беседовали с кадетами». Затем великий князь всех вывел на трап, где кадетом-фотографом были сделаны памятные снимки⁴⁹.

Поздним вечером 15 июня пароход «Крылов» причалил к пристани в Казани, а на следующий день, уже в 6:30 утра, великий князь

⁴⁶ РГВИА. Ф. 725. Оп. 46. Д. 749. Л. 12–13.

⁴⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 97.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 20. Л. 15.

⁴⁹ Там же. Л. 18.

Константин Константинович с сыновьями князьями Иоанном, Константином, Олегом и полковником Н. Н. Ермолинским прибыли в лагерь Казанского военного училища. Они присутствуют на уставном ротном учении, смотрят плавание юнкеров, гимнастику под музыку и покидают лагерь в 10:30.

В последующие дни своего путешествия Константин Константинович посетил летние лагеря Нижегородского Аракчеевского кадетского корпуса, Тверского кавалерийского училища и Александровского военного училища⁵⁰.

Начавшаяся Первая мировая — Великая война — изменила уклад жизни воспитанников военно-учебных заведений. С началом военных действий располагавшиеся в прифронтовой полосе Суворовский и Полоцкий кадетские корпуса вынуждены были эвакуироваться: Суворовский корпус был направлен в Москву, роты Полоцкого корпуса — в Москву, Одессу, Сумы, Владикавказ и Симбирск, где вошли в состав местных кадетских корпусов⁵¹.

Война произвела среди пажей и кадет подъем патриотизма и желание лично участвовать в боевых действиях. «В период летних каникул некоторые из них [кадет] самостоятельно отправлялись в части действующей армии, которыми командовали их отцы или старшие братья»⁵².

Особенно усилилось стремление скорее попасть на фронт, когда пажи и кадеты узнали, что при трехклассных военных училищах открылись сокращенные курсы, куда стали принимать молодых людей, окончивших 6 классов средних учебных заведений. В корпусах воспитанникам VI и VII классов старались разъяснить, что для исполнения ими долга перед государем и Родиной прежде

⁵⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 47. Д. 20. Л. 16, 17, 20, 22.

⁵¹ *Самович А. Л.* Кадетские корпуса в России (80-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Минск, 2003. С. 69.

⁵² Там же. С. 72.

всего необходимо пройти полный курс корпуса, что «...молодость, неполное физическое развитие и отсутствие в данное время достаточной военной подготовки значительно умаляет пользу, которую они могли бы принести на полях сражения», что они могут быть даже обузой для армии, хотя через несколько месяцев, окончив курс обучения, пажам и кадетам VII класса предстоит вступить в армию уже подготовленными офицерами⁵³.

Об этих настроениях в Пажеском Е. И. В. и кадетских корпусах военный министр В. А. Сухомлинов направил всеподданнейший доклад государю императору, изложив те меры воздействия на молодежь, которые предпринимались в военно-учебных заведениях. 20 сентября 1914 г. на всеподданнейшем докладе император Николай II наложил резолюцию: «Справедливо»⁵⁴.

Вслед за этим исправляющий должность начальника ГУВУЗ генерал-лейтенант Г. М. Яковлев направил директорам Пажеского и всех кадетских корпусов предписание «для прочтения всем воспитанникам», с указанием, что государь император «ожидает от ... молодежи ревностной подготовки учебной работы для пользы Родины»⁵⁵.

Остались многочисленные свидетельства (рапорты и донесения командиров частей) о героическом поведении и высоких морально-боевых качествах питомцев кадетских корпусов на полях сражений Первой мировой войны. «На различных участках германского фронта они успешно выполняли сложные и ответственные задачи, управляли действиями пехоты и кавалерии, руководили огнем артиллерии»⁵⁶.

Великий князь Константин Константинович благословил в действующую армию пятерых своих сыновей. 29 сентября 1914 г. скончался от ранения князь императорской крови Олег. Государь

⁵³ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 60. Л. 103–103 об.

⁵⁴ Там же. РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 60. Л. 103–103 об.

⁵⁵ Там же. Л. 103 об.

⁵⁶ *Самович А. Л.* Указ.соч. С. 71.

Император пожаловал ему орден Св. Георгия 4-й степени⁵⁷. Константин Константинович привез сыну орден Св. Георгия 4-й степени его деда — великого князя Константина Николаевича — и перед самой смертью успел приколоть его к рубашке князя Олега...

4 октября 1914 г. Константина Константиновича записал в дневнике: «Временами нападает на меня тоска, и я легко плачу. Ужас и трепет берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым вскоре нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что с Олегом. Вспоминается миф о Ниобе, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это. И я спешу твердить: „Да будет воля Твоя“»⁵⁸.

Все сыновья великого князя, участвовавшие в Первой мировой войне, были удостоены Георгиевских наград: князь Константин Константинович — ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, князья Иоанн, Гавриил и Игорь Константиновичи — Георгиевского оружия. А княжна Татьяна Константиновна Багратион-Мухранская была награждена Георгиевской медалью 3-й степени⁵⁹.

С началом войны Константин Константинович часто навещает раненых в лазаретах (Благовещенском офицерском Лейб-гвардии конного полка, в казачьих казармах, при Женском педагогическом институте) и в госпиталях (Мариинском и в здании Академии наук), и принимает участие в организации подвижного лазарета Мраморного дворца для 1-й армии П.-Г. К. фон Ренненкампа. «Весь доход от продажи книг „Царя Иудейского“ я отдаю на этот лазарет и на нужды

⁵⁷ Высочайший приказ от 29.09.1914 г.

⁵⁸ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 357, 358.

⁵⁹ Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Библиографический справочник. / Отв. состав. В. М. Шабанов. М., 2004. С. 455, 535, 538, 573.

Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 384.

семей наших воинов»⁶⁰, — записал великий князь в дневнике 24 июля 1914 г.

Из писем начальников и директоров военно-учебных заведений в годы войны Константин Константинович также узнавал о жизни питомцев провинциальных военно-учебных заведений во время войны. В письме директора Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса генерал-майора А. В. Большова великому князю 10 февраля 1915 г. читаем: «Пользуясь случаем, осмелюсь доложить Вашему Императорскому Высочеству о жизни в корпусе в текущем учебном году. Этот год протекает на редкость тихо, спокойно, серьезно; жизнь в корпусе уподобляется жизни в хорошей семье, когда у взрослых членов семьи случилась беда, и вот, младшие члены семьи забывают свои шалости, забывают себя и своим примерным поведением, исполнительностью и послушанием стараются по мере сил и возможности также принять участие в делах взрослых. Общее поведение кадет вполне хорошее, отношение к учебному делу достойное, отношение к воспитателям и преподавателям сердечное, теплое и доверчивое, отношение к друг другу, и в особенности к товарищам, потерявшим на войне своих близких, умирительно-трогательное. Вообще скажу, что дух корпуса — дух хорошей патриотической семьи»⁶¹.

Константин Константинович глубоко страдает, что не может отправиться в действующую армию. Об этом он с горечью пишет в дневнике 1 сентября 1914 г.: «Стыдно показываться на людях: я еще не стар, относительно здоров, а не нахожусь на войне. Ведь всем не растолкуешь, что за 24 года успел отстать от строя, в чине полного генерала не найти подходящей должности в действующей армии и что здоровье легко изменяет»⁶².

⁶⁰ Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 333.

⁶¹ РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 94. Л. 3 об.

⁶² Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.): 1911–1915 гг. / Отв. ред., сост., автор вст. ст. В. М. Хрусталева. М., 2013. С. 343.

В 1915 г. болезнь великого князя стала усиливаться. 25 апреля Константин Константинович пишет Анатолию Фёдоровичу Кони: «Я глубоко верю, что и волос с головы нашей не спадет без Его воли, и, следов<ательно>, верю, что это всеблагая воля вовремя отрывает нас от здешних наших дел. Поэтому ходячее выражение „безвременная кончина“ для меня звук пустой... Это всеблагая воля лучше нас знает, когда должен последовать последний призыв...»⁶³

19 мая 1915 г. под Львовом погиб зять великого князя Константина Константиновича — поручик 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка князь К. А. Багратион-Мухранский, также удостоенный Георгиевского оружия и ордена Св. Георгия 4-й степени (посмертно)⁶⁴.

2 июня 1915 г. исправляющий должность правителя Канцелярии ГУВУЗа статский советник Герасимов сообщил начальнику управления генералу от инфантерии А. Ф. Забелину: «По телефону передано, что 2-го сего июня в 8 час. вечера в Бозе почил Его Императорское Высочество Великий Князь Константин Константинович»⁶⁵.

Генерал А. Ф. Забелин в срочном порядке отдал все необходимые распоряжения по участию Главного управления и военно-учебных заведений в церемонии прощания со своим августейшим генерал-инспектором. 3 июня в 4 часа в помещении Главного управления была отслужена панихида в присутствии всех чинов Управления. По телеграфу всем военным училищам, кадетским корпусам и Военной школе императора Александра II было предложено также отслужить панихиды, а в день погребения — заупокойную литургию и панихиды.

⁶³ Там же. Прил. С. 442.

⁶⁴ Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Библиографический справочник. / Отв. состав. В. М. Шабанов. М., 2004. С. 392–393.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 29. Л. 1.

Был подготовлен приказ по военно-учебным заведениям, посвященный славной памяти великого князя, и направлены статьи в «Педагогический сборник» и «Русский инвалид». Для участия в погребении тела в Бозе почившего великого князя Константина Константиновича были вызваны депутации⁶⁶ от Пажеского Е. И. В. корпуса и от кадетских корпусов, где учились его сыновья: Первого, 1-го Московского, Полоцкого, Петровского Полтавского, Нижегородского Аракчеевского и Орловского Бахтина кадетских корпусов, а также от всех военно-учебных заведений, где великий князь числился в списках.

После известия о кончине великого князя в Казанском соборе была отслужена панихида. Собор, как сообщает «Летопись войны», «...был переполнен молящимися. За придворными мундирами стояло море бойцов-офицеров: больные и раненые, под руку с сестрами и санитарями, они набрали сил, чтобы помолиться об успокоении того, кто оставил в их сердце такой яркий светлый след. Тяжелым вздохом ответила вся Россия и армия на весть о смерти великого князя»⁶⁷.

У великой княгини Елизавете Маврикиевне было испрошено разрешение чинам ведомства отслужить у гроба великого князя панихиду, которая была назначена в Павловском дворце на пятницу 5 июня в 6 часов вечера.

6 июня роты почетного караула от Санкт-Петербургских кадетских корпусов и военных училищ, и депутатий от 1-го Московского, Полоцкого, Петровского Полтавского, Нижегородского Аракчеевского и Орловского Бахтина кадетских корпусов сопровождали гроб с телом усопшего великого князя Константина Константиновича от Павловска по улицам и набережным Санкт-Петербурга: по Загородному проспекту, Гороховой улице, набережной левого берега реки

⁶⁶ В составе директора или инспектора классов, ротного командира и трех кадет.

⁶⁷ Летопись войны. 1914–1915 гг. № 43. С. 683.

Фонтанки, набережной Принца Петра Ольденбургского и Дворцовой набережной, вдоль Летнего сада, через Троицкий мост и Иоанновские ворота в Петропавловскую крепость. Погребение великого князя состоялось 8 июля в великокняжеской усыпальнице⁶⁸.

В 9-й, 20-й, 40-й дни, в его день рождения 10 августа, в полугодие (2 декабря), в день тезоименитства 21 мая 1916 г. и в годовщину со дня кончины великого князя Константина Константиновича в 3 часа в Петропавловском соборе в присутствии чинов Главного управления военно-учебных заведений и deputаций от санкт-петербургских кадетских корпусов и военных училищ служились панихиды.

30 июня 1915 г. «...последовало высочайшее повеление на незачемещение должности генерал-инспектора военно-учебных заведений»; все чины его Управления были причислены к ГУВУЗу⁶⁹.

По духовному завещанию великого князя Константина Константиновича, утвержденному 5 октября 1912 г., капитал в 82 400 рублей, названный им «Константиновским», который был составлен из содержания, получаемого им по должности главного начальника и генерал-инспектора военно-учебных заведений, должен был быть направлен в ГУВУЗ, для пособий нуждающимся офицерам, служащим и их семьям Главного управления и Управления генерал-инспектора, а также воспитанникам военно-учебных заведений. В своем духовном завещании великий князь также распорядился, чтобы Главному управлению военно-учебных заведений поступили «...пакеты с бумагами, касающимися этого учреждения

⁶⁸ Для отдания воинских почестей и участия в печальном шествии от военно-учебных заведений были назначены: от Пажеского Е. И. В. корпуса — полурота, от всех кадетских корпусов «сборная» рота, от Павловского военного училища — 3, от Владимирского и Николаевского инженерного военного училища по 2 роты.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 29. Л. 81, 96 об.

РГВИА. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 62. Л. 12.

и адрес, полученный от него в 25-летие моей литературной деятельности (1882–1907). Тому же Главному управлению отказываю различные фотографии и группы, имеющие к нему отношение. Военно-учебным заведениям завещаю альбомы, группы, художественные программы концертов и прочие предметы, имеющие к ним отношения, каждому соответственно»⁷⁰.

Из Манифеста императора Николая II о кончине великого князя Константина Константиновича 2 июня 1915 г.: «Покойный Великий Князь Константин Константинович посвятил свою жизнь отечественной науке и положил много труда и забот по высшему руководству делом военного образования юношества, давшего столь доблестный состав офицеров, геройские подвиги коих в настоящую войну навсегда запечатлеются в истории русской армии»⁷¹.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 79. Л. 3–3 об. В должности шталмейстера Двора в Бозе почивающего Е. И. Выс. великого князя Константина Константиновича генерал-майор Н. Н. Ермолинский 18 ноября 1915 г. препроводил в ГУВУЗ: «...семь пакетов, три альбома, двадцать пять фотографических групп в рамках и два обеденных меню в рамках...» // РГВИА. Ф. 725. Оп. 49. Д. 62. Л. 1.

⁷¹ Летопись войны. 1914–1915 гг. № 43. С. 682.

А. Н. Журавская
Санкт-Петербургское городское отделение
ВОО «Всероссийское общество охраны
памятников истории и культуры»

Благотворительность в семье Константиновичей

Младший брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич вошел в историю как один из крупнейших общественных деятелей периода реформ 60-х гг. XIX в. Но, кроме всех чрезвычайно важных и значительных государственных дел, он и члены его семьи, как и все представители Дома Романовых, много сил, времени и средств отдавали на дело благотворительности.

Супругой великого князя Константина Николаевича в 1848 г. стала немецкая принцесса Александра¹, дочь Саксен-Альтенбургского² герцога Иосифа. Пожертвования Александры Иосифовны на благотворительные нужды начались уже в 1849 г. суммой, переве-

¹ 5 февраля 1848 г. был совершен обряд присоединения Александры к православной церкви и награждения ее орденом Св. Екатерины, а на следующий день — обручение. Торжество бракосочетания состоялось в соборе Зимнего Дворца 30 августа 1848 г. См. *Завьялова Л, Орлов К.* Великий князь Константин Николаевич. СПб., 2009. Л. 46–52.

² Саксен-Альтенбургское герцогство, находившееся на востоке Германии, входило в состав Германской Империи. В 1485 г. впервые эта географическая общность выделилась в особое государство, которым с 1555 г. владели представители Веттинов. В 1825 г. герцогство возглавил дед будущей русской великой княгини Александры Фридрих Саксен-Гильдбургхайзен. Ныне — округ Федеральной Германской Республики — Тюрингия.

Рис. 1. Великий князь Константин Николаевич

денной в больницу Св. Ольги для хронических больных³. И в том же 1849 г. от Александры Иосифовны начали исходить пожертвования на петербургское филармоническое общество. В течение всей своей жизни она принимала активное участие в создании русских общественных музыкальных, музыкально-педагогических, издательских и исполнительских объединений. Пожертвования эти продолжались вплоть до революции 1917 г., которая, к со-

жалению, прекратила не только частную благотворительность, но и попечение о больных и бедных.

Громадное значение имела деятельность великой княгини Александры Иосифовны в Женском Патриотическом обществе (с 1852 г.)⁴, где она сначала опекала Михайловскую школу, располо-

³ Больница Св. Ольги для хронических неизлечимых больных была основана в 1848 г. рядом со Смольным институтом благородных девиц (ул. Пролетарской диктатуры, д. 6). Существовала вплоть до революции.

⁴ Императорское Женское Патриотическое общество основано в 1812 г., в годы войны с Наполеоном для оказания помощи семьям погибших и раненых воинов, пострадавших от нашествия. Учредило «Училище сирот», «Дом трудолюбия» (впоследствии Елизаветинское училище). Сеть учебных учреждений, от гимназий до ремесленных школ, помогала детям сиротам и необеспеченным получить образование. Их матери могли работать учителя-

женную в доме Неллиса на Знаменской улице (ныне — ул. Восстания, д. 26). После смерти августейшей покровительницы великой княгини Екатерины Михайловны в 1894–1896 гг. великая княгиня Александра Иосифовна, приняв на себя ее обязанности, добилась упрочения общества через дарование ему статуса Императорского. Ее настойчивостью была оборудована церковь, освященная митрополитом Антонием в присутствии отца Иоанна Кронштадтского, и были привлечены новые жертвователи на дела общества. Попечительство великой княгини Александры о детях, о пожилых, бедных и немощных выразилось участием в деятельности Человеколюбивого общества (с 1863 г.). В 1868–1869 гг. ее попечением была организована школа для бедных девочек в Павловске, на базе которой позже возник и приют для сирот и нуждающихся в изоляции от родственников, и бесплатная столовая для неимущих, а также летняя дача.

Среди опекаемых великой княгиней были: Николаевский детский приют с училищем для калек при нем, Евангелический приют во имя Иммануила в Удельной, Александринская женская гимназия в Кронштадте, женская гимназия П. А. Макаровой, школы и училища Стрельны, Павловска, образцовый приют в память великой княгини Александры Николаевны, существовавший на Рижском проспекте.

Рис. 2. Великая княгиня Александра Иосифовна. Коллаж

ми, воспитателями, администраторами, получая не только оклад, но впоследствии и пенсию. Во главе Патриотического общества стояли женщины Императорского Дома и высшего аристократического света, что давало возможность через семейные связи энергично решать многие вопросы.

Семья Константиновичей жертвовала более полувека в отдельные образовательные учреждения, в общество обеспечения одеждой бедных Кронштадта и Колпино, в общество обеспечения рабочих Петербурга дешевым жильем. Были приобретены акции построения доступного жилья для нуждающихся, а процент от акций шел в пользу общества. Это дело было начато при жизни Александры Иосифовны и продолжалось по ее завещанию ее наследниками вплоть до революции.

Интересно ознакомиться с созданием и деятельностью «Стрельнинского братства во имя ближнего», отчеты которого ежегодно публиковались⁵. В Стрельнинском приемном покое содержались 31 человек, расход 5 769 рублей. Усиленный лазарет лейб-гвардии Конного полка был освящен 21 сентября 1877 г. архимандритом Троице-Сергиевой пустыни Игнатием (Малышевым). Средства в количестве 4 557 рублей были израсходованы и на лазарет, и на амбулаторию. Средства пошли и на два лазарета в Александро-Невской лавре, в Троице-Сергиевой пустыни, в Калининском Морском госпитале⁶.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. при российском Министерстве иностранных дел был образован Комитет Общества Красного Креста, в задачи которого входило снабжение фронтовых лазаретов одеждой, бельем, обувью, перевязочными материалами и различным необходимым имуществом. После заключения мира в 1878 г. Александра Иосифовна не оставила деятельности в Красном Кресте. Оставшиеся средства в виде капиталов, собранных медикаментов и оборудования, белья и одежды поступили

⁵ См.: Ганф Т. И. Благотворительность великого князя Дмитрия Константиновича. Константиновский дворцово-парковый ансамбль в Стрельне. Сб. статей. СПб., 2006.

⁶ См.: Отчет о деятельности учреждений Красного Креста, состоящих в распоряжении Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны с июня по 31 декабря 1877. СПб., 1878.

для помощи калек, пострадавших в войну. Лазарет в помещении лейб-гвардии Финляндского полка, подшефного великому князю Константину Николаевичу, для раненых под Горным Дубняком на 15 офицеров обслуживался сестрами Покровской общины⁷. Великая княгиня Александра Иосифовна, организовав этот лазарет, поддерживала его до своей кончины. По ее завещанию в 1911–1917 гг. усиленный лазарет лейб-гвардии Финляндского полка опекали ее дети.

В 1879 г. был создан Отдел попечения о раненых и больных воинах, получивших увечья во время русско-турецкой войны. В 1881 г. Отдел был переименован в Александровскую общину сестер милосердия Красного Креста. В 1881 г. Александра Иосифовна берет под свое покровительство бесплатную лечебницу для бедных больных в Москве в память 25-летия царствования Императора Александра Николаевича, учрежденную военными врачами. В лечебном учреждении ежедневно работали 42 врача. Только за 1881 г. было принято более 25 000 больных, выдано бесплатно лекарств на 11 000 рецептов. В 1886 г. эту бесплатную лечебницу военных врачей в Москве присоединяют к числу клинических установлений Императорского университета, так как «лечебница, помимо своей прямой обязанности — облегчать страдания бедных больных, призвана будет служить великой цели — посылить способствовать молодому поколению

⁷ Покровская община сестер милосердия была учреждена в 1859 г. в Петербурге великой княгиней Александрой Петровной. Согласно уставу (1861 г.) целью общины являлось «попечение о приходящих больных, подготовка опытных сестер милосердия и воспитание бедных и бесприютных детей» // Citywalls.ru. [Электронный ресурс] URL: <https://www.citywalls.ru/house145.html?s=ngcknamqnc17ms2qferjkeeks2> (дата обращения: 09.11.2022).

Официально Покровская община прекратила свое существование в 1918 г., после издания большевиками декрета об отделении церкви от государства. 22 апреля 1920 г. в помещениях Общины открылась Гаванская общедоступная больница.

медиков в приобретении и расширении научных медицинских познаний». Новое здание для бесплатной лечебницы заложено 19 июля 1891 г., и Александра Иосифовна пожаловала деньги «из собственных сумм на устройство в лечебнице библиотеки». Она постоянно следила за всеми успехами, помогала преодолевать трудности роста, представляла к заслуженным наградам безмездных тружеников-врачей. И хотя эта лечебница не входила в Российское общество Красного Креста (РОКК), но имела громадное значение в подготовке лечебных кадров на случай военных действий⁸. Великая княгиня Александра Иосифовна приняла активное участие в деятельности Российского Красного креста, став вместе с мужем основателем этого общества. С самого начала войны 1877–1878 гг. в Мраморном, Павловском и Стрельнинском дворцах был организован склад, где иногда ежедневно трудились до 800 человек, собирая необходимое для армии белье, медикаменты, продукты, деньги. Шилось необходимое белье, сортировалось, упаковывалось и складировалось. На великокняжеском поезде великой княгини, переоборудованном в передвижной лазарет, все доставлялось к местам боев, откуда забирались больные и раненые для перевозки в тыл. С окончанием войны склад и оставшиеся средства были употреблены для создания Александровского комитета⁹, который через два года стал общиной сестер милосердия РОКК. Община сестер милосердия, для которой в начале XX в. были построены несколько зданий на Бронницкой улице, д. 9 и д. 11, систематически публиковала отчеты, знакомящие с бюджетом, лечебной, научной

⁸ См.: Отчет бесплатной лечебницы военных врачей в Москве. М., 1887.

⁹ Александровский комитет о раненых, находившийся в ведении Военного министерства, был основан Александром 1 в годы войны с Наполеоном, для оказания помощи раненым и их семьям. Председателем комитета был военный министр, членами – все командующие войсками в военных округах и генерал-губернаторы. В 1901 г. для него было построено здание на Кирочной ул., д. 4. Большую помощь в деятельности этого комитета оказывало активное участие жен, дочерей высших военных чинов.

и общественной деятельности общины. Великая княгиня Александра Иосифовна приняла и Общину под свое покровительство. В Уставе говорилось, что «Община имеет целью христианское служение страждущим, подготовку сестер для подаяния помощи больным и раненым в военное время в госпиталях, войсковых лазаретах и на перевязочных пунктах, а в мирное время уход за больными в госпиталях, больницах, лечебницах и в частных домах»¹⁰. Однако для подготовки сестер к работе в военных условиях требовалась практика. Была организована больница на 12 мест для хирургических больных и хирургическая амбулатория лечебницы. Открытие больницы состоялось 29 ноября 1881 г. 5 мест из 12 были бесплатными, так же, как и прием в амбулатории, и некоторые лекарства в аптеке¹¹. Александровская община сестер милосердия расширяла свою деятельность, используя как лечебную базу, находившуюся по соседству Обуховскую больницу (ныне — клиники ВМА). В 1901 г. было построено новое терапевтическое отделение при больнице Александровской общины сестер милосердия Красного Креста¹².

Великая княгиня Александра Иосифовна из своих личных средств на протяжении всей жизни помогала раненым, бывшим сестрам милосердия¹³. С июня до конца 1877 г., как говорится в Отчете

¹⁰ «Устав Александровской общины сестер Красного креста, состоящей под покровительством Ея Императорского Высочества государыни Великой княгини Александры Иосифовны»: (утвержден Министром внутренних дел, 12 апреля 1882 года). СПб, 1882.

¹¹ См.: Отчет о деятельности Комитета Александровской общины сестер Красного Креста за 1883 г.

¹² См.: Отчет Состоящей под Августейшим покровительством Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александры Иосифовны Александровской Общины сестер милосердия Общества Красного Креста за 1901 г.

¹³ См.: РГИА. Ф. 537. Оп.1. Д. 5776. «Переписка о назначении сестре милосердия Е. Беликовой, санитарке в Крымскую кампанию, пенсии». Прил. 2, Прил. 4.

о деятельности учреждений Красного Креста, великая княгиня Александра Иосифовна участвовала в устройстве складов для приема пожертвований, в организации работ добровольных тружениц, в составлении санитарного поезда, в открытии отделений для раненых в Евангелической больнице и казармах лейб-гвардии Финляндского полка, в устройстве санитарных повозок и в других мероприятиях на пользу раненых и больных воинов. Три склада были организованы в Павловском дворце, Стрельнинском дворце и в Мраморном дворце¹⁴. Не забывала Александра Иосифовна и Кронштадт, где была организована община сестер милосердия в 1877 г. В том же году она стала Августейшей покровительницей Кронштадтской общины сестер милосердия, одной из самых деятельных общин России¹⁵.

Частные случаи благотворительности невозможно даже коротко перечислить, хотя на первый взгляд, великая княгиня строго подходила к возможности получения денег по первой просьбе. Но она не оставляла без внимательного разбора ни одного письма, добиваясь либо назначения нуждающихся на службу, либо помещения детей в учебные заведения на казенный счет, либо больных — в лечебницы. Тут и сироты погибших лоцманов, и вдовы офицеров, и потерявшие здоровье ее бывшие сотрудники (сестра милосердия, кормилица ее детей, служащие в штате мужа), погорельцы и претерпевшие землетрясение в Греции в 1894 г., воины, раны которых дали о себе знать спустя долгие годы, осиротевшие дети или потерявшие детей-кормильцев старики¹⁶.

¹⁴ Отчет о деятельности учреждений Красного Креста, состоящих в распоряжении Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны с июня по 31 декабря 1877 г.

¹⁵ См.: РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 778. Отчет Кронштадтской Александровской больницы за 1891 г.

¹⁶ См.: РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 105.

Маленькая великая княжна Ольга Константиновна могла наблюдать, как ее мать, великая княгиня Александра Иосифовна, ухаживала за ранеными солдатами в госпитале во время Польского восстания 1863 г.¹⁷ Добрая душа девочки немедленно отзывалась — и вызвала сильное чувство сострадания, которое Ольга запомнила на всю жизнь. Став в юные годы королевой эллинов, Ольга¹⁸ почти сразу занялась делами благотворительности в своем маленьком греческом королевстве.

Юная королева всегда откликалась на просьбы о помощи, благо любимый отец имел возможность помочь первым шагам Ольги в качестве покровительницы греков. В годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Греция по-

Рис. 3. Королева эллинов Ольга (Константиновна)

¹⁷ Великий князь Константин Николаевич был наместником Царства Польского с 27 мая 1862 по 19 октября 1863 гг.

¹⁸ Ольга Константиновна (1851–1926), великая княгиня, дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны, с 1876 г. супруга короля Греции Георга I.

сле долгих размышлений в последнюю минуту также вступила в войну, молодой 27-летней королеве пришлось много времени проводить вне дворца и семьи, работая по утрам с приближенными дамами на Красный Крест: они шили простыни, заготавливали корпию¹⁹ и бинты для раненых. Именно в 1878 г. Ольга сначала робко, а потом всерьез занялась работой с ранеными и больными и на всю жизнь увлеклась медициной²⁰. Ольга всегда интересовалась жизнью простых греков, а во время многочисленных разъездов по Греции она открывала для себя многие, неизвестные ей ранее стороны жизни народа, очень ему сочувствовала и пыталась всеми силами помочь. С годами Ольга Константиновна возглавила в Греции «госпитальное движение», то есть движение в поддержку раненых, руководила всеми делами греческого Красного Креста²¹. В письмах Ольги Константиновны, особенно к брату Константину, подробно описывается ее филантропическая деятельность по строительству больниц, церквей, детской и женской тюрем, приютов для сирот-младенцев, дома для инвалидов и многое другое. Свою общественную деятельность Ольга начала с создания Женского собрания, куда вошли девушки и женщины из лучших греческих семей. Королева взяла под свое покровительство процесс женского воспитания и образования, создание школ сестер милосердия в Греции. На свои деньги она давала образование малоимущим гречанкам, а молодых людей посылала в лучшие военные и морские учебные заведения России. По ее инициативе были возведены также новые православные храмы и многочисленные часовни; уже существующие храмы были укра-

¹⁹ Корпия — это нащипанные из старой полотняной ткани нитки, употреблявшиеся в качестве перевязочного материала, вместо ваты.

²⁰ См. *Соколовская О. В.* Греческая королева Ольга Константиновна. «Под молотом судьбы». М., 2011.

²¹ *Соколовская О. В.* Роль греческой королевы Ольги в переводе Евангелия на новогреческий язык в 1901 г. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений века. СПб., 2002. С. 213.

шены превосходными иконами и иконостасами, присланными из России; многие священнослужители получали образование в российских духовных семинариях. Ольга Константиновна за свою жизнь сделала так много добрых дел, что перечислить все в одной статье было бы невозможно. Ее жизнь, полная искреннего стремления помогать окружающим, не жалуясь ни на какие собственные потери, может быть примером для многих.

Очень значительной была благотворительная деятельность сына Константина Николаевича — великого князя Константина Константиновича, его жены Елизаветы Маврикиевны и их сыновей. Они стали инициаторами создания благотворительного комитета, получившего название «Комитет Мраморного Дворца». К началу 1914 г. статус обществ, находившихся под покровительством великокняжеских особ, не был регламентирован. Фактически он означал возможность личного родственного обращения к императору, личных финансовых вложений. Чтобы помочь этим обществам, существовали различные льготы, например, право бесплатной пересылки почты, опубликование объявлений в газетах. К началу 1900-х гг. под покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны состояло общество попечения о бедных и больных детях — Синий крест, образованный в 1882 г., отделы которого находились на рабочих окраинах Санкт-Петербурга, а также Александровский детский приют для девочек из бедных семей (образован в 1885 г. при Общине пособия бедным женщинам), состоявший под покровительством императрицы Марии Фёдоровны. Почетным попечителем приюта был отец Иоанн Кронштадтский.

Сам великий князь Константин Константинович, бесспорно, был одной из самых примечательных фигур среди великих князей. Командир Преображенского полка, генерал-инспектор военных училищ, учредитель высших женских курсов в Санкт-Петербурге, с 1889 г. — президент Императорской Академии Наук. «Он всегда держался в стороне от Большого Двора, где не было никого, кто раз-

Рис. 4. Великий князь Константин Константинович

делял бы его взгляды и вкусы», — вспоминал о великом князе начальник дворцовой канцелярии А. А. Мосолов²².

Константин Константинович принимал непосредственное участие в открытии и работе многих библиотек, музеев, архивов²³. Именно его стараниями был открыт Пушкинский дом (ныне Институт русской литературы Российской академии наук — ИРЛИ РАН). В сферу его интересов входила музыка и поэзия, его произведения подписывались псевдонимом К. Р. Великий князь

участвовал и в «деле об издании произведений Л. Н. Толстого», и в покупке Ясной Поляны²⁴. Константин Константинович был православным, глубоко верующим человеком. В том же духе были воспитаны и его дети. «В молельной у отца, в Мраморном дворце, между кабинетом и коридором висело много образов и всегда теплилась лампадка. Каждый день приносили в молельню из нашей домовой

²² Мосолов А. А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии 1900–1916. М., 2006. С. 87.

²³ Муратов А. Б. Предисловие / К. Р. Времена года. Избранное. СПб., 1991. С. 2.

²⁴ Богданович А. В. Три последних самодержца. Пг., 1924. С. 488.

церкви икону того святого, чей был день», — вспоминал один из его сыновей²⁵.

Огромные средства на благотворительные цели тратил из своих личных доходов младший сын Константина Николаевича — Дмитрий. Генерал А. А. Мосолов²⁶ вспоминал: «Однажды великий князь поручил мне передать довольно значительную сумму на поддержание бедной церкви в деревне, через которую мы проезжали. Я ему заметил: при таких щедрых дарах, Вам, пожалуй, не хватит ваших удельных доходов». «Удельные деньги нам даются не для того, чтобы мы на них сибаритничали, а для поддержа-

Рис. 5. Великий князь Дмитрий Константинович

ли престижа широкой помощью и добрыми делами», — ответил на это Дмитрий²⁷.

В 1892 г. скончался глава семьи великий князь Константин Николаевич. По его духовному завещанию имение Ореанда в Крыму должен был наследовать младший сын Дмитрий. Но уже в 1894 г. Дмитрий Константинович продает Ореанду императору Александру III, который купил ее для цесаревича Николая Александровича.

²⁵ Великий князь Гавриил Константинович в Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 10.

²⁶ Генерал-лейтенант Александр Александрович Мосолов (1854–?) служил в конном лейб-гвардии полку, главный пост своей жизни — начальник канцелярии Министерства императорского двора — занял в марте 1900 г., с весны 1916 г. стал посланником в Румынии. С 1933 г. жил в Болгарии, где и написал свои мемуары.

²⁷ При дворе императора. Ген. А. Мосолов б. Начальник Канцелярии Министерства Императорского двора. Рига, 1938. С. 66–67.

В это время в имении было уже 303 десятины земли, и оно вошло в состав Ливадийского имения. Дмитрию Константиновичу были очень нужны деньги. Он с детства увлекался лошадьми, и это увлечение со временем переросло в дело его всей жизни. В 1888 г. он купил в Миргородском уезде Полтавской губернии у с. Дубровка 3 000 десятин земли и построил там на собственные средства частный конный завод. Он мечтал создать питомник русских пород верховых и рысистых лошадей, развести мелких тяжеловозов, чтобы улучшить крестьянских лошадей, которые в мирное время работали в поле, а в военное обслуживали обозы и артиллерию. Все это требовало очень больших денежных средств. И он пожертвовал Ореандой. «Мечтой великого князя было воскресить орловско-ростопчинскую породу лошадей, постепенно улучшая ее подбором и воспитанием. Достигнутые им результаты были действительно поразительны. <...> После обеда Дмитрий Константинович принес проект своего духовного завещания, и мы до поздней ночи обдумывали, как упрочить будущность завода, в который великий князь вложил и все свое состояние, и всю свою немалую энергию. Было решено, что его высочество еще раз позовет меня, чтобы, до представления завещания на утверждение государю, окончательно решить вопрос о заводе. Вскоре началась война, а за нею последовала революция. <...> Дубровский завод был разграблен, жеребым кобылам вспороли животы, как и на заводе князя Владимира Орлова. Сам же великий князь был расстрелян в Петропавловской крепости 15 января 1919 г. вместе с великими князьями Павлом Александровичем и Николаем Михайловичем. Особенно жаль такого хорошего человека и жаль гибели умело созданного им серьезного государственного начинания»²⁸.

С началом Первой мировой войны пятеро сыновей Константина Константиновича отправились на фронт. «Мы все пятеро братьев

²⁸ При дворе императора. Ген. А. Мосолов б. Начальник Канцелярии Министерства Императорского двора. Рига, 1938. С. 67.

идем на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчеркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы Константиновичи, все впятером на войне»²⁹. Судьба Олега Константиновича сложилась трагически, он был смертельно ранен в самом начале войны 21 сентября 1914 г. и скончался в госпитале в г. Вильно³⁰. Его письма к отцу, бережно хранили в семейном архиве, выдержки из них приведены в воспоминаниях его брата Гавриила Константиновича. Олег Константинович пишет о самых простых вещах, которые составляли особый мир солдата, являлись для него бесценным знаком внимания и заботы от тех, которые любили и помнили о нем на родине. «Не знаю, как и благодарить Вас, наши милые, — пишет он, — за все, что Вы для нас делаете. Вы себе не можете представить, какая радость бывает у нас, когда приходят сюда посылки с теплыми вещами и разной едой. Все моментально делится, потому что каждому стыдно забрать больше, чем другому, офицеры трогательны. К сожалению, только многие забывают, что нас много и потому какая-нибудь тысяча папирос расхватывается в одну минуту и расходуется очень, очень скоро. Надо посылать много. У солдат нет табака, папирос, на что они часто жалуются: „Вот бы табачку али папирос!“»³¹

С первых же дней войны все великие князья приступили к активной деятельности по сбору пожертвований, вещей и медикаментов для нужд военного времени, а также к организации помощи раненым и увечным воинам. 9 сентября 1914 г. в газете «Новое время» появилась заметка о присвоении подвижному лазарету, снаряженному на средства «Их Императорских Высочеств Великих Князей Константина

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ Сейчас это столица Литвы — город Вильнюс.

³¹ Великий князь Гавриил Константинович в Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 156.

Рис. 6. Князь крови императорской
Олег Константинович

Константиновича и Елизаветы Маврикиевны и августейшей семьи наименование „Лазарет Мраморного Дворца”»³². В Павловске был открыт лазарет № 2 для оказания помощи раненым и их семьям, находившийся под покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны³³.

Источниками финансирования госпиталя и Комитета Мраморного Дворца явилась активная помощь со стороны разных общественных сил, прежде всего, русской буржуазии. Двад-

цать квитанционных книжек для сбора пожертвований было отправлено на имя Московского купеческого банка 19 августа 1914 г.³⁴. Комитет Мраморного Дворца использовал и льготы, которые предоставлялись ему в силу высочайшего покровительства, в частности, бесплатное размещение афиш, на фасадах дворца, выходящих к Неве и Миллионной улице, реклама в газете «Новое время». Комитету обеспечивался и бесплатный провоз грузов³⁵.

Также в пожертвованиях для фронта участвовал и действительный статский советник, крупный промышленник Э. Л. Нобель,

³² Там же. С. 180.

³³ Новое время. 1914. 9(22) сентября.

³⁴ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 263.

³⁵ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 259. Л. 55.

внесший крупную сумму денег — 15 000 рублей³⁶. В содержании кроватей лазарета участвовали крупнейшие банки России: Торгово-промышленный, Московский купеческий банк, Русско-Азиатский, Азовско-Донской Коммерческий, Петроградский учетный и ссудный банк, каждый из которых выделил по 1 500 рублей³⁷. В сентябре 1914 г. в помощь фронту проходила бесприкрытая потеря, в которой участвовал известный часовой дом Павла Буре³⁸. Сумму в 500 рублей пожертвовал и крупнейший ювелирный дом Российской империи Карла Фаберже. Сам ювелир обратил внимание высочайших покровителей комитета на то обстоятельство, что оказывал помощь «семьям призванных на войну (сто человек)», поэтому, сумма оказалась не такой большой³⁹. Таким образом, можно судить не только о глубине патриотических чувств, затронувших самые разные сословия Российской империи, но и о серьезном финансировании учреждений, находящихся под высочайшим покровительством великих князей Константиновичей.

Таким образом, в деятельности комитета сохранялись и традиционные для начала XX в. направления, так как во главе комитета стояли великие князья. Однако, нельзя забывать и стремление общества помочь воинам в период войны. Деятельность рядовых участников комитета — от дьякона церкви Павловского дворца до служащих дворницкой команды и воспитанников военно-учебных заведений была бескорыстной и искренней⁴⁰. Но, безусловно, вклад в благотворительную деятельность членов царской семьи и, в том числе, ее ветви Константиновичей был весьма значительным, так как благодаря высокому положению они могли гораздо быстрее

³⁶ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 265. Л. 1.

³⁷ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 264. Л. 1.

³⁸ Там же. Л. 1 об.

³⁹ Там же. Л. 20.

⁴⁰ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 266. Л. 69, 70.

и успешнее решать проблемы этой деятельности. К сожалению, эта их огромная работа была незаслуженно забыта в годы советской власти, что привело к перекосу в оценке деятельности членов семьи Дома Романовых, которых представляли только как нахлебников, сидящих на шее у народа и тратающих, как считалось, народные деньги на развлечения. Сейчас возвращается эта благородная деятельность, благодаря которой не только осуществляется помощь нуждающимся, но и воспитывается соучастие и сострадание — важные составляющие духовного мира человека.

М. В. Запорина
*Музей семьи великого князя
Константина Константиновича,
с. Осташёво Волоколамского
городского округа Московской области*

«Итак, я стал московским дворянином»

Сын великого князя Константина Николаевича, великий князь Константин Константинович, в 1903 г. принял решение купить имение в подмосковной глубинке, чтобы поправить здоровье и отдохнуть от суеты придворной жизни.

В дневнике великого князя Константина Константиновича читаем запись от 20 июня 1902 г. (Стрельна): «Мне доктора объявили, что и по выздоровлении я должен очень остерегаться усиленных умственных занятий и усталости. Я мечтал, что удастся найти имение где-нибудь в средних губерниях, поселиться там на лето и, если понравится, приобрести в собственность. Предлагали много имений в губерниях Тульской, Орловской и Калужской; туда посылали нашего архитектора Дм[итрия] Дм[итриевича] Зайцева, в одно из них ездила и наша Татиана Вас[ильевна] Олсуфьева; но ничего вполне подходящего не нашлось»¹. Усадьба Осташёво приглянулась ему, поскольку была образцовой в хозяйственном отношении, весьма удаленной от Москвы и достаточно просторной для проживания его многочисленной семьи.

28 августа 1903 г. в дневнике Константина Константиновича мы находим сообщение о том, что он уже «подписал купчую крепость

¹ Там же. С. 51–52.

и запродажную запись на покупку Осташева... Итак, я стал московским дворянином».² За месяц до этого события великий князь познакомился с именем лично. Подробно описав свои впечатления, он восхищался образцовым порядком везде: в прекрасной конюшне, «в сарае полном всевозможных экипажей», во всем доме, в конторе, сараях, амбарах, рабочей конюшне...», на хуторе Успенском, «где прекрасный скотный двор»³.

Удачная покупка имения, умноженная на труды новых владельцев, стала приносить стабильный рост дохода, что позволило вкладывать средства в улучшение быта работников и сельчан, в механизацию скотных дворов, в приобретение нового передового оборудования для сельскохозяйственных работ, для обработки древесины, для молочной продукции.

Уже в следующем, 1904 г., письма сыновей великого князя из Осташёва наполнены рассказами об их участии в работе по хозяйству. Десятилетний Игорь пишет отцу: «Осташево. 22 июля 1904 г. Дорогой Пусь! Петьку я видел всего один раз, когда мы возили сено. Мы сидели в одном возу. Он сын старосты из д. Жулино. Ему 13 лет, собой похож на Иркутского шалопая, очень застенчив и боится щекотки так, что даже с воза хотел спрыгнуть. — Твоя карточка мне очень понравилась. — Наши баранчики очень миленькие: так и бегают за нами. Обнимаю Тебя и всех. Твой Игорь»⁴. 7 августа этого же года Константин пишет отцу: «Вчера, после обедни, был совершен по полям крестный ход. В этом крестном ходе принимали участие и мы, нося каждый по иконе. Крестный ход двигался кругом всего Осташева, причем за это время было отслужено шесть молебнов: четыре в поле и два в овинах. После одного из

² Там же. С. 381.

³ Там же. С. 363.

⁴ Князь императорской крови Игорь Константинович. 1894–1918 гг.: Биография и документы / Сост., автор пред., коммент. и биограф. справочн. Т. А. Лобашкова. М., 2014. С. 133.

молебнов батюшка взял зерно и стал сеять его по полю. Этот обычай мне очень понравился»⁵.

Всякое дело, любая работа всегда начинались с молитвы. Четырнадцатилетний юноша со своими братьями привык ответственно относиться к традициям: он участвует в крестном ходе, в молебнах с сельчанами перед сбором урожая. Великокняжеская семья с готовностью включается в повседневные трудовые будни. Жизнь юных князей и в деревне была размеренной, подчиненной определенному распорядку.

В середине июня 1909 г. великий князь Константин Константинович с сыновьями Олегом и Игорем несколько дней провели в Полтаве на торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы. «После окончания торжеств князя, украшенные юбилейными медалями, вернулись в свое любимое Осташево. Началась снова мирная деревенская жизнь: вставали и ложились рано, целые дни проводили на воздухе, устраивали пикники, ловили рыбу, ездили верхом, принимали деятельное участие в полевых работах»⁶. А 30 августа этого же года в дневнике хозяина усадьбы мы находим запись: «Олег и Игорь так полюбили Осташево, так втянулись в деревенскую жизнь и привязались к сельским учителям, что отъезд отсюда для них горе»⁷.

Главным направлением хозяйства в имении было молочное животноводство. Скотные дворы Константиновичами были отремонтированы и механизированы, проложены рельсы и ходили вагонетки. В дневнике читаем: «1909 г. Суббота. [22 августа]. (23 авг[уста]).

⁵ Там же. С. 51–52.

⁶ Князь Олег. Репринтное воспроизведение издания 1915 года с добавлением вступных и сопроводительных материалов. Казань, 1995. С. 85.

⁷ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. / Сост., автор пред., коммент. и биограф. справочн. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 139.

Утро провел с докторами и Ермолинским⁸ на Успенском хуторе, где у нас молочное хозяйство. Благодаря порядкам, введенным Кербером⁹, молока теперь получается втрое больше, чем в прошлом году. Заведено и свиноводство»¹⁰.

К концу 1911 г. имение уже окупается доходами с молока, в 1912 г. молока было продано более чем на 13 000 рублей, не считая очень большого количества молока, которое пошло в этом году на дом. В связи с этим, приобретается оборудование для переработки молочной продукции.

В 1912 г. семья все лето проводит в Осташёве. Вот выдержки из дневника великого князя этого периода, красноречиво свидетельствующие о том, как полюбилась деревенская жизнь Константиновичам, как деятельно участвовали они в хозяйственных делах. «Понедельн<ик>. 25 июня. Игорь здесь хозяйничает и весьма толково распоряжается»¹¹. «Среда. 27 [июня] Стало теплее; день был приятный. Ездил с Бор. Герингом¹² и Игорем на Успенский хутор, где стоит

⁸ Ермолинский Николай Николаевич — генерал-майор, был адъютантом, а затем шталмейстером двора великого князя Николая Николаевича, занимал должность шталмейстера двора великой княгини Елизаветы Маврикиевны, воспитатель князей Олега и Игоря Константиновичей. Он был новатором и проводил свои взгляды в их воспитании и образовании. Что касается воспитания, то он считал, что они должны быть самостоятельнее. Благодаря его внушениям Олег решил получить гражданское образование в Александровском лицее.

⁹ Кербер Оскар Борисович — в то время управляющий имением Осташёво.

¹⁰ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. / Сост., автор пред., коммент. и биограф. справочн. Т. А. Лобашкова. М., 2015. С. 135.

¹¹ Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 / Отв. ред., сост., автор вступ. ст. В. М. Хрусталеv; коммент., словарь ист. лиц В. М. Хрусталеv, В. П. Кочетов. М., 2013. С. 187.

¹² Геринг Борис Эдуардович — в это время управляющий имением Осташёво.

наше главное стадо, 150 голов»¹³. «Понеделнь<ик>. 16 июля (17-20.) Чудные, теплые дни. „Хлеба дозревают на воле“; и они, и травы уродились прекрасно»¹⁴. «Вторник. 24 [июля] <...> Начали жать. Работали три машины жнейки. На двух из них ездили Олег и Игорь»¹⁵. «Пятница. 3 августа. (4-20.) Всю ночь лило. Дул сильный ветер, похолодало, развело грязь. — Кончилась жатва. Вечером жнецы и жницы пришли с двумя венками из спелых колосьев поздравлять»¹⁶. «Суббота. 4 [августа] <...> Всем обществом были близ Успенского хутора на молотьебе. Большая паровая машина и молотит, и сортирует зерна, отбрасывает солому»¹⁷. «Понеделник. 6 [августа] (Осташёво. 8 авг.) Был молебен с водосвятием в амбаре для благословения семян перед началом посева. Между закромами проход с дверью в конце, выходящей на загороженное место, где пасутся лошади. Чую запах зерна, они подходили к двери и совали головы в проход, точно притянутые молебном». «Вторник. 7 [августа] Начался посев. Сеют сеялками и сейчас же потом боронят. Ходил на эту работу. Почти всех рабочих знаю по имени <...>»¹⁸.

Новые хозяева Осташёва выращивали овес и пшеницу. Луга давали богатый качественный сенаж. Для хозяйства приобретались косилки, жнейки, сеялки, паровые машины для молотьебы. Было налажено огородничество, яблоневое садоводство, ягодники, в оранжереях высаживались карликовые фруктовые деревья, сортовые цветы, редкие овощные культуры. Успешно развивалось птицеводство, пчеловодство. Игорем и Олегом уделялись особое внимание и деятельная работа по разведению породистых собак.

¹³ Там же. С. 187.

¹⁴ Там же. С. 193.

¹⁵ Там же. С. 195.

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ Там же. С. 198.

¹⁸ Там же. С. 199.

Рис. 1. Неизвестный фотограф. Здание конного двора в имении Осташёво.
Фото нач. XX в. Частное собрание

Олег продумывал строительство особого помещения — охотничьего домика для 20 собак и с помещением для собаководов. Братья вместе занимались этим делом — у них были отличные английские и ирландские сеттеры, которые, получали первые призы на выставках в Петербурге, Москве и Гельсингфорсе¹⁹.

Архитектурной достопримечательностью Осташёва до сих пор является великолепный конный двор для разведения породистых и элитных жеребцов, и маток — рысистое коннозаводство.

Для рабочих лошадей рядом отдельно были построены конюшни. Эти труды были не напрасны, так как в конце мая 1915 г. великому князю Константину Константиновичу было выдано удостоверение от Главного управления государственного коннозаводства о зачислении коннозаводчиком Московской губернии.

¹⁹ Гельсингфорс (фин. Helsinki; швед. Helsingfors), до 1926 года в русском языке использовали шведское название Гельсингфорс, позже — Гельсинки, затем — Хельсинки) — столица и крупнейший город Финляндии.

Надо сказать, что Игорь Константинович после смерти отца решил стать его преемником в деле коннозаводства и в 1915 г. обратился к Московскому губернатору с прошением о ходатайстве перед Главным управлением государственного коннозаводства о выдаче ему свидетельства о зачислении в коннозаводчики Московской губернии как владельца конского завода в Осташёве.

Владельцы имения — отец и сыновья — изучали науку лесоводства: нужна была грамотная заготовка леса, и воспроизведение лесных массивов, как они считали, тоже должно было воспроизводиться строго по науке. Приобреталось оборудование для собственной лесопилы. Для выделки древесной шерсти из осины была выписана из Бреслау (ныне Вроцлав) специальная машина, которая была первой в России. Она приносила вполне ощутимый доход²⁰:

Олег Константинович оставил в своих письмах и в неоконченной литературной работе «Сцены из моей жизни» яркие рассказы о своем увлечении охотой, о встречах и разговорах с лесничим, о консультациях со специалистами в лесном деле.

Через два года после приобретения осташёвского имения в 1905 г. в имении строится новое кирпичное здание земской школы вместо прежнего, обветшавшего деревянного. Все расходы по проектированию и строительству оплатил из личных средств великий князь Константин Константинович. Новое здание школы стало значительно удобнее и вместительнее.

²⁰ Древесная шерсть — длинная (до 50 см) тонкая стружка из дерева. В отличие от измельченной древесины — это не побочный продукт. Она изготавливается на специальных станках из чурок ровных, бездефектных стволов деревьев. При изготовлении тонкие и длинные ленточки этой древесной стружки закручиваются в локоны-спирали, напоминая завитки овечьей шерсти. Древесная шерсть является хорошим упаковочным материалом для фруктов, материалом для изготовления декоративных изделий, а также экологичной подстилкой при содержании животных.

Рис. 2. Неизвестный фотограф. Здание земской школы в с. Осташёво.
Фото 1970-х гг. Частное собрание

По данным Можайской уездной земской управы на 1906 г. 90 детей из 13 близлежащих деревень проходили обучение в здании осташёвской земской школы. Показатель посещаемости за 1905 г. в ней самый высоких среди других двадцати пяти учебных заведений земской управы. В школе имела хорошая библиотека.

Можайская уездная земская управа особенно отметила это значительное вложение в дело образования уезда. Постановлением от 28 сентября 1905 г. великому князю была принесена глубокая благодарность «за крупную помощь в деле народного образования» земству, благодаря постройке нового каменного здания училища.

Очень много августейшие хозяева усадьбы делали для благоустройства жизни крестьян имения. Были построены новые бараки для рабочих и крестьян, живших в стесненных условиях на хуторах; отстроено новое кирпичное здание для земской больницы на

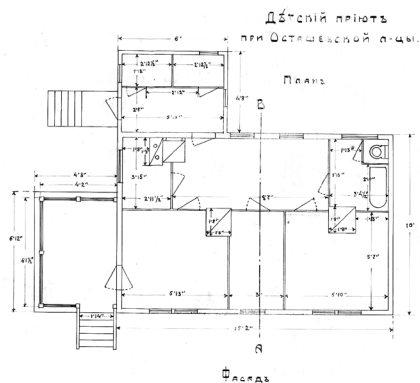
75 коек. На личные средства открыта Народная библиотека имени Павла Егоровича Кеппена²¹, устраивались праздники для детей крестьян, при непосредственном участии великой княгини Елизаветы Маврикиевны, супруги Константина Константиновича, было создано семь яслей. Из дневника Константина Константиновича: «1912 г Среда. 27 [июня]. После чаю ездили в Колышкино, я верхом. Смотрели детские ясли»²². Счета и дополнительная справка сообщают о том, что с 1 июня по 28 августа 1914 г. на довольствии было 9 144 ребенка и 1 896 человек прислуги.

Из документов мы видим, что в 1915 г. в летний период (июнь, июль и август) были отпущены продукты для яслей в с. Бражниково, дер. Жулино, дер. Ст-Колышкино (Ст-Становище), дер. Лукино, дер. Ново-Ботово, с. Осташёво, дер. Таршино.

23 августа 1912 г. в Московскую губернскую земскую управу управляющий двором великого князя Константина Константиновича в должности гофмейстера Р. Ю. Минкельде отправил уведомление о том, что великий князь Константин Константинович и великая княгиня Елизавета Маврикиевна изъявили желание устроить при осташёвской земской больнице приют для временного призрения детей, матери которых находятся на излечении в больнице, и которым не на кого оставить детей дома. Приют был построен, оснащён и успешно работал. Проект был осуществлён.

²¹ Кеппен Павел Егорович (1846–1911) — адъютант великого князя Константина Николаевича, генерал от артиллерии, управляющий делами великого князя Константина Константиновича. Занимался благотворительной деятельностью, был членом Совета детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, принимал активное участие в жизни и организации Петербургской женской гимназии и Женского педагогического института, Стрельнинской дворцовой школы садоводства, Павловского четырехклассного училища, многих других педагогических и благотворительных заведений.

²² Дневник великого князя Константина Константиновича (К. Р.): 1911–1915 / Отв. ред., сост., автор вступ. ст. В. М. Хрусталеv; коммент., словарь ист. лиц В. М. Хрусталеv, В. П. Кочетов. М., 2013. С. 187.

Разрѣзъ по А-Б.

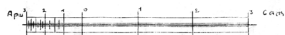
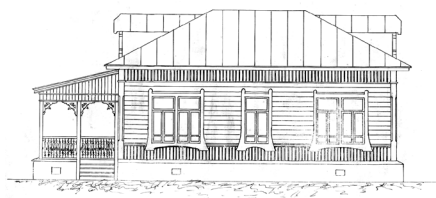
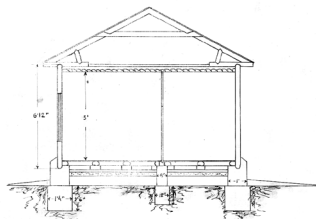

Рис. 3. Проект детского приюта при Осташёвской больнице. 1910-е гг.
РГИА Ф. 538. Оп. 1. Д. 417. Л. 9, 10 об.

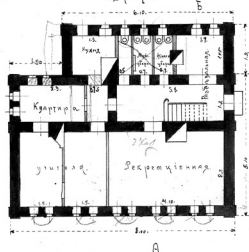
В сентябре 1911 г., на основе восьми решений сельских обществ Осташёва и прилегающих волостей было подано ходатайство в Московское губернское по земским и городским делам присутствие об открытии в Осташёве двухклассного училища и технического ремесленного училища со слесарным и столярным отделением. 23 января 1912 г. было получено уведомление, что Можайское очередное земское собрание постановило присоединиться к ходатайству крестьян Осташёвской волости об открытии в селе Осташёве двухклассного Министерского училища и технической ремесленной школы.

Пока проходило согласование этого проекта в Министерстве народного просвещения, началась Первая мировая война. Пять сыновей великого князя Константина Константиновича отправились на фронт. Гибель одного из сыновей — князя Олега и супруга княжны Татьяны Константиновны — князя Константина Багратион-Мухранского, а вскоре и кончина самого великого князя — были чередой трагических потерь в семье. Все заботы об осташёвском имении и начатых проектах в селе легли на плечи князя Игоря Константиновича.

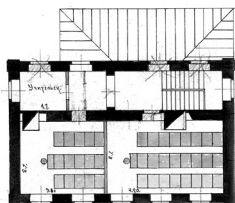
С 1915 г. начинается проектирование и строительство нового учебного здания для двухклассного училища. По приговору Осташёвского сельского схода 9 июля 1915 г. крестьяне постановили обратиться к князю Игорю с прошением стать Почетным блюстителем нового учебного заведения. Князь с радостью принял на себя звание Почетного блюстителя Министерского училища.

В иллюстрированном художественно-литературном журнале «Искры» № 28 на страницах 224–225 сообщается о том, что 6 июля 1916 г. в имении покойного великого князя Константина Константиновича Осташёве, Можайского уезда, Московской губернии, состоялась торжественная закладка здания училища Министерства народного просвещения в память умершего от ран князя Олега Константиновича.

2-классное училище М.И.А.
в с. Осташёво Можайского уезда.
1899 г.

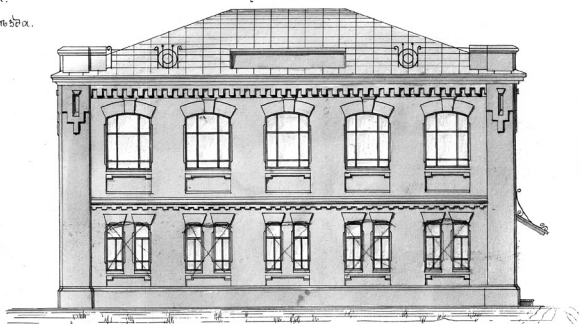

Этого.

По плану 1899 г.
для постройки в 1899 г.

ФАСАДЪ.

Разрѣзъ по АБ.

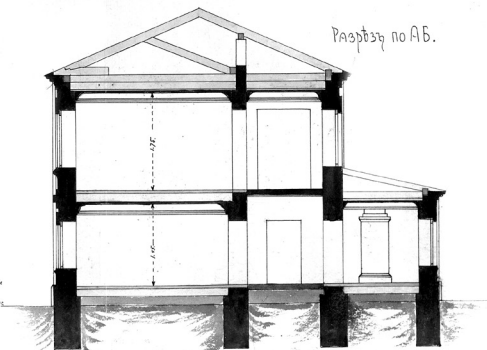

Рис. 4. Проект здания двухклассного начального училища в с. Осташёво.
ЦГА г. Москвы. Ф. 54. Оп. 182. Д. 1001. Л. 1

Как учебное заведение оно было действующим вплоть до революции, а затем уже в качестве школы работало до 2011 г.

С 1993 г. в Осташёве стали проводиться Романовские чтения. Сюда приезжали митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим, князья Романовы, потомки князя Багратиона. В здании училища силами Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» при содействии Министерства культуры Российской Федерации и Администрации Волоколамского городского округа создан Музей семьи великого князя Константина Константиновича.

Также в Осташёве сохранился старый парк с лиственницами, соснами и липами. Администрация Волоколамска и историки-энтузиасты не оставляют без внимания это историческое место. Музей включен в Национальный туристический проект «Императорский маршрут».

**Земские врачи с. Осташёво — Дора Семеновна Таубер
и Абрам Павлович Штерн**

При изучении наследия великого князя Константина Константиновича и его семьи особенное место занимает история их пребывания в усадьбе Осташёво. Их вклад в развитие села, в дело образования, в дела благотворительности, деятельность по развитию благосостояния имения, литературное творчество на нашей осташёвской земле — богатые темы для изучения, которые несомненно требуют серьезных исследований.

Данная работа затрагивает небольшие эпизоды из жизни Константиновичей в Осташёво. Речь идет об общении их с земскими врачами села. Эти нечастые встречи, свидетельств о которых осталось мало, связывают, однако, события столетней давности с нашими днями, открывают интересные подробности о характере общения августейших хозяев с рабочей интеллигенцией, благотворительной деятельности августейших хозяев имения в помощи раненым в боевых действиях Первой мировой войны. Также данная статья открывает новую, еще не исследованную тему — вклад врачей в здравоохранение села, раскрывает новые биографические сведения о ярких представителях профессии врача в с. Осташёво.

В этой работе речь пойдет о Доре Семёновне Таубер и Аврааме Павловиче Штерне, врачах осташёвской земской больницы, память о которых сохранилась не только в документах, но и в народе.

Доротея Самуйловна (Семёновна) Таубер родилась в 1854 г. в г. Одессе в семье бедного мещанина. Ее брат Александр

Рис. 1. Неизвестный фотограф.
Дора Семёновна Таубер. 1920-е гг.(?).
Из личного архива автора

Семёнович Таубер, известный хирург, в своих мемуарах писал, что скромное состояние их отца позволило дать хорошее образование трем старшим детям, однако на младшую Дору мать возложила все заботы по домашнему хозяйству, что не позволяло ей посвятить себя наукам, к которым с юных лет она испытывала большой интерес. По просьбе брата Дора была предоставлена ему на попечение, и в 1873 г. они вместе переехали в Санкт-Петербург для подготовки к поступлению на Высшие женские курсы.

В годы студенчества Дора Семёновна полностью посвятила себя образованию, имея при этом весьма скромное содержание. Как вспоминал ее брат, однажды у них кончились средства на покупку керосина и единственным источником света для чтения была лампадка в их комнате, зажженная хозяйкой в канун дня памяти св. Варлаама Хутынского: «Возвративши почти пустую жестянку от масла хозяйке и, войдя обратно в свою комнату, я увидел на письменном столе баррикаду из табуреток и подушек, на вершине которой сидела Даша¹ с книгою в руках и с трудом разбирала буквы читаемых строк. Вскоре и я к ней присоединился и таким образом мы провели около двух часов в чтении

¹ Дашей ее называли в семье.

под освящением огня святого Варлаама»².

В годы студенчества Дора Семёновна была весьма увлечена либеральными идеями. Втайне от брата ночью, накрывшись одеялом, читала запрещенную литературу — подпольные журналы «Набат» и «Вперед» в то время, когда проходили студенческие волнения и хранение подобной литературы часто влекло за собой аресты и высылки студентов.

Окончив Высшие женские курсы по специальности «женщина-врач», Дора Таубер около 1883 г. проходила практику с молодыми

врачами в Чикинской больнице под Истрой. Тогда произошло интересное знакомство с молодым врачом, будущим известным драматургом Антоном Павловичем Чеховым, также практиковавшимся в Чикинской больнице. Так об этом знакомстве рассказывал племянник Антона Павловича, Михаил, актер и писатель: «Верстах в двух находилась усадьба Чикино, при громадном красивом пруде, купленная земством и обращенная в больницу. Ею заведовал известный тогда среди земских врачей и в медицинской литературе врач П. А. Архангельский. Чикинская больница считалась

Рис. 2. Неизвестный фотограф.
Абрам Павлович Штерн. 1930-е гг. (?).
Из семейного архива семьи Чистяковых,
с. Осташёво. Публикуется впервые

² Таубер А. С. Пережитое и передуманное студентом, врачом и профессором. СПб., 1908. С. 79–80.

поставленной образцово, сам Павел Арсеньевич был очень общительным человеком, и около него всегда собиралась для практики медицинская молодежь, из которой многие потом сделались врачами-светилами. Там брат Антон и все мы познакомились с В. Н. Сиротининым, Д. С. Таубер, М. П. Яковлевым, имена которых не прошли бесследно в медицинской науке. Часто после многотрудного дня собирались у одинокого Архангельского, создавались вечеринки, на которых говорилось много либерального и обсуждались литературные новинки. Много говорили о Щедрине, Тургеневым зачитывались взапой. Пели хором народные песни, „Укажи мне такую обитель“, со вкусом декламировали Некрасова. Там впервые меня, гимназиста, называли не Мишей, а Михаилом Павловичем, и это сразу меня подняло в моих же собственных глазах. Эти вечеринки были для меня школой, где я получил политическое и общественное воспитание и где крепко и навсегда сформировались мои убеждения как человека и гражданина. В 1884 г. мой брат Антон окончил курс в университете и явился в Чикинскую больницу на практику уже в качестве врача. Здесь-то он и почерпнул сюжеты для своих рассказов „Беглец“, „Хирургия“, а знакомство с Воскресенским почтмейстером Андреем Егоровичем дало ему тему для рассказа „Экзамен на чин“»³.

Дора Семёновна была специалистом широкого профиля. Среди ее специальностей числились: врач по женским и детским болезням, зубной врач. Перед приездом в Осташёво она проработала в нескольких учреждениях — в лечебнице человеколюбивого общества в Москве, позже — в Цуриковской больнице в Ивановском, затем в Воронове Подольского уезда. В 1899 г. была переведена в осташёвскую земскую больницу на должность врача.

К тому времени Дора Семёновна была прогрессивным врачом высокого уровня, с большим опытом работы. Революционные события 1905 г. значительно образом сказались на настроениях местно-

³ Чехов М. П. Вокруг Чехова: встречи и впечатления. М., 1964. С. 137–138.

го населения. Так, накануне назначения Доры Семёновны на должность главного врача в земской больнице с. Осташёво произошел случай, повлекший за собой полицейское расследование. В приемном покое неизвестным была вывешена листовка с текстом «Выборгского воззвания»⁴. Все подозрения легли на Дору Семёновну, о либеральных идеях которой было известно. Однако через несколько месяцев следствия дело было закрыто за неимением доказательств ее вины. Мы можем предположить, что это событие — провокация, направленная против кандидатуры Д. Таубер на должность заведующей лечебницей⁵.

Рис. 3. Неизвестный фотограф. Чикинская больница. На крыльце квартиры врача сидят в верхнем ряду (слева): врачи М. П. Яковлев и Д. С. Таубер, Е. А. Архангельская, заведующий больницей П. А. Архангельский; в нижнем ряду: врач Бережников и фельдшер Алексей Кузьмич, описанный А. П. Чеховым в рассказе «Хирургия». Фото 1883–1884 гг.

⁴ «Выборгское воззвание» — принятое в литературе название обращения от 9 (22) июля 1906 г. «Народу от народных представителей», составленного в городе Выборге и подписанное значительной группой депутатов Государственной Думы I созыва через два дня после ее роспуска указом Императора Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) — не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д.

⁵ ГА РФ. Ф. 58. Оп. 2. Д. 919. Ф. 58. Оп. 11. Д. 141.

Рис. 4. Неизвестный фотограф.
Д. С. Таубер с детьми А. П. Штерна.
1910-е гг. (?). Осташёвский
краеведческий музей

С 1910 г. в подчинении у Доры Семёновны начал работать врач Абрам Павлович Штерн, назначенный на место второго врача-хирурга осташёвской больницы.

Абрам Павлович стал впоследствии значительной фигурой в области здравоохранения села, его врачебный талант, целеустремленность и трудолюбие внесли значительный вклад в здравоохранение Осташёвской волости и впоследствии района. Старожилы до сих пор вспоминают, как много он сделал для помощи нуждающимся во врачебной помощи, сколько жизней спас.

Абрам Штерн, по документам — Авраам Павлович, родился 5 сентября

1875 г. в г. Чернигове в семье мещан. Поступил в Киевский университет на физико-математический факультет отделения естественных наук. За участие в студенческой демонстрации по поводу гибели студентки М. Ветровой был исключен из Киевского университета и заканчивал университет в г. Одессе, получив звание кандидата естественных наук. В 1900 г. поступил в Политехнический институт в г. Киеве, где пробыл два года и оставил его, так как проводил летние каникулы у своего брата земского врача, где «наблюдал плодотворную работу врача на селе и решил стать сель-

ским врачом»⁶. В 1902 г. поступил в Одессе на медицинский факультет. После его окончания в 1906 г. работал врачом-интерном в Одессе. С 1907 по 1909 гг. служил палатным врачом-интерном Одесской Новой городской больницы. С 1910 г. — поступил на место второго врача-хирурга в Осташёвскую земскую больницу.

Из приведенных строк его автобиографии, где он упоминает о выборе профессии очевидно, что Абрам Павлович имел большое желание посвятить себя помощи простому человеку и знакомство его с работой сельского врача помогли ему определиться с выбором своего призвания. Стоит отметить, что с большой долей вероятности летние месяцы он проводил именно в с. Осташёво, поскольку в эпистолярном наследии Константиновичей можно встретить строки о работавшем в селе земском враче Штерне еще до назначения Абрама Павловича на должность в больницу с. Осташёво.

Приверженность либеральным идеям была свойственна Абраму Павловичу еще с юных лет. Этим идеям он не изменял на протяжении всей своей жизни. В будущем, уже в советское время, стал активным общественником, выступал за строительство колхозов, занимал ответственные должности в представительных органах власти.

Абрам Павлович и Дора Семёновна достаточно близко общались с августейшими хозяевами имения. Воспоминания о Доре Семёновне не раз встречаются в документах семьи Константиновичей, где члены семьи с теплотой отзываются о «нашей Доре», при том с любовью отмечая ее нелегкий характер.

Интересен один эпизод, описанный князем Олегом Константиновичем в письме своему отцу. Этот случай касается вечеров, на которых князь Олег читал произведение своего отца, поэта К. Р., «Царь Иудейский». «Осташёво 20 декабря 1913 г. <...> Мне давно тебе надо было писать и вот почему. За это время у нас в Осташёве были устроены вечера, посвященные твоей драме. Один вечер у земского

⁶ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 18. Ед. хр. 3183. Л. 5.

начальника, а другой у Доры Семёновны. И земский и Дора просили меня дать им мой экземпляр твоей драмы. Я бы, конечно, охотно это сделал, но, к несчастью, мой экземпляр написан частью моей рукой, и они бы ничего не поняли. <...> Алексей Яковлевич просил меня раньше, и я в один вечер ему и его жене все прочитал. Жена его плакала во время того, как я читал о шествии на распятие. Алексей Яковлевич тоже все оценил. Им понравились больше всего стихи. Но страшнее всего было читать драму у Доры Семёновны. В это время у нее гостила ее «кума» — дама полупочтенная, жена какого-то инженера. Кроме того, хотели слушать драму врач⁷, приехавший помогать на время Доре Семёновне, архитектор при больнице, и еще какая-то госпожа Штерн, совсем уж полупочтенная, жена старого умершего какого-то доктора. Компания либерально настроенная, мало религиозная, но в общем люди милые. Читать такую драму в таком обществе просто страшно. Но мне было интересно проверить, какое она сделает впечатление. Я очень волновался и старался! Представь себе, все были очень довольны. Довольны — слишком неподходящее слово. На всех драма произвела сильное впечатление. Больше всего понравилось, конечно, 3-е действие. А меньше всего, конечно, последнее действие. Правда, что я под конец устал. Всех очень интересовало, помимо всего другого, то обстоятельство, что драма запрещена духовной цензурой. <...> Дора Семёновна была от всего в восторге. Все были довольны, и я тоже, потому что мне сказали, что я хорошо читаю. Перед чтением драмы каждый раз я читал маленькую лекцию об истории ее происхождения, о письме Гончарова, о том, как ты работал, о письме Сергия Финляндского и т. д.»⁸.

Несмотря на кардинальные различия во взглядах представителей рабочей интеллигенции и членов августейшей фамилии, они имели дружественные взаимоотношения. Как известно, Константиновичи были открыты для общения с представителями разных со-

⁷ Речь идет об А. П. Штерне.

⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 163. Л. 153–154 об. Подлинник. Рукопись.

словий. Можно с уверенностью утверждать, что их отличия во взглядах на политическое и социальное устройство российского общества не могло стать причиной для размолвок. Ведь их в те нелегкие годы объединяла любовь к обычному русскому человеку, к судьбе своей страны.

Так своими мыслями и планами князь Олег Константинович делился с Дорой Семёновной Таубер. «Нередко, — пишет она в своих воспоминаниях, — мы говорили с Князем Олегом Константиновичем о невежестве, некультурности и пьянстве наших крестьян и о необходимости отвлечь русский народ от трактиров, монополек и дать ему возможность развиваться и получить образование». «В апреле 1914 года, по словам Доры Семёновны, возник у князя Олега план устройства в Осташёве просветительного учреждения вроде Народного дома, в котором была бы библиотека, читальня; во главе их должны были стать лица, которые могли бы руководить чтением, указывать читателю, какая книга для него полезна; это же лицо могло бы по праздничным дням вести чтение с туманными картинками по беллетристике, истории, естественным наукам. Там же можно было вести религиозно-нравственные чтения. Кроме того, агроном бы читал по агрономии, врачи — популярную гигиену, санитарию и медицину»⁹.

Через год после описанного эпизода настало тяжелое поворотное время, когда на защиту своего отечества пришлось стать как простому рабочему человеку, так и представителям монаршей власти. После объявления о начале Первой Мировой войны пятеро сыновей великого князя Константина Константиновича были отправлены в действующую армию. На фронт был отправлен и Абрам Павлович Штерн на должность старшего ординатора хирурга 402-го полевого подвижного госпиталя.

⁹ Запорина М. В. Константиновичи в Осташёве // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции. СПб., 2009. С. 110.

Осенью 1914 г. в с. Осташёво было открыто два военных госпиталя. Губернским комитетом в земской лечебнице под руководством Доры Семёновны был устроен госпиталь 1-го разряда, предназначенный для самых тяжелых больных, требующих серьезных операций и врачебного вмешательства. Этот госпиталь был рассчитан на прием 25-ти раненых. Для сравнения, Волоколамская земская больница принимала меньшее количество — 15 человек. При том осташёвская больница не имела возможности без ущерба для прохождения лечения местного населения разместить такое количество раненых, и Дора Семёновна просила великого князя Константина Константиновича дать разрешение использовать новопостроенное помещение яслей под нужды лазарета. Разрешение от великого князя было незамедлительно получено, и часть раненых была размещена в здании яслей¹⁰. Также по распоряжению владельца имения в усадебном комплексе был устроен госпиталь 3-го разряда — для военных, проходивших восстановительные процедуры и лечившихся амбулаторно. Он был рассчитан на 50 коек¹¹.

После революционных событий 1917 г. врачи Абрам Павлович и Дора Семеновна остались работать в селе. Дора Семёновна не имела своей семьи, и всю жизнь посвятила медицине и помощи людям. Все свои средства перед смертью она оставила на обустройство детской больницы и женской консультации в с. Осташёво.

О работе во врачебном деле Доры Семёновны мало известно, поскольку пока не были найдены архивные документы. Однако об Абраме Павловиче известно достаточно много. Абрам Павлович работал полевым хирургом до окончания Первой мировой войны. Вернувшись с фронта, он занимал должность второго врача осташёвской больницы. А с 1926 г. был назначен главным врачом-хирур-

¹⁰ РГИА. Ф. 538. Оп. 1. Д. 417. Л. 1–2.

¹¹ Список госпиталей губернских и уездных комитетов Московской губернии к 1-му ноября 1914 г. / Всеросс. зем. союз помощи больным и раненым воинам. Моск. губ. ком. М., 1914. С. 10.

гом ошастёвской больницы. В результате плодотворной работы из небольшой земской больницы она превратилась в хорошо оборудованную районную больницу с рентгеновским и физиотерапевтическим кабинетами, лабораторию, детскую консультацию, была устроена молочная кухня и отлично поставлено прибольничное хозяйство.

Абрам Павлович занимал активную социальную позицию, постоянно проводил большую санитарно-просветительскую работу.

Благодаря лечебно-профилактическим и санитарным мероприятиям участок, обслуживаемый больницей, не имел случаев инфекционных заболеваний. В годы коллективизации вел агитацию

Рис. 5. Неизвестный фотограф. А. П. Штерн (в светлом головном уборе, четвертый снизу ряд, в левой части кадра) на общем собрании граждан с. Ошастёво. А. П. 1925 г. Ошастёвский краеведческий музей, КП-100

Рис. 6. Надгробный памятник Д. С. Таубер
в с. Осташёво. 2015. Фото автора

среди населения за организацию колхозов. В разные годы состоял председателем районного комитета на фронте Первой мировой войны (1917–1918 гг.), общества благоустройства волости (1920–1922 гг.), депутатом Осташёвского районного совета депутатов и членом Исполкома, членом центральной сельской комиссии Наркомздрава РСФСР и многих других. За медицинскую и общественную деятельность был много раз отмечен вышестоящими организациями.

С октября 1941 г., когда село было оккупировано немецко-фашистскими войсками, он был эвакуирован в г. Чкалов, где работал начальником медчасти эвакогоспиталя № 4409. А с 1943 г. работал ординатором-хирургом эвакогоспиталя № 3999 г. Куйбышева. Этот госпиталь известен тем, что с него началась «Повесть о настоящем человеке». Куйбышевский эвакогоспиталь имел протезно-ортопедический профиль и именно здесь летчик Алексей Маресьев впервые встал на тяжелые деревянные протезы и сделал свои первые шаги будущего героя победы в знаменитой повести Бориса Полевого. В специализированном эвакогоспитале проходили лечение и реабилитацию прооперированные в полевых госпиталях военные с тяжелейшими увечьями. Несомненно, колоссальный опыт А. П. Штерна, получившего опыт работы еще в годы Первой мировой, был значительным вкла-

дом в восстановление тяжело раненных советских бойцов.

В мае 1944 г. А. П. Штерн, уже немолодой врач 69 лет, был направлен в Осташёво для восстановления больницы села, значительно разрушенной и разграбленной в годы Великой Отечественной войны. За три года работы был восстановлен дом с квартирами для врачей, отремонтировано родильное отделение, восстановлена операционная. За значительные заслуги Абрама Павловича в области врачебного дела в Осташёвском районе, на фронте, по вос-

становлению разрушенного хозяйства и за активную социальную деятельность ему было присвоено звание «Заслуженного врача РСФСР» в 1947 г.¹².

Дора Семёновна была скромно похоронена на местном кладбище в 1928 г. Место захоронения удалось восстановить, благодаря металлической табличке, вросшей в ствол дерева рядом с могилой.

Рис. 7. Д. Б. Савельев после окончания работ по поновлению надгробий А. П. и Л. Т. Штерн. 2019. Фото автора

¹² Почетные звания медицинских работников в СССР — одна из высших форм признания государством и обществом заслуг медицинских работников, отличившихся в своей медицинской, научной и педагогической деятельности, внесших большой вклад в развитие народного здравоохранения, способствовавших внедрению достижений медицинской науки в практику, проявивших высокие моральные качества и самоотверженность и принимающих активное участие в общественной жизни.

В 2015 г. Б. А. и Л. Б. Обуховыми был поставлен памятник с мемориальной табличкой.

Некрополь А. П. Штерна и его супруги долгие годы находился в заброшенном состоянии. С 2019 г. силами М. А. Обуховой, Д. Б. Савельева на их некрополе были очищены от загрязнений мраморные надгробия, поновлены памятные надписи, проводится уборка территории.

Сейчас, когда события столетней давности схожи с событиями наших дней, особенно важно помнить людей, жизненные пути которых были неразрывно связаны с трудами на благо России. Так, представители разных сословий — князя Константиновичи и земские врачи Д. С. Таубер и А. П. Штерн — являются для нашего поколения ярким примером служения русскому народу и своей родине.

Е. А Саламатова

Независимый исследователь

**«...с теплою надеждою, что труд мой будет
принят благосклонно».**

**Художники Императорской Академии художеств
и великая княгиня Александра Иосифовна**

«Академия трех знатнейших художеств» (ИАХ) с 1757 г. готовила архитекторов, граверов, живописцев, скульпторов и влияла на всю художественную жизнь Российской империи. В царствование Николая I (1825–1855 гг.) «...повелено состоять Академии художеств под особенным покровительством Его Императорского Величества, и быть под главным начальством министра императорского двора»¹. Как известно, аристократы и дворяне вначале предпочитали иностранных художников, однако со временем оценили произведения и отечественных творцов. Великая княгиня Александра Иосифовна, супруга сына императора Николая I — великого князя Константина Николаевича — с помощью художников создавала «рай земной» в Стрельнинском (Константиновском) и Мраморном дворцах.

Урожденная принцесса Фридерика-Генриетта-Паулина-Марианна-Елизавета Саксен-Альтенбургская (1830–1911)² в 1848 г. вступила в брак с великим князем Константином Николаевичем (1827–1892),

¹ Григорович В. И. Академия художеств (Императорская С. П. Бургская) // Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 1: А–Алм]. С. 335.

² Лобашкова Т. А. Дом Романовых: биобиблиогр. иллюстрир. указ. М., 2008. С. 391.

получив при крещении имя великой княгини Александры Иосифовны. В молодые годы веселость и непосредственность привлекали окружающих, ее любил муж, к ней был расположен император Николай I. Анна Фёдоровна Тютчева, дочь поэта Фёдора Ивановича Тютчева, с 1853 г. фрейлина будущей императрицы цесаревны Марии Александровны и воспитательница ее младших детей, вспоминала: «Великая княгиня изумительно красива и похожа на Марию Стюарт³. Она это знает и для сходства носит туалеты, напоминающие костюмы Марии Стюарт»⁴. Свою родословную по женской линии великая княгиня Александра Иосифовна и в самом деле вела от этой шотландской королевы⁵. Она оказалась прекрасной хозяйкой своих владений, обустроивая и украшая Стрельнинский (Константиновский) дворец. По воспоминаниям современников, «Ее Высочество, проявляя во всем свой изысканный вкус, в короткое время успела устроить действительно восхитительное загородное местопребывание»⁶.

О некоторых приобретениях произведений искусств для украшения своих владений мы можем узнать из счетов и записок, ныне хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в фонде ее сына великого князя Константина Константиновича, августейшего поэта К. Р. (1858–1915)⁷.

³ Мария Стюарт (1542–1587) — королева Шотландии с 6 дня жизни, фактически правила с 1561 г. до низложения в 1567 г.; королева Франции (1559–1560) как супруга короля Франциска II; претендентка на английский престол, казнена по обвинению в заговоре против английской королевы Елизаветы I.

⁴ Цит. по: Чижова И. Б. Давно замолкшие слова. М.; СПб., 2006. С. 214.

⁵ Терентьев А. С. Константин и Александра // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции: сб. статей. СПб., 2009. С. 51.

⁶ Чижова И. Б. Давно замолкшие слова. М.; СПб., 2006. С. 217.

⁷ См.: РО ИРЛИ. Ф. 137. № 125. Л. 83.

Рассмотрим некоторые из них. Примечательна записка от профессора скульптуры Ивана Витали от 1 июня 1853 г. (сохранена орфография оригинала. — *Е. С.*): «Для Ея Императорского Высочества Великой Княгини Александре Осиповне сделана статуя, в Бозе почивающей Ея Императорского Высочества великой княгини Александре Николаевне. Ценою за 600 руб. серб. [серебром. — *Е. С.*]»⁸. Великая княгиня Александра Николаевна, Адини (1825–1844), старшая сестра и друг детства великого князя Константина Николаевича, любимица всей семьи, трагически умерла от скоротечной чахотки, едва достигнув 19-летия и успев родить на 3 месяца раньше срока младенца, прожившего несколько часов. Кончина соединила их — мальчик жил 90 минут, его успел окрестить лютеранский пастор под именем Фриц-Вильгельм-Николай, мать умерла через пять часов, не зная о смерти новорожденного. (Прах захоронен в разных местах: Адини — в Санкт-Петербурге, прах сына отправлен в Копенгаген — для последующего погребения в фамильной усыпальнице ландграфов Гессенских в Румпенхейме (земля Гессен) на берегу Майна.)⁹ В будущем Адини предстояло стать королевой Дании (муж — ландграф Гессен-Кассельский Фридрих-Вильгельм (1820–1884), родной дядя императрицы Марии Фёдоровны (1847–1928)), где, по слухам, уже строился дворец¹⁰. Отмечалось, что кончина любимой дочери с ее первенцем изменила характер императора и повлияла на его правление¹¹. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала о сестре:

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 137. № 125. Л. 9.

⁹ *Логунова М. О.* Семейный участок родственников великого князя Константина Николаевича в Петропавловском соборе // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции. Сб. статей. СПб., 2009. С. 216–217.

¹⁰ Александра Николаевна, вел. княжна. Из записной книжки великой княжны Александры Николаевны (29 июня 1843) / Пер. с фр. и коммент. П. Б[артенева] // Русский архив. 1889. Кн. 1. № 3. С. 406.

¹¹ Там же. С. 406.

«Жаворонок счастья (Адини обладала прелестным сопрано. — *Е. С.*), излучавший вокруг себя только одну только радость. Что за нежность и красота души таились в этом прелестном существе»¹². Когда великий князь Константин Николаевич полюбил свою невесту, называя ее «Санни» (от англ. *sunny* — «солнышко». — *Е. С.*), 1 октября 1846 г. он записал в дневнике: «В этой дивной Санни готовится для земли новая Адини, и я не первый и не единственный, который находит в ее наружности сходство с Адини»¹³. На следующий день после этой записи состоялась домашняя помолвка.

Сын итальянского скульптора-формовщика Пьетро Витали — Иван Петрович Витали (1794–1855) унаследовал профессию отца, был академиком и профессором ИАХ. Он исполнил скульптуры для Исаакиевского собора в Петербурге (по словам художественного критика Нестора Васильевича Кукольника (1809–1868), «изумил всех простотою и естественностью сочинения, ясностью расположения фигур и общим движением»)¹⁴. Он получал много заказов и наград от императорской семьи. Именно ему в 1844 г. император заказал (и в 1845 г. он одобрил модель, а скульптор начал высекать, закончив в 1846-м)¹⁵ мраморную статую своей умершей дочери для установки в часовне Царского Села (по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера часовня выполнена из мрамора П. Каттоци)¹⁶. Адини в античной

¹² Цит. по: *Чижова И.* Давно замолкшие слова. М.; СПб., 2006. С. 195.

¹³ *Терентьев А. С.* Константин и Александра // Константиновский дворцово-парковый ансамбль и его художественные коллекции. Сборник статей. СПб., 2009. С. 52.

¹⁴ *Кукольник Н. В.* Избранные труды по истории изобразительного искусства и архитектуры; Доменикино: трагедия / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева. СПб., 2013. С. 169.

¹⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. 1844. Д. 2897. Л. 5–5 об.; 1845. Д. 3022. Л. 8, 81.

¹⁶ *Кривдина О. А.* Иван Петрович Витали: Летопись жизни и творчества скульптора. М., 2006. С. 56.

одежде с покрытой головой держит на руках умершего ребенка: его головка с закрытыми глазами закинута влево, в эту же сторону обращено лицо матери. Известно, что в 1845-м Витали вырубил из мрамора экземпляр статуи для великого князя Николая Николаевича¹⁷; в 1846 г. высек из мрамора еще два бюста¹⁸. Возможно, что это могла быть копия статуи матери с ребенком, расположенная в нише стены «Коттеджа» в Петергофе.

9 апреля 1854 г. художник батального жанра — на темы истории походов полководца Александра Суворова и Отечественной войны 1812 года — Александр Яковлевич Васильев (1817–?) преподнес великой княгине Александре Иосифовне экземпляр изданного им альбома «Русский солдат», в котором, по словам скульптора и литератора Николая Александровича Рамазанова (1817–1867), «...в нескольких рисунках очерчена жизнь русского солдата совершенно ново и умирительно»¹⁹. В сопровождающей этот дар записке художник написал: «Осмеливаюсь всепреданнейше просить Ваше Императорское Высочество удостоить принятием благосклонно, представляемый при сем экземпляр изданного мною альбома „Русский солдат“. С глубочайшим благоговением есмь Вашего Императорского Высочества Всенижайший слуга, Александр Васильев / Художник / 9 Апреля 1854 г.»²⁰.

В 1856 г. по указанию великой княгини Александры Иосифовны было заплачено 75 рублей серебром²¹ за маленькую овальную

¹⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. 1845. Д. 3022. Л. 3, 81; Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. 1846. Д. 3114. Л. 95.

¹⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. II. 1847. Д. 3295. Л. 81.

¹⁹ Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России. Статьи и воспоминания / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева. СПб., 2014. С. 52.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 137. № 125. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 5.

Рис. 1. Неизвестный автор.
Портрет великой княжны Александры
Николаевны. 1843–1844. Кость, акварель,
гуашь, белила. 10,5х8,4 (овал в свету).
Санкт-Петербург. Литературный музей
Пушкинского Дома

мозаику Образа Божией Матери мозаичному мастеру Георгию (Георгу Фердинанду) Яковлевичу Веклеру (1800–1861), автору мозаик в Исаакиевском соборе. В этом же году классный художник с правом на чин XIV класса, скульптор-медальер Лонгин (Логгин) Иванович Матушевский «за формовку гипсовых медалионов для Ея Высочества Великой Княгини Александры Осиповны»²² в количестве 6 штук — портретов великого князя Константина Николаевича и 6 штук — самой великой княгини получил 30 рублей серебром.

Литограф Александр Алексеевич Козлов (1818–1884) в январе 1856 г. пи-

шет: «Ваше императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Александра Иосифовна, все труды и издания мои по части литографического искусства удостоились милостивого внимания Вашего Императорского Высочества. Это дает мне смелость повергнуть на всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Высочества две вновь сделанные мною литографии: „Известия из Крыма“ и портрет Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича. Осчастливьте меня Ваше Императорское Высочество благо-

²² Там же. Л. 30.

склонным принятием этого усерднейшего подношения. С чувствами беспредельной преданности имею счастье именоваться Вашего Императорского Высочества верноподданный классный художник... ..января 1956 г.»²³. В начале записки обозначена сумма для художника — 25 рублей. В счетах об оплате художественных работ мы видим женское имя — художницы, работавшей в технике пастели. Наталья Егоровна Макухина (урожд. Калатаева) (1823?–1900), из дворян Херсонской губернии, была женой капитана-лейтенанта, участника обороны Севастополя в Крымскую войну,

Рис. 2. Портрет великой княгини Александры Иосифовны. Литография А.-Л. Ноэля по живописному оригиналу Ф.-К. Винтерхальтера. 1859. ГМЗ «Павловск»

помощника начальника Севастопольского порта (1877–1893) Николая Павловича Макухина (1822–1893). Художница «за искусство и познания в живописи портретной» удостоена звания академика²⁴. В январе 1855 г. за три портрета детей Константиновичей Макухина получает 300 рублей серебром (прошение написано по-французски)²⁵, а в октябре

²³ Там же. Л. 50–50 об.

²⁴ Сведения получены из сообщества «Русская портретная галерея» социальной сети «ВКонтакте». [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/club52196838> (дата обращения: 26.05.2023).

²⁵ Там же. Л. 33.

1856-го получает за карандашный портрет великого князя 60 рублей (плюс 10 рублей туда и обратно за дорогу в Стрельну в июле 1856-го), и также в октябре — «за поясной миниатюрный портрет Ея Высочества, в морском мундире — 200 руб. сер.[ебром]»²⁶. Все траты на приобретение работ художников записываются секретарем «в расход по книге сумм Ея Высочества»²⁷²⁶.

Ваятель Николай Степанович Пименов (1812–1864) «был художником редкого, своеобразного дарования и многогранной творческой деятельности: прекрасный рисовальщик, замечательный скульптор и талантливый педагог»²⁸. Художник Александр Иванов был его другом и считал «самым талантливым человеком, который в Академии теперь находится»²⁹. Александр Сергеевич Пушкин при посещении в 1836 г. выставки в Академии художеств был восхищен статуей «Парень, играющий в бабки» (статуя, отлитая в 1838 г. в чугуне, ныне стоит перед Александровским дворцом в Царском Селе): «<...> эта статуя поразила поэта новостью идеи, искусством исполнения, верною передачей движения — словом, проблеском такого здорового и сильного таланта, что поэтическая душа Пушкина не могла не отозваться на это произведение, и он пожелал познакомиться с молодым художником, автором статуи. Тогдашний Президент Академии, А. Н. Оленин, представил его Пушкину, который, назвав юношу своим собратом и сжимая в своих руках его руку, воскликнул: «Слава Богу! Наконец-то и скульптура в России становится народною!» Не довольствуясь этим, певец Онегина почтил скульптора еще более завидным образом: он увековечил его имя, импровизировав по поводу его статуи известную эпиграмму: «Юноша

²⁶ Там же. Л. 32, 35.

²⁷ Там же. Л. 33.

²⁸ *Кривдина О. А.* Профессор скульптуры Николай Степанович Пименов, 1812–1864. СПб., 2007. С. 11.

²⁹ Там же. С. 39.

трижды шагнул...»³⁰ В сборнике портретов замечательных лиц это отражено следующим образом: «Бессмертный поэт наш А. С. Пушкин, посетив выставку 1836 г., при первом взгляде на труд Пименова, сказал: «Слава Богу! Наконец и скульптура в России явилась народная». Постоял перед статуей довольно долго, написал в своей записной книжке следующее четверостишие:

Юноша трижды шагнул, наклонился рукой о колено
Бодро оперся, другой — поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... Прочь! раздайся народ любопытный;
Врозь расступись: не мешай русской удалой игре.

Растроганный поэт вырвал листок из книжки и с пожатием руки передал его не менее растроганному художнику»³¹.

Среди работ ваятеля есть статуя «мальчика, подкрадывающегося к бабочке, сидящей на дереве, из дупла которого выползшая змея готова ужалить в пятку шалуна». Эту группу хвалили, но находили не совсем удачною и выражение лица грубым, хотя формы тела мальчика были очень изящны, а лепка ничего почти не оставляла желать в техническом отношении»³². Видимо, вариант именно этой работы был заказан великой княгиней Александрой Иосифовной, поскольку в январе 1858 г. профессор скульптуры Пименов подал записку в контору о получении пятисот пятидесяти рублей серебром «за издержки по материальной работе мраморной статуи, изображающей мальчика, ловящего бабочку»³³.

³⁰ Из текста брошюры неизвестного автора «Н. С. Пименов (Биографический очерк)», хранящейся в РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 46. Л. 5.

³¹ Русские бывшие деятели. Сборник портретов замечательных лиц прошлого времени с краткими биографическими очерками. Т. II. СПб., 1878. С. 166.

³² Там же. С. 168.

³³ РО ИРЛИ. Ф. 137. № 125. Л. 25, 27.

Русский художник-акварелист Андрей Дмитриевич Лосев (?–1891) получил звание классного художника, и был учителем рисования в разных учебных заведениях, издал «Руководство к черчению, рисованию и чистописанию» (1864). Свой первый выпуск издания «Копии с чудотворных икон и гробниц святых мощей, находящихся в России» он преподнес в 1859 г. в подарок императрице Марии Фёдоровне (за что был пожалован бриллиантовым перстнем), а также великим княгиням. 15 июня 1859 г. художник преподнес этот первый выпуск издания, «состоящий из трех изображений, с краткими историческими сведениями, удостоенный Высочайшего одобрения Государя Императора», великому князю Константину Николаевичу, со следующим обращением: «Августейшему почитателю Святыни, с теплою надеждою, что труд мой будет принят благосклонно» (за этот дар художник получил 75 рублей серебром)³⁴.

Эти документы (1853, 1854, 1856, 1858, 1859 гг.), хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, подтверждают, что великая княгиня Александра Иосифовна обладала художественным вкусом и материально поддерживала русских художников. Супруга великого князя Константина Николаевича, «одного из культурнейших людей своего времени... ..самого умного и образованного из лиц императорской фамилии»³⁵ (по словам внука — князя Гавриила Константиновича), она занималась благотворительностью, открывая приюты, больницы, богадельни для сирот, вдов, больных и пожилых женщин, организовывала медицинскую помощь в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., помогала русским музыкантам. Одна из выдающихся женщин второй половины XIX в., великая княгиня прожила в России 64 года (1847–1911), была свидетельницей трех коронаций: Александра II (1856), Александра III (1883) и Николая II (1896), и значительных событий времен правлений этих трех российских императоров.

³⁴ Там же. Л. 28.

³⁵ Цит. по: *Чернышова-Мельник Н. К. Р. Баловень судьбы*. СПб., 2015. С. 13.

Г. И. Шевцова

Независимый исследователь

Отражение личности княгини Елены Петровны в ее мемуарах «Я была в Екатеринбурге»

В этом году исполнилось 60 лет со дня смерти княгини Елены Петровны (23 октября (4 ноября) 1883, Цетине — 16 октября 1962, Ницца), сербской принцессы из династии Карагеоргиевичей, ставшей членом Дома Романовых в 1911 г., благодаря браку с князем крови императорской Иоанном Константиновичем. Потомок двух владетельных династий, Елена Петровна родилась в семье князя-изгнанника и закончила свою жизнь в беженстве, без надежды когда-нибудь увидеть Сербию и Россию.

Вспоминая революционные события в России, сербский посланник (1913–1918) Мирослав Спалайкович писал о сербской принцессе: «Тот, кому посчастливилось хотя бы раз встретить эту замечательную женщину, никогда не забудет ее мягкий и пронизывающий взгляд, большие глаза с отсветом темного сапфира, в которых отражается ее утонченная скромность, глубокий ум и редкая сила характера. Судьба даровала мне возможность быть рядом с ней в трагические дни русской революции, и я с душевным волнением вспоминаю человеческие качества принцессы... <...> ...и в то же время — те страшные испытания, которые ей довелось пережить с замечательной стойкостью, самоотверженностью и смирением»¹.

¹ Smirnoff Serge. Autour de l'assassinat des Grands-Ducs. Ekaterinbourg–Alapaievsk–Perm–Pétrograd. Paris, 1928. P. 9.

Княгиня стала единственным членом Дома Романовых, оставшимся в живых после трагических событий в Екатеринбурге и Алапаевске и последующего тюремного заключения в Перми и Москве. Она же стала единственным членом Дома Романовых, к которому некоторые наши современники предъявляют претензию, что, пройдя сквозь испытания в Советской России и потеряв родных и близких людей, она возненавидела все русское².

На наш взгляд этот тезис опровергается благотворительной помощью Елены Петровны в 1920–1930-е гг. русским беженцам в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (с 4 октября 1929 г. — Королевство Югославия), объемы которой превышают аналогичную деятельность многих представителей Императорской Семьи в изгнании. Стоит также отметить, что княгиня и ее сын князь Всеволод Иоаннович до начала Второй мировой войны были покровителями ряда русских организаций — благотворительных и молодежных.

Еще одним доказательством являются записки княгини Елены Петровны, подготовленные к публикации автором этих строк в соавторстве с сотрудниками отдела истории династии Романовых Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера Н. Б. Неуйминым и О. Н. Потёмкиной, вышедшие в этом году в Белграде при содействии сербского отделения Русского Географического общества³. В работе анализируется сам документ, приводятся биографиче-

² См., например, *Касанов А.* Сербская принцесса в Вятском плену // Киров Град, 13.03.2013. [Электронный ресурс] URL: https://echokirova.ru/blogs/user50/7693/?sphrase_id=3041650 (дата обращения: 28.09.2022); *duchess-mary*. Княгиня Елена Петровна // Живой Журнал, 04.11.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://duchess-mary.livejournal.com/13007.html?> (дата обращения: 28.09.2022); *Пешкова М.* История династии Романовых после революции 1917 г. Часть 3. // Liveinternet.ru, 20.07.2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.liveinternet.ru/users/masyanova/post458064095> (дата обращения: 28.09.2022) и др.

³ Последњи сведок: догађаји из Јекатеринбурга и Алапајевска у мемоарима принцезе Јелене Српске / Аутори-приређивачи уводних чланака, комен-

ские данные княгини Елены Петровны, в том числе, в беженстве, а также подробно рассматриваются доступные современным историкам архивные и мемуарные материалы о повседневной жизни августейших ссыльных от прибытия в Екатеринбург в Страстную седмицу до ареста княгини и убийства ее родственников в Алапаевске.

К сожалению, историю написания записок Елены Петровны «Я была в Екатеринбурге» установить не удалось. Однако, судя по тому, что первый отрывок о последней встрече княгини с государем был опубликован в сербском журнале «Нови живот»⁴ («Новая жизнь») в 1922 г., в 5-ю годовщину отречения императора Николая II, и был повторен слово в слово спустя тридцать лет в швейцарском издании, можно предположить, что княгиня начала свои заметки практически по свежим следам.

Воспоминания княгини Елены Петровны, в соответствии с европейской традицией, были подписаны ее титулом по стране происхождения — принцесса Елена Сербская. Они увидели свет в 40-ю годовщину гибели членов царской семьи в Екатеринбурге и Алапаевске, но поводом для их публикации стала не память об этом трагическом событии, а возобновление Гамбургского процесса, связанного с именем авантюристки Анны Андерсон⁵, утверждавшей, что

тара и индекса назива су Неујмин Н. Б., Потјомкина О. Н. и Шевцова Г. И. / [уредник Мирољуб А. Милинчић]. — Београд: Центар Руског географског друштва у Србији, 2022.

⁴ Из мемоара кнегиње Јелене // Нови живот. X. 2–25. VI. 1922.

⁵ Андерсон Анна (16 декабря 1896 — 12 февраля 1984), одна из самых известных самозванок, претендентка на имя великой княжны Анастасии Николаевны, погибшей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. 17 февраля 1920 г. берлинский полицейский спас из канала Ландвер неустановленную особу после попытки суицида. С 1922 г. стали распространяться слухи о том, что это чудом спасшаяся младшая дочь царя. В 1938 г. она начала в Берлине судебный процесс о признании ее личных и наследственных прав члена Дома Романовых. В 1958 г. судебное заседание было перенесено в Гамбург.

она является выжившей великой княжной Анастасией Николаевной. По поводу притязаний самозванки княгиня высказалась жестко, со свойственной ей прямоотой и категоричностью: «Тайны „Анастасии“ нет и не может быть, поскольку единственная настоящая Анастасия погибла вместе со своими близкими в Екатеринбурге»⁶. Елена Петровна не без основания полагала, что весь шум вокруг темы «Анастасии» имеет финансовую подоплеку и что в конечном итоге инициаторов ждет разочарование.

Редакция *L'Illustré*, подогревая интерес своего читателя к публикации, представила записки Елены Сербской как свидетельские показания. Но по форме это, скорее, эссе. Мемуары княгини дышат любовью к навсегда потерянной Императорской России и связанных с нею надеждами, а также погибшей Императорской Семье, частью которой она ощущала себя до последней минуты жизни.

Принцесса Елена Сербская пускает нас в тот мир, в котором живет сама. Ее записки несут отпечаток прожитых лет: автор сосредотачивается на том, что действительно ценит и о чем действительно сожалеет. Поэтому рассказчик иногда нарушает последовательность событий, порой сгущает краски, не следит за точным воспроизведением деталей. Реальные события переплетаются с желаемыми и, в какой-то мере, восстанавливается справедливость: императорская семья знает, что не одинока и не покинута всеми в своем заточении в Екатеринбурге, а княгиня снова и снова убеждает себя, что сделала все возможное, чтобы спасти Иоанна Константиновича. Она почти ничего не пишет о своем пребывании Алапаевске и убитом там муже — эта рана так и не затянулась.

И все же, несмотря на особенности, присущие практически всем документам такого рода, воспоминания принцессы Елены Сербской «Я была в Екатеринбурге» — это ценный исторический источник, позволяющий значительно дополнить общую картину последних дней Империи и последовавших за этим репрессий в от-

⁶ Последњи сведок: догађаји из Јекатеринбурга и Алапајевска у мемоарима принцезе Јелене Српске. С. 16.

ношении членов Императорской семьи. Повествование ведется от первого лица и написано легким, литературным языком.

В предлагаемых читателю воспоминаниях затронуты хорошо известные нашим соотечественникам темы, среди которых события в Александровском дворце в период отречения императора, отъезд в ссылку Елены Петровны вместе с мужем и другими родственниками, жизнь августейших ссыльных в Вятке, Екатеринбурге и Алапаевске, отношение к ним местных жителей и советских властей и многое другое. В то же время есть эпизоды, о которых могла знать только Елена Петровна: темы ее бесед с императором накануне его отречения, «совещание» по поводу ее отъезда и прощание с родными в Алапаевске, разговоры на допросах в Екатеринбурге и так далее. В заключение княгиня дает читателю самые общие сведения о жизни своей семьи после крушения Империи.

К достоинствам текста воспоминаний Елены Петровны можно отнести то, что он не заслоняет от нас личность княгини, поступки и оценки которой позволяют судить о ее взглядах и характере. Остановимся на этом немного подробнее.

Свой рассказ о двух последних годах жизни в России Елена Петровна ведет и как член Дома Романовых, и как сербская принцесса. Эти две ипостаси были для нее неразрывны. Поэтому несмотря на то, что основной темой воспоминаний княгини является крушение Империи и последовавшие за этим испытания, через все повествование красной нитью проходит сербская тема: здесь и благотворительные организации в помощь сербским беженцам, и Сербской Добровольческий корпус, и многое другое. Князь Иоанн Константинович не зря называл свою жену «пламенной патриоткой»⁷, она осталась верна своей родине до конца жизни.

Княгиня Елена Петровна прекрасно осознавала, какое значение придавали в Сербии ее замужеству. Если для Дома Романовых

⁷ Шевцова Г. И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М., 2017. С. 182.

брак сербской принцессы и князя крови императорской Иоанна Константиновича был символическим актом, объединившем две православные династии, то для династии Карагеоргиевичей это был шанс упрочить свое положение как внутри страны, так и на международной арене. Перед сербской принцессой стояла непросто стоящая задача оправдать возлагаемые на нее надежды.

Не без кокетства княгиня описывает эпизод на собственной свадьбе, когда с одобрения отца, сербского короля Петра, она раз и навсегда определила свое место в Императорской семье, отказавшись говорить Николаю II «ты»⁸. В дневниках и переписке императора и императрицы Елена Петровна упоминается не часто, но неизменно благосклонно и сочувственно, что говорит о том, что княгиня смогла найти верный тон в отношениях с Александрой Фёдоровной и Николаем II.

Имеющиеся в научном обороте источники не позволяют нам в полной мере судить о том, имела ли княгиня Елена Петровна возможность, по примеру своих августейших теток⁹, оказывать влияние на те или иные государственные решения, касающиеся ее родины. Правда, особой необходимости в этом не было: Сербия к началу XX в. была основным стратегическим партнером России на Балканах¹⁰.

⁸ Последњи сведок: догађаји из Јекатеринбурга и Алапајевска у мемоарима принцезе Јелене Српске. С. 133–134.

⁹ Речь идет о дочерях черногорского владетельного князя (с 1910 г. короля) Николы Петровича-Негоша великих княгинях Милице Николаевне (14 июля 1866, Цетине — 5 сентября 1951, Александрия) и Анастасии Николаевне (23 декабря 1867 (4 января 1868) — 18 ноября 1935, Антиб), бывших с 1889 г. замужем за членами Императорской фамилии. Первая из них была женой великого князя Петра Николаевича, а вторая — сначала герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского, а затем (с 1907 г.) — великого князя Николая Николаевича-младшего. Их родная сестра Зорка-Любича (23 декабря 1864 — 16 марта 1890) была матерью княгини Елены Петровны.

¹⁰ *Сергеев Е. Ю, Улунян Ар. А.* Не подлежит соглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. М., 2003. С. 385.

Революционные события 1917 г. значительно изменили жизнь Елены Петровны и ее семьи. 25 (12) марта 1918 г. в газетах было опубликовано постановление Совета Петроградской коммуны о высылке «князей Романовых»¹¹. Перед княгиней встал нелегкий выбор: ехать вместе с Иоанном Константиновичем или остаться с малолетними детьми (князю Всеволоду едва исполнилось четыре года, а княжне Екатерине должно было исполниться через четыре месяца три года). Елена Петровна недолго колебалась, а затем, основываясь на православной традиции, приняла решение: «жена должна следовать за своим мужем и в радости, и в горе». Ни Иоанн Константинович, ни свекровь не смогли ее отговорить. Этот драматический момент описан в воспоминаниях. Еще будучи невестой Иоанна Константиновича, в одном из писем к будущей свекрови, великой княгине Елизавете Маврикиевне, принцесса Елена написала такие строки: «Вся моя жизнь будет посвящена тому, чтобы любить и окружать его нежностью, видеть его... счастье»¹². Княгиня осталась верна своему обещанию, и не оставила мужа в период испытаний. В последующие восемь месяцев Елена Петровна постепенно прошла семь кругов ада, ощутила на себе всю мощь репрессий: она побывала и ссыльной, и заложницей, и арестанткой. Об этих испытаниях, не только физических, но и моральных, княгиня подробно написала в своих воспоминаниях.

Остановимся только на одном эпизоде — отъезде княгини из Алапаевска. Елена Петровна свидетельствует, что, узнав из газет о конфискации императорских дворцов, а также голоде и холере в Петрограде, ее муж и семья пришли к единому мнению, что надо привезти детей в Алапаевск. Княгиня эмоционально описывает свои сомнения по поводу отъезда и пронзительную сцену прощания: «В то время как я опять задавала себе вопрос о том, в чем состоял мой долг, мой муж был категоричен: „Ты должна ехать. Может

¹¹ Вечерняя звезда. 1918. 25 (12) марта. С. 2.

¹² ГА РФ. Ф. 657. Оп. 1. Д. 92. Л. 3–4.

быть, дети на улице. Лучше было бы, если бы мы все были вместе”. Конечно, он был прав. Но в алапаевский местный совет я отправилась с тяжелым сердцем... <...> Могу сказать, что я в большей степени подчинилась, нежели решила это сама. Спустя несколько дней у школы остановился тарантас. В исключительном случае, по моей просьбе, охранники разрешили моему мужу, его братьям, его дяде и великой княгине пересечь границы школы... <...> Мы смогли попрощаться перед изгородью. Пока повозка, которую неспешно увозила запряженная в нее лошадь, отдалялась, я обернулась. Я увидела всех моих близких, стоящих вместе в окружении охранников. Меня охватило страшное беспокойство, и мне привиделось, что они как будто выстроились на казнь. «Я больше не хочу уезжать! — закричала я кучеру. — Остановитесь!» Конечно, мои близкие почувствовали мою тревогу. Ободряюще помахав мне, они вернулись к дому. Дверь за ними закрылась. Я была одна. Я уехала»¹³.

Эта длинная цитата, по нашему мнению, говорит о том, что спустя годы, даже зная об ужасной участи своих близких, Елена Петровна сомневалась в том, правильно ли она сделала, оставив мужа и родственников в Алапаевске.

Княгиня довольно подробно описывает свое задержание в Екатеринбурге и пребывание в тюрьме в Перми и Москве. Эта часть написана довольно подробно, местами с юмором, местами не без некоторой рисовки. Имела ли она на это право? С. Н. Смирнов, разделивший с княгиней тяготы тюремного заключения, свидетельствовал в своих заметках, что княгиня мужественно переносила выпавшие на ее долю испытания¹⁴. Конечно, ее настроение периодически колебалось от отчаяния к надежде, но дух Елены Петровны сломлен не был.

¹³ Последњи сведок: догађаји из Јекатеринбурга и Алапајевска у мемоарима принцезе Јелене Српске. С. 163–164.

¹⁴ Шевцова Г. И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М., 2017. С. 471–493.

Европейским дипломатам понадобилось чуть больше месяца, чтобы добиться 2 декабря (19 ноября) 1918 г. решения Президиума ВЦИК не препятствовать выезду за границу княгини Елены Петровны. Норвежцы поставили освобождение сербской принцессы ультимативным условием, грозясь в противном случае немедленно покинуть Россию. Это было не в интересах большевиков, так как Норвегия представляли их интересы в Финляндии¹⁵.

Княгиня Елена Петровна была освобождена из-под ареста 2 декабря (19 ноября) 1918 г. и в сопровождении сербского дипломата выехала в Петроград. Спустя три дня она навсегда покинула Россию. В своих воспоминаниях принцесса Елена отметила этот момент: «Достигнув границы [с Финляндией], я обернулась, чтобы в последний раз попрощаться с Россией. В глубине Балтии, в розовом тумане, освещенном зимним солнцем, я различала Санкт-Петербург, купол Исаакиевского собора, шпиль Петропавловской крепости, где навеки покоились Романовы. — Прощай, святая Русь! Да хранит тебя Бог! Ты распята, но воскреснешь!». Возможно, кто-то сочтет эти слова высокопарными, но следует напомнить, что написаны они были тогда, когда большинство бывших подданных Империи и их потомков уже не верили в возможность возвращения на родину, а Елена Петровна эту надежду сохранила.

Осенью 1919 г. сербский король Петр, предчувствуя свою близкую кончину, позвал дочь и внуков в Белград. Наконец-то они смогли поговорить обо всех пережитых княгиней событиях. Елена Петровна пишет, что отец сказал ей: «Ты выполнила свой долг! Я горжусь тобой!» Вместе с детьми княгиня поселилась неподалеку от королевского дворца, в съемном доме, который оплачивал ее отец. Вскоре после смерти короля Петра, последовавшей 16 августа 1921 г., Елена Петровна покинула Сербию. Но не покинула русских беженцев. Под ее покровительством было открыто Общество помощи семьям, пострадавшим на войне (не позже 1925 г.), открывшее

¹⁵ НБС (Народная библиотека Сербии). Р-699 / I / 8. С. 87.

два приюта, где по рекомендации Союза русских инвалидов, Военного объединения, Красного Креста и других русских организаций, получали образование в русских традициях дети беженцев вплоть до немецкой оккупации¹⁶. Из писем С. Н. Смирнова известно, что уже в 1935 г. приюты испытывали значительные материальные трудности, но не стали сокращать количество призреваемых. В них была проведена реформа, позволившая убрать некоторые статьи расходов, что дало возможность и в дальнейшем содержать и обучать 40–45 детей ежегодно.

Как и в Императорской России, княгиня Елена Петровна помогала многим русским по прошениям, прежде всего, своим бывшим служащим и сослуживцам князя Иоанна Константиновича. Если содействие организациям, находившимся под ее покровительством, осуществлялась, в основном, на привлеченные средства, то пенсии и пособия от имени Елены Петровны выдавались из ее личных средств. Поддерживала княгиня и русскую науку. С 1921 г. она была почетным председателем Русского Археологического общества.

В своих воспоминаниях княгиня Елена Петровна почти ничего не пишет о себе и своей семье в беженстве. Ни слова о том, что после Второй мировой войны она испытывала финансовые трудности, что ее подводило здоровье. Она не привыкла жаловаться и перекладывать свои проблемы на ближних.

Княгиня Елена Петровна закончила свой земной путь 16 октября 1962 г. в Ницце. И хотя последние годы жизни княгиня использовала титул принцессы Сербии, на ее могильной плите написано по-русски и по-французски: «ЕКВ Княгиня Елена Петровна, *Princesse de Serbie, Princesse Jean de Russie*».

¹⁶ Дальнейшая судьба благотворительных учреждений, находившихся под покровительством Елены Петровны, не установлена. Известно, что во время оккупации начальные и средние учебные заведения в Сербии закрыты не были, но так как приюты княгини содержались на благотворительные деньги и, частично, деньги родителей, сомнительно, что у них была возможность существовать во время войны.

Подводя итог жизненного пути княгини Елены Петровны, нельзя не согласиться с автором некролога в *Times*, отметившего, что она обладала гордостью черногорского воина и ее дух остался несломленным, что бы ни происходило в ее жизни¹⁷. Однако добавим, что она в равной степени олицетворяла лучшие черты сербского народа, сохраняла преданность Сербии и Императорской России. Последним желанием княгини Елены Петровны было покоемся рядом с отцом и братом в храме Св. Георгия в Тополе, когда это будет возможно.

¹⁷ Некролог // *Times*. 1962. October, 23.

Приложение

Т. И. Ганф

Независимый исследователь

Необходимость прославления Алапаевских мучеников — князей императорской крови Иоанна, Игоря, Константина Константиновичей, а также убиенного великого князя Димитрия Константиновича

С большим трудом, преодолевая стереотипы советской оценки личности, шло осознание святости царской семьи. Постепенно, подкрепляемые явленными чудесами, мы не только осознали, но и ощутили святость тех носителей власти, которых долгие десятилетия обвиняли, обличали, разоблачали. Их поступки, их слова и дела были истолкованы не в рамках советского законодательства, а в парадигме христианского мировоззрения.

Великокняжеская семья Константиновичей дала миру четырех святых, прославленных в 1981 г. Зарубежной Православной церковью в лике святых мучеников: князей императорской крови Иоанна, Игоря, Константина Константиновичей, а также расстрелянного в Петропавловской крепости великого князя Димитрия Константиновича, сопроводив это написанием общей иконы новомучеников Российских в земле Российской просиявших.

Их биографии представлены в разнообразных публикациях. Но биография — светский вариант изложения прижизненных событий человека. Биография конечна, имеет твердые хронологические

рамки: даты рождения и смерти. Житие святого — безвременно, оно не информативно, а назидательно излагает события, явления не только прижизненные, но и произошедшие по смерти героя. Это не означает, что жанр Жития ненаучен и недостоверен — им занимается серьезная наука агиография.

Главным чудом, доказательством святости Царственных мучеников стало массовое преображение, иногда мучительное, многих советских людей, бывших ленинцев, сталинцев, не сомневавшихся в усвоенных догматах. Они уподобились многим современникам Христа, увидевшим Его, услышавших, уверовавших, оставивших свои дела, свою родину, привычный круг забот, ради обретения Бога. Для этого должно было пройти время и наши «40 лет блуждания по пустыне» еще не завершены. Должны были отойти в мир иной многие представители власти, общественные деятели, историки, публицисты, педагоги, представители силовых ведомств. Нам всем пришлось измениться, потому что Бог — судия, и мы поняли, что «ин суд человечесий, и ин — Божий». Мироточение икон, явления святых Царственных мучеников, многочисленные свидетельства о их спасительном предстоянии за Россию и за нас, многогрешных — это первый факт, убедивший многих, но не всех. Второй — это возможность нашими современниками воспринимать, осознавать, трактовать факты и события, которые ранее, в силу многих причин, не могли быть восприняты.

О святости Константиновичей — потомков великого князя Константина Николаевича: его сына великого князя Димитрия Константиновича, его внуков князей императорской крови Иоанна, Игоря, Константина, самых малых ветвей на древе рода Романовых, боевых офицеров, участников Первой Мировой войны почему-то не упоминают, даже после воссоединения двух ветвей Русской православной церкви. Обо всех четверых мало знают в России, мало задумываются о том, познали ли мы за многими известными событиями их жизни и смерти признаки их посмертного влияния на нас, на наше общество, на ход истории. Божий промысел ведет нас путем

испытаний, часто скорбных и трагических, заставляющих нас оглядываться назад, всматриваться в далекие, но аналогичные обстоятельства, искать героев, могущих показать нам, в чем спасение, где выход из лабиринта, каких качеств не хватает нам для победы?

Скептики возразят: эти гвардейские офицеры, участники кровопролитных битв, владевшие оружием и приемами рукопашного боя, проявили малодушие и безволие смиренно, без сопротивления подчинившись убийцам, подвиги которых стыдно было восхвалять даже и в 1918 г. Многие скрыто, но все более явственно проступает их осознанное, сознательное сораспятие со Христом, который «яко овца на заклание ведеса, и яко агнец во смирении его безгласен» (Деян. 8:32, Исаи. 53:7). Конечно, пятеро мужчин, боевых офицеров, доставленных ночью к заброшенной шахте в лесу, могли оказать сопротивление насилию, как это попытался сделать один из них — великий князь Сергей Михайлович. Но, для очищения российского общества, погрязшего в смуте, насилии, отвержении всех норм морали, мало было говорить, убеждать, доказывать. Физическое уничтожение революционерами и экспроприаторами в пользу «мирового пролетариата» не могло отрезвить Россию, сочувствовавшую революционерам, бомбометателям, террористам. Господь послал испытания голодом, нуждой, скитальчеством, разрушением семей, привычного быта, Соловками, беломоро-балтийскими стройками. Добровольная жертва, жертва непорочная, смирение, всепрощение, молитва за совершающих насилие — это мужественный и осознанный подвиг Алапаевских мучеников, убитых в июле 1918 г., и четырех великих князей, расстрелянных в Петропавловской крепости в январе 1919 г. «Но род Его кто разъяснит? Ибо вземляется от земли жизнь Его» (Деян. 8:33). Алапаевские мученики в трагическую июльскую ночь не могли знать, что Государь, вся его семья, верные слуги, «жертвы смиренные», уже в предыдущую ночь приняли мучительную смерть и посмертное поругание. Наблюдая нарастание беззакония, жестокости, нравственного падения русского общества, смилив себя до смерти, братья Иоанн, Игорь, Константин, их двою-

родный брат Владимир (Палей), их старший родственник великий князь Сергей Михайлович и великая княгиня Елизавета Фёдоровна, инокия Варвара и слуга Феодор (Ремез) были ранены, брошены в темную шахту, где мучительно умирали, молясь и прощая. Они помнили слова Христа: «Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь меня?» (Ин. 18:23). Остались свидетельства именно христианского исполнения Константиновичами сознательного исполнения христианского подвига.

Как смогли они совершить этот подвиг? Мы всматриваемся в их фотографии, читаем их письма, изучаем документы, знакомимся с воспоминаниями и замечаем, что Господь избрал их, отмечая жизненный путь свидетельствами этого избранничества. Но это настолько высокая нравственная и духовная нота, что до нее нам еще надо дорасти. Мы пока лучше понимаем дела помощи бедным и больным, чудеса исцеления безнадежно больных, явления для спасения тонущих и подвергающихся насилию.

Присмотримся к некоторым фактам их жизни, свидетельствующие об их избранности Богом. Ознакомительные путешествия и паломничества по России великих князей, в том числе и Дмитрия Константиновича, были отмечены созданием (явлением) чудотворных икон: Валаамской Божией Матери и удивительной иконы-портрета св. прп. Александра Свирского, ставшего позже доказательством истинности его обретенных мощей. Эти иконы были написаны не по заказу, а по духовной потребности иконописцев-монахов, испытавших потрясение от наблюдения за Августейшими паломниками, беседой с ними, совместной молитвы. Иконописцы не были за свой труд ни награждены, ни ободрены. Валаамская икона была скрыта от всех, как не каноничная. Но пришло время — и пришло их прославление. На полях этих икон можно смело обозначить предстоящие фигуры членов Царской семьи: в. к. Дмитрия, в. к. Павла, князей Иоанна, Игоря, Константина.

Из более чем 100 храмов, в которых молились Константиновичи, которые они строили, благоуукрашали — почти 80 сохранились.

Ежегодно увеличивается число тех, в которых возрождается церковная жизнь. Большая часть священников и прихожан этих храмов свидетельствуют об участии святых Царственных мучеников Алапаевских и их дяди — мученика Петроградского благоверного великого князя Дмитрия в трудном деле восстановления этих храмов. Свидетельства священнослужителей храмов Преображения Господня в Тярлево, святителя Николая в Павловске, Успения Пресв. Богородицы в Доложске на месте явления Божией Матери и др. Закладка храма в честь св. Алапаевских мучеников недалеко от Оптиной пустыни, которую совершили в наши дни — явление того же рода — возрождение церковной приходской и иноческой жизни по всей России, и еще более трудного дела восстановления Бога в душах и обязательно — в делах прихожан, которые не должны быть социальной уравниловкой. По христианскому учению, добродетель должна быть основана на служении прежде всего — Богу, именно ему — в лице страждущего ближнего, а не распределение благ «справедливо». Никакие блага не делают человека счастливым: ни дворцы, ни бассейны, ни глупые золотые унитазы, дорогие яхты и авто. Возможность осуществленная такого христианского служения ближнему сделала семья Константиновичей, объединив тысячи людей в делах добродетели и христианского просвещения, утверждения православия.

30-летнее существование и развитие Стрельнинского братства во имя ближнего (1889–1919), Общества попечения о бедных и больных детях (Синий Крест), Общества обеспечения бедных бесплатными и недорогими квартирами и других системных благотворительных проектов Константиновичей, оборванных революций — проявление сильных духовных сторон их личностей. Прежде всего — представителя старшего поколения — в. к. Дмитрия Константиновича и его племянников — князей Иоанна, Игоря и Константина.

Среди духовных лиц, окормлявших эту семью — святитель Игнатий (Брянчанинов), св. прав. Иоанн Кронштадтский, святитель Феофан (Затворник), Оптиные старцы, ряд священномучеников: св. Серафим (Чичагов), св. Сергей (Дружинин) и другие. Их покрови-

тельство помогало возродить трезвенническое движение, которое до революции инициировала, возглавляла семья Константиновичей. Во время паломничеств членов С.-Петербургского общества трезвости при заводе АТИ¹ в 1990–2013 гг. по местам жизни Константиновичей, молитвенное поминовение их возле руин храмов, хранивших память о Константиновичах, в храмах в дни их памяти многие исцелились от зависимостей: алкогольной, наркомании, игровой и прочих. Исцелившиеся стали учителями для новых, еще охваченных разнообразными духовными недугами.

На местах боевой славы, подвигов Константиновичей в Калининградской области установлены памятные щиты, раскрывающие их воинское служение их биографии. Память героев «былых времен», Первой мировой войны, Великой Отечественной в этом изолированном кусочке России действительно живет. И духовное единство калининградцев с героями и святыми хранит это место от искушений в нашем многоятежном мире.

Судьбы русской эмиграции, детей, рожденных уже в изгнании, хранивших обычаи, святыни, нравственные и духовные законы православной России показали, что и в изгнании они стали полноценными, уважаемыми членами общества, сохранившими и создавшими уголки родины на всех континентах. Память о вел. кн. Константине, «отце всех кадет», почитаем за границей, где основы его военной педагогики помогли вырастить православное поколение, только недавно ушедшее из жизни. Съезд кадет, получивших образование и воспитание в русских кадетских корпусах Сербии, Болгарии, Бельгии, отслуживший Панихиду в Стрельнинском дворце по

¹ АО «Завод АТИ» основан в 1913 г. и является старейшим предприятием в своей отрасли. В Северо-Западном регионе Санкт-Петербургский Завод АТИ — единственный производитель асбестотехнической продукции. Завод развивает несколько направлений деятельности. В настоящее время основная продукция — это тормозные и фрикционные изделия, уплотнительные и теплоизоляционные материалы, РТИ, электроизоляционные и конструкционные материалы.

всем владельцам этого дворца, стал основой его чудесного и поучительного возрождения.

Они же содействовали возрождению в Петропавловской крепости могильной плиты великого князя Константина Николаевича, его сына — великого князя Константина Константиновича, памятной доски, увековечившей имена четырех великих князей, незаконно и бессудно расстрелянных у стен крепости в январе 1919 г. Среди них и великий князь Дмитрий Константинович. Он не был участником боевых действий, как его старший брат Константин. Или его племянники — князья Иоанн, Игорь и Константин. Но он был их первым учителем в практическом овладении боевым мастерством: в верховой езде, рубке шашкой, навыкам ухода за верным боевым товарищем — конем. А также учил науке общения с подчиненными нижними чинами, однополчанами, сверстниками — офицерами, с начальством. Свидетельства их достойного, ответственного отношения к защите Отечества — в беспрекословном подчинении приказу о мобилизации, желании служить не в тылу, а на боевой позиции, радость от чувства преодоления страха, обретения чувства боевой сплоченности, своей принадлежности русской армии.

Современные события доказывают жизнестойкость вековых принципов организации Русской армии. И нежизнеспособность эффективного менеджмента, оптимизации, приватизации воинства и отдельных элементов воинского быта доказывают необходимость воспитания воинов для защиты Отечества и даже человечества, делают все свидетельства о воспитании, воинской службе, преодолении ими трудностей и личных слабостей ценным педагогическим материалом. Великий князь Дмитрий Константинович занимал ответственные посты, командуя в мирное время 1-й бригадой 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, занимал должность Председателя Комиссии по приему лошадей, поставляемых Главным Управлением Государственного Коннозаводства в армейскую кавалерию. Своими успехами русское коннозаводство в начале XX в. в немалой степени обязано великому князю, а также и большой по-

требностью армии в лошадях. Под Полтавой он создал на собственные средства Дубровский конный завод, где разводил рысаков и верховых лошадей орлово-ростопчинской породы. Он ежегодно обследовал и реформировал снабжение армии конным составом, ветеринарией, кормом, лекарствами, огромным составом нижней obsługi, конюшими, военной ветеринарией и выводением необходимых армии пород лошадей и прочее.

Для многих Бог и святые Его — что-то типа социальной службы: помогут, поддержат, выведут, исцелят, отремонтируют холодильник, спасут на пожаре и в реанимации. Но «без Бога — ни до порога». Господь есть истина, и живот, и путь. Все вышеперечисленные имена — не просто рядовые воины, благотворители. Они — представители Царской власти. И им приходилось командовать войсками на поле брани, побуждая их к подвигу. Им приходилось властью, данной им от рождения, возглавлять многие общественные полезные, но не популярные дела: трезвенническое движение, без которого общество недееспособно, вовлечение каждого гражданина в дела благотворительности и милосердия, участие прихода, прихожан в жизни церкви, начиная с общецерковного пения на службах и в налаживании приходской жизни. Особенно в этом преуспел князь Иоанн Константинович.

Но и после их смерти многие события нашей жизни несут на себе память о них, некое духовное попечительство этих святых мучеников. Впервые погребение у стен Петропавловской крепости было обнаружено в 1988 г. при прокладке коммуникационной траншеи у левого фаса Головкина бастиона. Судмедэксперты определили, «что останки пролежали в земле около 100 лет и принадлежали четверем мужчинам в возрасте 50–60 лет»². С тех дней ежегодно

² Заключение эксперта МКО СПб № 154 от 26.03.2007 / В. И. Кильдюшевский, Н. Е. Петрова. Обнаружение захоронений жертв красного террора в Петропавловской крепости. Итоги сезонов 2009–2010 гг. / Труды государственного музея истории Петербурга. Вып. 21. СПб., 2011, С. 109.

в конце января собиралась в Петропавловской крепости группа верующих, возглавляемая протоиереем Алексием Масюком и совершала панихиду. Вьюжным январским вечером 1990-го года, группа с трудом преодолела все заслоны сторожей. Значительно задержав ее начало, в сумерках приступили к молитве в узком пространстве между стенами крепости и Трубецкого бастиона. Темнело, ветер задувал со всех сторон. С каждой минутой становилось все холоднее, все ветренее, пространство между стенами превратилось в аэродинамическую трубу. И вдруг — разошлись тучи, прилетели оживленно чирикающие воробушки, найдя освященную солнечным лучом скудную ветку, выросшую в трещинах стены. И когда батюшка стал возглашать поименно Вечную память каждому из четырех великих князей, часы Петропавловского собора, тогда еще без карильона, присоединились к панихиде. Четыре часа — четыре удара в колокол, каждый точно после возгласа: Вечная память благоверному великому князю Дмитрию Константиновичу. Колокол. Благоверному великому князю Георгию Михайловичу. Колокол. Благоверному великому князю Николаю Михайловичу. Колокол. Благоверному великому князю Павлу Александровичу.

Случайно, более чем через 10 лет, в конце декабря 2009 г. при аналогичных обстоятельствах у стен Головкина бастиона было обретоено еще одно место массовых расстрелов, найдены были останки безымянных жертв: отцов, героев войны, офицеров и простых матросов, юных кадет и безымянных женщин. Только один из них обрел имя, обрел право на отпевание и предание земле по христианскому обряду. Даже грозная природная стихия зимы 2009–2010 г. не призвала устранившийся было от разбушевавшейся стихии народ к покаянию, или к поминальной молитве, к христианскому погребению всех костей страдальцев, к попытке определить их имена. Однако, имена четырех, расстрелянных и погребенных в 1919 г. мы знаем: благоверных великих князей Николая Михайловича, Георгия Михайловича, Дмитрия Константиновича и Павла Александровича. Современная практика генетической экспертизы воинов, под-

вергающих свою жизнь опасности, по какой-то причине не исполняется в отношении найденных останков. Но ведь и они в большинстве — воины, павшие без суда и следствия в застенках тюрьмы, безвестно пропавшие для близких. Но они были дороги и для Родины — иначе вряд ли удостоились казни.

Хотелось бы, чтобы их именами называли улицы, площади, учебные и медицинские учреждения. Памятью об этих замечательных людях должны быть книги и популярные материалы во всех средствах информации: в газетах, на радио и телевидении. Спортивные соревнования, также было бы неплохо посвящать их памяти: большинство членов Дома Романовых были покровителями нарождавшихся видов спорта: конного, стрелкового, яхтенного, футбола и тенниса, велосипедного, авиации и автолюбительства.

Творческие конкурсы, научные конференции, названные их именами и посвященные датам их жизни, живут и дают новую поросль молодежи, преданной родине, а не модным и всем надоевшим лицам, заполнившим наши экраны и печатные издания. Надо спешить, ведь и злое, худое семя дает ростки. Доброе семя, посеянное нами, даст хорошие плоды. До сих пор имена безбожников, убийц и террористов, «украшают» наши города и села.

В 1998 г., создавая икону святого великого князя Дмитрия Константиновича, по инициативе зарубежным кадет, готовивших свой съезд в России, иконописец Владимир ждал заказчика, чтобы отдать заказ. Каково же было его недоумение и волнение, когда он увидел, что икона испорчена. Дома не было никого, кто мог бы это сделать, он жил один. Да и характер повреждений был странным. На иконе проступили пятна. Круглые, величиной в мелкую монету, они выявились на френче мученика: на груди и на бедре, представляя собой темную точку в середине, расходящуюся светло-зеленым круглым пятном, постепенно сливавшимся с френчем. На голове, от темени вниз, к левому уху, на шею, потекла краска, та, которой были изображены волосы и кожа головы. Открытие было сделано им незадолго до прихода заказчика, так же пришедшего в недоумение. Переглянулись

и Владимир спросил: «А Вы знаете подробности убийства, как он был убит?» Решили помолиться, спросить совета протоиерея Иоанна Варламова, почитателя Царственных мучеников, каждую литургию поминавших их и всегда служивших им молебен, читавшим им тропарь на каждой литургии. Батюшка посоветовал не трогать икону, посмотреть, что будет дальше. Но все же Владимир записал проявившиеся пятна, объяснив их возможностью попадания растворителя на поверхность иконы. Так появился на иконе спадающий с плеча великого князя Дмитрия красный плащ. Икона эта, находящаяся в частных руках, — участница многих крестных ходов: в Екатеринбурге, на Ганиной Яме и в Алапаевске, в Петергофе, в Петербурге. Когда были обнаружены массовые захоронения в Петропавловской крепости, икона трижды громко ночью упала со стены. Первый раз — оборвалась веревка, потом — выпал гвоздь из стены. В третий раз — происшествие с петелькой, в которую вставлялась веревка. Три ночи подряд хозяйка просыпалась от грохота среди ночи. Конечно, эта икона еженедельно обносилась вокруг Петропавловской крепости молитвенниками о спасении града святого апостола Петра и России от гнева Божия, постигшего нас зимой 2009–2010 гг., читался тропарь, общий мученикам, и неоднократно «демонов немощные дерзости» разрушались по молитвам великого князя Дмитрия.

Верится, что молитвами святого благоверного великого князя Дмитрия, последнего владельца Стрельны, удалось восстановить Константиновский дворец, ставший местом международных встреч, конгрессов, местом дружбы, сотрудничества и взаимопонимания. В течение 14-ти лет проводились в стенах дворца Константиновские чтения, прервавшиеся в 2019 г. — в год столетия со дня гибели праведника великого князя Димитрия Константиновича, по которому не смогли отслужить панихиду на месте его убиения в январе 2020 г. Напала на родину нашу «современная корона» в виде крохотного вируса. Был закрыт Петропавловский кафедральный собор, запрещены службы.

Но на этой новой беде не закончились трагедии человечества, уповавшего на прогресс, демократию и знание. Целая система ме-

роприятий, направленных, казалось бы, против России и нашего президента, мощной волной хитроумных ситуаций вызвала непредсказуемый и неожиданный результат. Раз за разом Россия выходит победителем, пусть в маленьких, никем не объявленных, но сражениях. Невидимо для глаза, но небесные покровители православно́го государства, в том числе и мученики — великие князья, — помогают, поддерживают, направляют, укрепляют волю и силы современных государственных мужей «право правящих слово истины». Когда был объявлен всемирный бойкот России, Господь упрочил ее через Международный экономический форум 2022 г., особо доверительные переговоры которого шли и в Константиновском дворце.

Сами даты определенных международных событий, как дорожные указатели, подсказывают, что святые этого дня с нами. 19 июля 2022 г., на следующий день после дня памяти Алапаевских мучеников — в. к. Елизаветы Фёдоровны, инокини Варвары, бл. кн. Иоанна, Игоря Константина, в. к. Сергея Михайловича — окончательно сложилась на полях международного экономического форума (МЭФ) картина международной, межконфессиональной поддержки России. Не молитвы ли мученика Петроградского Дмитрия, последнего Августейшего владельца Стрельны, склоняют весы Вышнего правосудия в сторону России? Свидетельство мощи нашей артиллерии — не помощь ли «главного артиллериста» дореволюционной России — великого князя Сергея Михайловича?

Нам остается только защищаться броней правды, вооружиться щитом веры, шлемом спасения, мечом духовным, «иже есть глагол Божий» (Ефес, 6:10), чтобы разбить ложь и вражеские атаки. «Чтобы воинствовал (наш Президент — *Т. Г.*) как добрый воин, имея веру и добрую совесть» (Тим. 1, 18:19), поддерживаемый ежедневно и ежечасно молитвой народа, молитвой святых российских, в том числе и членов Дома Романовых: великого князя Дмитрия Константиновича, князей Иоанна, Игоря и Константина, а также всех убиенных великомучеников Российского Царского Дома.

Подписано в печать 00.00.2023. Формат 60×88 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 00. Заказ №

Отпечатано с готовых файлов заказчика